СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCV, № 1.

ДІАЛЕКТОЛОГИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ,

СОБРАННЫЕ

В. И. Тростянскимъ, И. С. Гришкинымъ и др.

Приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями

А. А. Шахматовъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1916 года.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемый небольшой сборникъ включены діалектологическіе матеріалы, записанные въ разныхъ мѣстностяхъ великорусской языковой области — въ Воронежской, Рязанской и Вятской губерніяхъ. Ихъ объединяетъ наличность въ воспроизводимыхъ говорахъ одной общей черты, вообще рѣдкой въ великорусской области — появленія дифтонгическаго произношенія на мѣстѣ исконнаго о и на мѣстѣ исконнаго ѣ. Условія появленія этихъ дифтонговъ для всѣхъ трехъ говоровъ одинаковы; они совпадаютъ съ условіями дифтонгизаціи о и исконнаго ѣ, опредѣляемыми для одного изъ Тотемскихъ говоровъ Вологодской губерніи Ол. Брокомъ (Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. 83). Для появленія дифтонга на мѣстѣ о условія слѣдующія: ударяемость исконнаго (слѣдовательно, не восходящаго къ ъ, ы, е) о; при этомъ въ неначальномъ слогѣ дифтонгизаціи подвергается всякое исконное о подъ удареніемъ; въ начальномъ же слогѣ оказывается колебаніе. Сопоставленіе съ другими славянскими языками (прежде всего съ сербско-хорватскимъ и словенскимъ) показываетъ, что о дифтонгизовалось только подъ восходящимъ (исконнымъ восходящимъ) удареніемъ, сохраняясь безъ измѣненія подъ нисходящимъ: кўожа, хўодим, двўор (ср. словенск. kóža, hódimo, dvór), но год, поле, воду (ср. словенск. gȏd, poļȇ, vodȏ, штокавск. го̑д, по̏ље, во̏ду, при чемъ на нисходящее удареніе указываютъ и русск. на́ год, на́ поле, на́ воду, штокавск. у̏ го̑д, на̏ поље, на̏ воду). Въ виду того, что въ общеславянскомъ праязыкѣ нисходящее удареніе сохранялось только на начальномъ слогѣ, видимъ, что вообще и въ

начальныхъ и въ другихъ слогахъ дифтонгизація въ великорусскихъ говорахъ наступала только подъ исконно восходящимъ удареніемъ. Дифтонгическое произношеніе исконнаго ѣ во всѣхъ трехъ говорахъ зависитъ отъ ударяемости ѣ.

Записи В. И. Тростянскаго, исполненныя совершенно независимо отъ какихъ-либо теоретическихъ предпосылокъ, въ отношеніи различенія о и ӯо, а также їе на мѣстѣ ударяемаго ѣ, представляются почти безупречными. То же должно сказать о записи, исполненной въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Вятской губерніи оставшимся неизвѣстнымъ лицомъ,—повидимому, замѣчательнымъ наблюдателемъ; но здѣсь не видимъ слѣдовъ дифтонга на мѣстѣ исконнаго ѣ.

Въ записяхъ И. С. Гришкина изъ Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи видимъ довольно частое опущеніе діакритическаго знака, которымъ этотъ талантливый наблюдатель означалъ особое произношеніе о (какъ уо, по его собственному опредѣленію). Подобные случаи отмѣчены мною поставленнымъ въ скобкахъ sic. Что до дифтонга на мѣстѣ ѣ, то въ говорѣ И. С. Гришкина слышится звукъ близкій къ дифтонгу іе (это скорѣе монофтонгъ, занимающій середину между е и і); въ его записяхъ онъ обозначается буквой ѣ. (Подробнѣе о Лѣкинскомъ говорѣ Егорьевскаго уѣзда см. Изв. Отд. р. яз. и сл. 1913 г., т. XVIII, кн. 4).

Записи В. И. Тростянскаго и И. С. Гришкина хранятся въ Рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ.

А. Шахматовъ.

Декабрь 1915 г.

Народныя пѣсни, собранныя въ сѣверо-западн. углу Землянскаго и отчасти Задонскаго уѣздовъ Воронеж. губ.

Я долженъ предпослать своимъ замѣчаніямъ къ сборнику біографическія свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ я пользовался собраннымъ матеріаломъ. Такъ какъ жизненная обстановка этихъ лицъ, связанныхъ между собой общей родиной, нарѣчіемъ, происхожденіемъ и занятіями, въ своей сущности совершенно однообразна, то поэтому я представлю, такъ сказать, ихъ общую біографію, не вдаваясь въ какія-либо біографическія частности.

Всѣ старинныя, а также свадебныя пѣсни я заимствовалъ отъ мѣстныхъ жителей крестьянъ—коренныхъ осѣдлыхъ жителей нашего района (сѣверо-западнаго угла уѣздовъ Землянскаго и Задонскаго Ворон. губ.). Издавна они жили, такъ сказать, на насиженныхъ ими пригрѣтыхъ мѣстахъ, занимались и до сихъ поръ занимаются хлѣбопашествомъ, отчасти скотоводствомъ, и изрѣдка—извозомъ въ сосѣдніе города или на ближайшую станцію.

Тоже можно сказать и о сказчикахъ—и сказчицахъ новѣйшихъ пѣсенъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ «линейскихъ» (пѣсенъ «линейцевъ»—крестьянъ, отправляющихся на промыслы въ придонскія губерніи, на «Линію»). Эти послѣдніе, т. е. «линейцы» ежегодно занимаются отхожими промыслами. Возвращаясь изъ придонскихъ южныхъ губерній—мѣстъ своихъ заработковъ

(съ «Линіи»—юга Россіи), они приносятъ съ собой для своего образа мыслей всякія новинки и, между прочимъ, особыя «линейскія» пѣсни, т. е. пѣсни, заимствованныя съ «Линіи»—въ придонскихъ губерніяхъ.

Въ своей транскрипціи пѣсенъ я въ однихъ случаяхъ ставилъ удареніе согласно требованіямъ стихотворнаго размѣра пѣсни, а въ другихъ—гдѣ не было стихотворнаго размѣра,—я руководствовался обычнымъ произношеніемъ словъ въ мѣстномъ говорѣ. Отступленія подобнаго рода особенно часто можно встрѣтить въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ передается діалогическая рѣчь фигурирующихъ лицъ.

Программа профессора А. Соболевскаго (краткое руководство при описаніи говора) какъ подспорье, конечно, весьма пригодна для изученія и уясненія разныхъ говоровъ; однако нужно сказать, что трудно предусмотрѣть всѣ встрѣчающіяся особенности въ разнообразныхъ мѣстныхъ говорахъ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ и даже цѣлесообразнымъ представить списокъ собранныхъ мною пѣсенъ и нѣсколькихъ духовныхъ стиховъ для того, чтобы еще нагляднѣе и полнѣе изобразить всѣ оттѣнки и черты нашего мѣстнаго говора.

Пѣсни собраны мною и записаны двоякимъ путемъ[1]). Однѣ непосредственно съ голосу, и потому я въ этихъ пѣсняхъ не пропускалъ припѣвныхъ частицъ въ родѣ: ох, ах, ой, уж, ды и др.; другія — записаны просто со словъ, «со сказу». Пѣсни, записанныя съ голосу, я считаю болѣе цѣнными. «Игрицы» и «игруны», вдохновляясь во время пѣнія, передаютъ пѣсни несомнѣнно полнѣе и правильнѣе какъ въ отношеніи размѣра, такъ—и оригинальности самаго произношенія, чѣмъ просто «сказомъ». При передачѣ пѣсенъ словами, «сказчики» невольно допускаютъ пробѣлы и всякія ошибки, да притомъ нѣкоторые изъ нихъ стараются въ такихъ случаяхъ выразиться «почище, поблагороднѣе», — значитъ рѣчь тогда ломается, коверкается и трудно бываетъ при

1) Буквы «ѣ» и «ъ» въ своемъ сборникѣ я намѣренно не ставилъ нигдѣ, чтобы подвести транскрипцію подъ однообразный видъ.

этихъ условіяхъ уловить оригинальное произношеніе и выговоръ. Поэтому пѣсни, записанныя непосредственно съ голоса пѣвца, я считаю болѣе цѣлесообразными и цѣнными.

Наши пѣсни, какъ и населеніе, можно раздѣлить на два противоположныхъ разряда. Однѣ — выходящія и вышедшія изъ употребленія, почти забытыя и вовсе забытыя излюбленныя пѣсни людей, такъ сказать, стараго завѣта, старыхъ поколѣній. Новыя поколѣнія равнодушны къ нимъ; они охотно промѣниваютъ ихъ на свои пѣсни, болѣе отвѣчающія ихъ настроенію. Старыя пѣсни представляютъ изъ себя пережитки стараго прошлаго времени; онѣ цѣнны, какъ таковыя, только для ихъ творцовъ, для ихъ составителей, какъ отголоски пережитаго невозвратнаго прошлаго.

Тѣ же отхожіе промыслы, что перепутали коренные сельскіе говоры, они же, повторяемъ, главнымъ образомъ, повліяли на образованіе и появленіе новѣйшихъ пѣсенъ, служащихъ достояніемъ новыхъ поколѣній и оттѣснившихъ или вовсе вытѣснившихъ собою старинныя пѣсни.

Молодежь мѣстныхъ селъ и деревень, тяготившаяся бѣдностью и бѣдной обстановкой своей родины, толпами устремляется въ придонскія южныя губерніи или, какъ она выражается, «на низы, на Линію», на заработки.

Тамъ наши крестьяне свободно, безъ домашнихъ ограниченій, празднуютъ дни своп юности, вольничаютъ на всѣ лады среди вольной счастливой казачьей жизни. И неудивительно, если они уносятъ оттуда съ собой самыя лучшія впечатлѣнія и воспоминанія, а вмѣстѣ съ ними и особыя новыя «шахтерскія» (отъ слова «шахты» или «линейскія» (отъ слова «Линія»—югъ Россіи) пѣсни, какъ живые знаки веселыхъ пережитыхъ событій и заманчивой южной обстановки. Эти пѣсни «въ минуту жизни трудную» сглаживаютъ темныя краски ихъ неприглядной домашней жизни на родинѣ и заставляютъ ихъ юное воображеніе хоть на мгновеніе забыться въ мірѣ далекихъ воспоминаній о «линейскихъ» молодеческихъ годахъ.

Тоже можно сказать и про «дѣвичьи» пѣсни. Старинныя пѣсни, пѣсни своихъ матерей и бабушекъ постепенно забываются или намѣренно пренебрегаются; на смѣну ихъ появляются новыя пѣсни, сложившіяся на нашей памяти. Это весьма печальный фактъ.

Старинныя пѣсни несомнѣнно выше, цѣннѣе новѣйшихъ и по содержанію и по чувству. Содержаніе ихъ въ большинствѣ—картинное поэтическое воспроизведеніе дѣйствительной жизни; чувства отличаются, сравнительно съ новѣйшими пѣснями, гораздо большей задушевностью и простотою. Можно отмѣтить нѣсколько пѣсенъ, какъ *пѣсни—были*, какъ поэтическое воспроизведеніе дѣйствительныхъ пережитыхъ событій. (Это пѣсни подъ №№ 1, 7, 9, 16, 17, 21, 27, 29, 30, 31, 32 и 44). Самый мотивъ старыхъ пѣсенъ настраиваетъ душу на какой-то особенный тонъ, совершенно чуждый и непонятный современнымъ молодымъ поколѣніямъ.

Необходимо еще прибавить, что новыя пѣсни крестьянскихъ дѣвушекъ и парней не представляютъ изъ себя того поэтическаго творчества и оригинальности, которыми преимущественно характеризуются старинныя пѣсни. Это пѣсни большею частью—компиляціи, передѣлки романсовъ, заимствованныхъ, занесенныхъ съ чужой стороны или же—цѣликомъ безъ измѣненія заимствованныя на чужой почвѣ, преимущественно въ придонскихъ губерніяхъ. Отсюда, въ новѣйшихъ пѣсняхъ можно встрѣтить весьма мало оригинальныхъ пѣсенъ, носящихъ печать новѣйшаго творчества. Однако было-бы несправедливо думать, что молодежь окончательно будто-бы порвала связь со старыми пѣснями. Молодыя поколѣнія нерѣдко и съ большой охотой поютъ и старинныя пѣсни, находя ихъ болѣе выразительными по настроенію и—пріятными по мотиву. Это до нѣкоторой степени отрадное явленіе. Можно не безъ основанія, пожалуй, надѣяться, что народное творчество вновь обратится къ своему неистощимому источнику—своему быту, своей родной обстановкѣ, и воскреснетъ опять временно забытая самобытная народная пѣсня.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о духовныхъ стихахъ. Духовные стихи въ послѣднее время составляютъ любимое раз-

влеченіе и даже, можно сказать, духовное наслажденіе престарѣлыхъ крестьянъ. Содержаніе ихъ берется изъ области библейскихъ сказаній, или же черпается изъ религіозно-нравственныхъ размышленій о духовныхъ предметахъ. Изъ любви къ духовнымъ стихамъ нѣкоторые мѣстные сельчане нарочно ходили по селамъ и сельскимъ ярмаркамъ вмѣстѣ съ нищими, чтобы научиться у послѣднихъ «ихъ божественнаго пѣнія». Любители духовныхъ пѣсенъ нерѣдко пробираются въ ближайшіе монастыри (напр. въ Задонскій монастырь Св. Тихона); тамъ они собираются въ кружокъ и «распѣваютъ» вмѣстѣ съ монахами духовные стихи «по цѣлымъ ночамъ». Изъ этихъ двухъ упомянутыхъ источниковъ наши сельчане и черпаютъ, главнымъ образомъ, обильный запасъ духовнаго пѣнія, который и разносятъ между своими сокомпаніонами.

Влад. Тр—ій.

с. Елецко-Маланьино 1912 г. 30 августа.

Старинныя пѣсни.

№ 1.

Я вы са́дику была́,
Ва зелёнам ва саду́ гуля́ла.
Я ждала́, ждала́ к сабі́е,
Ждала̀ ми́лава друшка́.
Не даждамшись я милу́ова,
Во́н ис са́дику пашла́,
И́дя му́ой мило́й,
Ка мні́е и́дя на глаза́.
«Здра́ствуй, ми́лая, мила́я
«Аті́чего ш ты худа́—блі́е́днаш стала?»
«Аті́чего ш мні́е худу́ой блі́е́днай ня быть?
«Май гля́зушки ясныи
«На бі́е́лай свіе́т не гледя́,

«Маи́ нуо́жуньки рязвы́и
«Па сырўой зямли́ ня йду́ть».
«Эх! Падём с табўой, мила́я.
«Ды ва́ зелёнай лужо́к гуля́ти,
«Саŕвём мы́ с табўой, мила́я,
«Сы любўой тра́вки ťвето́к,
«Сы лыбўой тра́вки ťвето́к.
«Издї́елаим на галўо́вушку вено́к
«Издї́елаим мы́ с табўой
«Ды́ паслї́еднію любўовь.
Дава́й с табўой распрашша́тца-расстава́тца
На зелёнам ды́ на лушку́!
Мы́ с табўой прашша́лись-расстава́лись.—
Са слю́ос рї́ечкя пратекла́
Мы с табўой аташлї́ дру́х ат дру́шки,
Дру́х-дру́га ня ви́дим,
А галасо́чки слы́шим.

№ 2.

Зап.: Лён мўой при гарї́е.
Бї́елай при крутўой
Прип.: У́ш я сї́ейла, сї́ейла лено́к.
Уш я сї́ейла пригава́ривала,
Чибата́ми прикала́чивала.
Ты уда́йси, уда́йси, мўой лён.
Ты уда̀йси, лено́к бї́елинькей
Ды у ни́тачкю то́нинькію
Шалкави́начкю зелёнинькію!
Зап.: Лён мўой при гарї́е
Бї́елай при крутўой.
Прип.: Я палўо́ла, палўо́ла лено́к.
Я палўо́ла,—пригава́ривала
Чибата́ми прикала́чивала,
Ты уда́йси, уда́йси мўой лён,

Ты удáйси ленóк бїéлинькей
Ды у ни́тачкю тóнинькію,
Шалкави́начкю зелёнинькію

Зап.: Лён мўóй при гарїé
Бїéлай при крутўóй.

Прип.. Я дёргалá, дёргала ленóк,
Я дёргала приговáривала,
Чибатáми [1]) прикалáчивала.
Ты удáйси, удáйси, мўóй лён и т. д.

Зап.: Лён мўóй при гарїé,
Бїéлай при крутўóй

Прип.: У́ш я пря́ла, я пря́ла ленóк,
У́ш я пря́ла-пригавáривала,
Чибатáми прикалáчивала
Ты удáйси, удáйси, мўóй лён и т. д.

Зап.: Лён мўóй при гарїé
Бїéлай при крутўóй

Прип.: У́ш я ткáла, я ткáла ленóк,
Уш ткáла—пригаваривала,—
Чибатáми прикалáчивала
Ты удáйси, удáйси, мўóй лён и т. д.

№ 3.

Ох! Да ой хто нé был, нé был за Дунáям
Ох! Тóт горя́ не знáя!...
Ох! Да Вáнькя чóрнай, Вáня чернабрóвай
Ох! Да маладѐц ды харўóшай.
Ох! Да скряпи́л сéрца, скряпи́л свай мы́сли
Ох! Да не знáя ох-ды́, кáк бы́ти,
Охъ! Да пра дружка пазабыти
Ох! Да пра такўóва, Вáнькю дарагўóва.
Ох! Да шéл я лужóчкям, круты́м бережóчкям
Ох! Да не нашéл да следóчкя.

---

1 *Чиботы-чоботы—это полсапожки женскія.*

№ 4. Здравица.

Атцу́ и духўо́внаму и с супру́жницай его
С благада̀тным до́мам
Мнўо́гая лі̆е́та!...
Жи́ть ва щя́стьи, жи́ть ва здра́вьи
Да сія́я и́м плани́да!... [1]).
Мнўо́гая лі̆е́та!...
И ўсяму́ наслі̆е́дію и с усі̆е́ми ді̆е́тками
Мнўо́гая лі̆е́та!

№ 5.

Зап.: Ох! Утушка лугава́я,
Ох! Утушка лугава́я.
Прип.: Лю́ли, лю́ли луга́ва́я,
Лю́ли, лю́ли лугава́я!
Зап.: Игді̆ѐ ты спа́ла,—начева́ла
Игді̆е́ ты́ спа́ла,—начева́ла?
Прип.: Лю́ли, лю́ли начева́ла,
Лю́ли, лю́ли начева́ла.
Зап.: Начева́ла я ў лужо́чкю
Начева́ла я ў лужо́чкю
Прип.: Лю́ли, лю́ли у лужо́чкю
Лю́ли, лю́ли у лужо́чкю,
Зап.: Пад раки́тавым кусто́чкям
Пад раки́тавым кусто́чкям
Прип.: Лю́ли, лю́ли пад кусто́чкям,
Люли, лю́ли пад кусто́чкям.

№ 6.

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ о́н ді̆е́лая, кума? Бо́лян ляжи́ть.
А што́ у нево́ бали́ть? Пле́чики.

---

1) Планида—планета, въ переносн. смыслѣ: пусть сіяетъ имъ счастье...

Прип.: Баля́ть, баля́ть пле́чики
Схади́, кума́ на гару́от,
Сарви́ тра́вки—ре́тички
Припа́рь яму́ пле́чики!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, голу́бушка!
Его́ па́р не берё́ть!
Пу́шша к се́рцу пристаё́ть
Лихама́нка берё́ть

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ он дiе́лая, кума́? Бо́лян ляжить.
А што́ у него́ бали́ть? Пя́тачки.

Прип.: Баля́ть, баля́ть пя́тачки,
Схади́, кума́, на гару́от,
Сарви́ тра́вки—мя́тачки
Припа́рь яму́ пя́тачки!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, галубушка!
Ево́ па́р не берё́ть,
Пу́шша к се́рцу пристаё́ть
Лихама́нка берё́ть

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ о́н дiе́лая, кума́? Бо́лян ляжи́ть
А што́ у нево́ бали́ть? Лы́тачки.

Прип.: Баля́ть, баля́ть лы́тачки [1]),
Схади́, кума́, на гару́от
Сарви́ тра́вки—мы́тачки,
Припа́рь яму́ лы́тачки!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, галу́бушка!
Ево́ па́р не берё́ть,
Пу́шша к се́рцу пристаё́ть
Лихама́нка берё́ть

---

1) *Верхняя часть ноги.*

Зап.: До́ма-ль, кума́, вараба́й? До́ма
А штó óн дïéлая, кумà? Бóлян ляжи́ть
А штó у невó бали́ть? Пупóчик
Прим.: Бали́ть, бали́ть пупóчик,—
Сходи́, кума́, на гару́от
Сарви тра́вки снапóчик
Припáрь яму́ пупóчик!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, галу́бушка!
Евó пáр не берёть,
Пу́шша к сéрцу пристаёть,
Лихама́нка берёть.
Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А штó онъ дïéлая, кума́? Бóлян ляжи́ть.
А штó у негó бали́ть? Палави́нки.
Прип.: Баля́ть, баля́ть палави́нки
Сходи, кума́, на гару́от
Сарви́ тра́вки—палы́нки
Припáрь палави́нки!
Па́рила, ку́мушк,
Па́рила, галу́бушка!
Евó пáр не берёть,
Пу́шша к сéрцу пристаёть
Лихама́нка[1]) берёть

№ 7.

Па серéбряным валнáм па зăлăты́м пясóчкям
Игдïé я с ми́лай, с ми́лай я гуля́л,
Тáм храни́л слядóчки.
Расприкрáсныа тïéх сляду́ов нïéт,
Бу́тта не бувáла.
Сïéл на врана каня́ сáм тудá стрялу́ою

1) *лихорадка.*

Ви́жу храм я у далиня, ко́лкал раздаётся
Я на па́перть ў схажу́; та́м нарўбт талпўбю.
Ви́жу пре́жнію маю́ вўбдють кру́х налўою
Свіе́чи біе́лаи и рука́х,—вянцы́ над главўбю...
Да́й Бо́х шча́стья, шча́стья и тала́н па́рню маладу́бму,
Да́й Бо́х шча́стья и тала́н и любўбвь святу́я.

№ 8.

Што́-ш ты, во́ран вьёсси
Над мае́ю бўйнай галавўбй?
Ты дабы́чи, во́ран, не дабьёсси.
Да ляти́ ты, ляти́, че́рнай во́ран,
Да сняси́ ты, сняси́, чо́рнай во́ран,
Атцу́ с ма́терью, съ ма́терью паклўбн.

№ 9.

Земляни́чкя—я́гатка ва бару́ ради́лася
Прип.: Эй, эй ихохо́, эй, эй уш ты мнїе̇!
Ва бару́ ради́лася, ва дере́вню за́-муш шла́
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мнїе́
Ва дере́вню за́-муш шла́ за ста́рава старика́,
За старава старика,—за сяду́я бо́раду
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мнїе́.
А сяда́я барада—гарямы́шная бяда́
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мнїе́.

№ 10.

Не буди́тя мене́ маладу́
Ра́ным-ра́на, па-утру́.
Вы́ тада́ мене́ буди́тя,
Ка́да со́лнушка зайдёть;
Ка́да со́лнушка зайдёть,
Раса́ на́ землю падёть;
Раса́ на́ землю падёть
Пасту́х вы́дя на лужо́к.

Пасту́х вы́дя на лужо́к,
Заигра́я ва ражо́к.
Выганя́йтя вы скати́нку
На папу́ову лугави́нку
Гу́бнють ба́бы, гу́бнють дї́евки,
Гу́бнють ма́лаи ребя́та,
И ста́раи старики́
Барада́таи мужики́.

№ 11.

У на́с на гу́рки—на пригу́рки
Та́м стоя́ла деревéнькя;
Деревéнькя не малéнькя.
Та́м гуса́рка маладéнькя.'
У гуса́рки да три́ до́чки:
Адна́ Ша́ша, друга́ Ма́ша,
Трéтья Ка́тинка—душа́.
Х Ка́ти Ва́ня ху́бдя,
Без ращёту дéньги ну́бся:
Усю́о ру́блик ды́ палти́ну
Ишшо́ си́нію бума́шку,
Ишшо́ лї́енту на пратя́шку.

№ 12.

Лятї́ел со́кал ис Кїéива ми́мо тéрима
Уда́рил крыло́м аб высу́бкаи терём
Ой люли́, люли́...
Аб высу́бкай тéрям, ап святли́цу
Ой люли́, люли́...
У святли́цы три сястри́цы.
Сестра́ к састрї́е пабува́ть пришла́.
Ой люли́, люли́...
Што́ ш ты, сестра́, не зна́исси,
Не зна́исси, не знаку́бмисси?
Ой люли́, люли́...

Ни ты́ ка мнїе́, ни я́ х табї́е
Ой люли́, люли́...
Как, сестра́, хади́ть? На́да ста́рава люби́ть,
На́да ста́ра́ва люби́ть сяду́я бо́раду.

№ 13.

У на́с ны́ня де́нь нязгўода[1])
Нельзя́ ў по́ли рабата́ть,
Нельзя́ ў по́люшки рабўотать
Ни скарўодить, ни паха́ть.
Ни скарўодить, ни паха́ть
Ни́ з зазнўобаю гуля́ть.
Зазнўоба, мая зазнўоба,
Зазнўобачкя—ба́бачкя!
Как пра́ на́с с табўой, зазнўоба,
Лихи́ лю́ди гаваря́,
Лихи́ люди́ гаваря́
Тебе́—ба́бачкю руга́ють;
Тебе́—ба́бачкю руга́ють
Мене́ мо́ладу браня́.
Тебе́ ба́бачкю падї́елу
Мене́ мо́ладу за штўо́
Мене́ мо́ладу за штўо́
За какі́и за дї́ела́.

№ 14.

Ой ў на́с по́д ли́сам лисо́чкям,
Пад раки́тавым кусто́чкям
Вы́шла дали́нка, вы́шла дали́нка.
Как па э́тай па дали́нки,
Ка́к па э́тай па широ̆у́кай
Насту́х стереге́, пасту́х стереге́.

---

1) *непогода.*

Стерегé пастýх скати́нку,
Стерегé пастýх мірскýя;
Нехáй стерегé, нехáй стерегé.
Тáм ишлá—пpашлá девчóнка,
Тáм ишлá—пpашлá красáвка,
Звалá начевáть, звалá начевать.
«Пастýх, пастýх, пастушóчик,
Ты мўой ми́линькей дружóчик
Пади́ заначўй, пади́ заначўй»!
«Пастўой дïéвка—раскрасáвка
Пастўой дïéвка—раскрасáвка
Скати́нку з·бярý, скати́нку з·бярý.
Я з·бярý, з·бярý скати́нку,
Я з·бярý, з·бярý мірскýя,
Ў сялўó ўганю́, у сялўó ўганю́.

№ 15.

Зелёнай дубóчик на я́р пахили́лся.
Маладóй чумáчик ап чўóм зажури́лся?
Ап чўóм зажури́лся? Без дўóли ради́лся:
Бáтькя с мáмкай пóмерли, а я не жани́лся,
А я не жани́лся,—халастóй астáлся.
Ой пайдý я ва пóля—искáть свою дўóлю.
Не нашóл я дўóлю, нашёл рыбалўóвлю.
Рыбалўóвцы—хлóпцы завдалы́ малўóтцы!
Вы заки́ньтя сïéти ва си́нію мóря;
Вы паймáйтя, хлóпцы, паймáйтя мнïé дўóлю,
Паймáйтя мнïé дўóлю пáрню маладўóму.
Не поймáли дўóлю, а поимáли шшýку;
Ры́бы палави́ли, дўóлю правади́ли.

№ 16.

Ой сиди́ть вóран, вóран на дубóчкю
Ой кричи́ть вóран, вóран на бядý.

Ой ты зачїем, зачїем да ты, мальчéнка
Ой у чужý стóрану да ты зашéл?
Ой ни скїем мáльчик ой да нé спрасúлся [1]),
Акрамя́ сéрца, сéрца сваёвó.
Ой брóсил мáтушку—ды старýшку
А бáтюшку—старичкя́...
Ой жúл я мáльчик, жúл я весялúлси,
Ой имїел сабїе, сабїе капитáл.
Ой да капитáл ýвéсь праматáл я,
Ой да ва невýóлю жить папáл.
Ой да ва такýя, брáтцы ва нявýóлю,
Ой нихтó не знáя, брáтцы, пра неé...

№ 17.

Ой вы горáдя, ой вы горáдя
Вы горáдя салучúлася бёдá.
Ой тáм убúли, ой тáм убúли
Там убúли маладýóва казакá
Ой схаранúли, ой схаранúли,
Схаранúли при ширýóкай далúни
Ой тáм лятїели, ой тáм лятїели,
Там лятїели сакýóлики старанýóй
Ой сїели-пáли, ой сїели-пáли
Сїели-пáли ко удýóвушки на двýóр.
Ой крылушкáми, ой крылушкáми,
Крылушкáми ширýóкай двýóр размялú,
Ой галасáми, ой галасáми,
Галасáми удýóвушку будúли.
Ой устáнь, праснúся, ой устáнь, праснúся
Устáнь праснúся удýóвушка маладá,
Ой падú, вы́ди, ой падú, вы́ди,
Падú, вы́ди за новы́я вăрăтá

1) *не посовѣтывался.*

Ой ты паслу́шай, ой ты паслу́шай
Ты паслу́шай да што лю́ди гӑваря́.
Ой люди ба́ють , ой люди ба́ють
Лю́ди ба́ють и гута́рють, гаваря́
Ой чужи́ му́жья, ой чужи́ му́жья,
Чужи́ му́жья сы рабўотушки=иду́ть.
Ой сваи́м дї́еткам, ой сваи́м дї́еткам,
Сваи́м дї́еткам па пада́рачкю нясўть.
Ой тваёво́ му́жа, ой тваёво́ му́жа
Тваёво́ му́жа варана́ каня́ вядуть[1])...

№ 18.

По́лна, по́лна ва́м, ребя́та,
Чужу́ пи́ва пи́ти!
Не пара́-ли ва́м, ребя́та
Сваёво́ навари́ти?
Мы бы ра́ды навари́ли
Ды со́лату нї́ету.
У нас со́лат на̓ ви́ни[2]),
А хме́ль на тычи́ни[3]).
Тычи́нушка абламі́лась,
А хме́ль апусти́лси
Апусти́лси, абнизі́лси
На ма́ть—сыру́ зе́млю.
Ой, ма́тушка—сыра́ земля!
Галўбвушку бо́льна.
Балі́ть, бали́ть галўбвушка
Да са́мава мо́згу.
Шшамі́ть, шшамі́ть серде́чушка
Да бї́елаї да гру́ди.

---

1) т. е. убитъ.
2) вм. *на овинѣ.*
3) *на колу.*

Ой ва саду́-ли ва гарўбди
Расла́ трава́—мя́та.
За то́ мене́ ми́лай лю́бя,
Што́ я не бага́та.
Ой ва саду́-ли ва'гарўбдя
Расла́ павили́чкя;
Зато мене́ ми́лай лю́бя
Што́ я не вяли́чкя.
Ой ва саду́-ли ва'гарўбди
Расла дре́вӑ лази́на
Зато́ мене́ ми́лай любя
Што́ я не рази́ня.

№ 19 (плясовая).

Малў́тка, ды малў́тка
Ды малў́динькія
Галў́вка твая́ пабі̆е́днинькія.
Ой ні̆е́ с ким мні̆е́ малў́тки
Ды но́чкю начева́ть,
Но́чкю начева́ть
Дли́ннаю карата́ть.
Ля́жу спа́ть адна́
Ды бя́з· мила́ дружка,
Бя́з· мила́ дружка́
Бере́ гру́сть—таска́.
Гру́сть—таска́ бере́,
Далякў́ó ми́л живе́
Дале́ча, дале́ча на тў́ой старані̆е́
На тў́ой старані̆е́
Ды ня бли́ска ка мні̆е́.
Хў́одя мў́ой милой
Тў́ою старанў́ой.
Ма́ша мў́ой милой
Пра́ваю рукў́ой,

Рукӯой пра́ваю
Шля́пой чо́рнаю.
«Перяйди́, суда́рушка,
На маю старӯбнушку»!
«Я бы ра́да—перешла́,
Перяхӯбду не нашла́».
Перяхӯбт нашла́,
Жо́рдачкя танка́,
Жо́рдачкя танка́,
Рїе́чкя глубака́.
Ва э́той ва рїе́чки
Ды купа́лси бабёръ;
Купа́лси, купа́лси,
Ды ня вы́купалси;
Ня вы́купаси
Тӯблькя вы́маралси;
На гӯбрку узашёл
Сё патрёхавалси.
Ахӯбтничик свїшша,
Че́рнава бабра́ и́шша
Хӯбча его́ убі́ть
Хӯбча застрялі́ть,
Хӯбча застрялі́ть
Жанїе́ шу́бу шші́ть
Жанїе́ шу́бу шші́ть,
Бабро́м апуші́ть.

№ 20.

Ску́шна на́шай Дӯбнюшки
Жить на свїе́тя аднэ́й.
Ой на гарїе́ висӯбкай
Два креста́ стая́ть.
Пад даскӯбй дубӯбвай
Два́ друшка́ лежа́ть

Патхадила к ним
Красна дiёвушка,
Слёзна плакала ана,
С частами вaздўохами
Друшка ўспрашивала:
«Нiёт-ли прамiёш васъ друшкўов
«Друшка маёво?»
Ани атвечали ёй!
«Здiёсь нiёту никаво».
Заплакала красная дiёвушка,
Заплакала и пашла.
Пашла бы я ва зелёнаго рўошшицу,
Нашла бы сабiё салўовушку,
Нашла бы сабiё салўовушку
Ва клiётки сваёй.
Шла-нашла сабiё
Друшка пташку салўовушку
«Ты што жа, салўовушка,
«Не вёсял сидишь,
«Галўовку павiёсил,
«Зерна не клюёшь,
«Зерна не клюёшь,
«Пiёсни не паёшь?»
«Склевал бы я зёрнушка,
«Да мўочушки маей нiёт,
«Сыграл бы я пiёсинку,
«Да вўолюшки маёй нiёт»!

№ 21.

Пайдў я млада ва зелёнай сат гуляти,
Васпрашў я маладўова салавья:
Комў вўоля, камў нiёт вўоли гуляти?
Вўоля, вўоля красным дiёвушкам гуляти
А малўодушкамъ мужья не веля

Сё заќазываюць и́м,
Падъ заты́лачки падвя́зываюць [1]).
Нс равё̂н какóй навя́литца дура́к:
Лебó вóр, лебó пья́нпца,
У каба́к и́дя шата́итца,
Ис кабака́ и́дя валя́итца,
Нат жану́бю наруга́итца,
Заставля́я се́ абува́ть,—разува́ть,
А ишшó ды цалова́ть,—милава́ть
Цалава́ть,—милава́ть ня хўбчитца
Ат негó се́рца варўбтитца.
Хто тебе́ дяти́нушку паради́л?
«Паради́ли мене́ ма́тушка ды ба́тюшка,
«Узлялйе́ила чужа̀я старана́
Завила́ ку́дри суда́рушка мая́».

№ 22.

Пасыла́ла Ва́ню ма́ть
Ярау́я пашани́цу убира́ти.
Нажа́л Ва́ня снапóчик
Апарйе́зал [1]) ру́ку серпóм.
Егó ма́тушка увидала,
Платкóм яму́ ру́ку завеза́ла.
«Ты ступа́й тепе́рь, Ва́ня, дамўóй!
Пришё́л Ва́ня дамўой,
Да сади́лси за стўбл,
Нача́л ды перóм писа́ти,
Сваю́ дере́вню праклина́ти:
«Прокля́тая дере́вня Чагада́ивская
«Прикра́сная селе́нья Ламаве́цкая.
«Та́м ді̆е́вки хараши́
«И малў́бдушки пригажи́»!

1) т. е. бьютъ.
1) *обрѣзалъ.*

№ 23.

Ду́ня ты, Ду́ня!
У на́шай ды у Ду́ни
Ды блища́снаи бро́ви.
Закива́ли,—замарга́ли,
На дву́ор Ду́ню узыва́ли:
Вы́ди, вы́ди, Ду́ня,
Вы́ди на крыле́чкя
«Прамол[1]) на́м ты, Ду́ня
«Ху́оть одну́ славе́чкя»
«Я бы сказа́ла ва́м другу́я,
«Ды мая́ се́рца рятива́я.
«За салда́та за зладїе́я
«За́-муш захатїе́ла»
У салдата—у зладїея
Чужа́я хватїе́ра,
Чужая хватїера,
Хруская[2]) пастеля́
Хруская пастеля,
Ниская вазгалу́овья.

№ 24 (1-я варiацiя).

Заради́лася си́льная я́гăда ва бару́.
Заблуди́лася кра́сная дїе́вка ва тёмнам лясу́;
Заблужо́мшись[3]), дару́ожинькю не нашла́
Паслухала дїе́вушка у лясу́ листо́чки шумя́,
Дубу́оваи шевеля́, пра бере̃зу гаваря́.
Бере̃зушка бїе́лая, бїе́лая кудря́вая.
На этаго бере̃зушку слета́лися пта́шачки;
Салаве́й с куку́шкаю сви́ли гнїе́здушка.

---

1) вм. *промолвь*.
2) *Жесткая*.
3) *т. е. Заблудившись*.

Вы маюо́м зелёнамъ саду́.
Пасвишши́, салўо́вушка, *вы сваю̆о́м тю̆оплам гнязді̆е́,*
А куку́шачкя пакуку́й вы сваюо́м тёмнам бару́ [1]).

№ 25.

Тѣялі́ а́лаи ѣветочки [2])
Ста́ли апада́ти.
Люби́л мене́ серде́шнай дру́х,
Он ста́л спакина́ти,
Ину́ю ста́л вазлюбля́ти
Иная милая чі̆е́м жи ана́ лу́ччи?
Ана́ станам не стани́ста
А лицом не кары́сна;
А я ті̆е́м лу́ччи,
Што́ живу́ пабли́жа
Перела́зушки ни́ски;
И саба́ки ня ли́хи
И семья́ не бранли́ва
Семья́ не бранли́ва,
Уся́ гутарли́ва.
У на́с па ры́нкам, па рыно́чкям
Па всі̆е́м гарадо́чкям
У ва всі̆е́ званы́ звеня́
А ва всі̆е́ калакўо́лють,
А пра на́с с табўо́й,
Серде́шнай дру́х,
Усі̆е́ лю́ди гавўо́рють,

---

1) Еще по одной варіаціи вмѣсто послѣднихъ словъ поется: «*вы сваю̆о́м халўо́днам гнязді̆е́.*

2) Во *Владимирской* губер. иная варіація той же пѣсни:

Цвѣли, цвѣли цвѣтики
Да поблекли,
Любилъ меня милый другъ,
да спокинулъ шельма не надолго и т. д.

Пу́сть ба́ють, пу́сть гута́рють,
Авў́сь переста́нуть.
А мы съ табў́й у любў́ви
Удо́валь наживе́мси,
Удо́валь наживе́мси
Ды уро́сь [1]) разайде́мси.

№ 26.

Бяли́лицы, румя́ницы маи́,
Дарагіи ку́плинаи
Панапра́сну загў́блинаи
Сыскати́лися сы біялá лица́ далў́й.
Іе́дя мў́й рявни́вай му́ш дамў́й,
Везе́ пада́рак дараго́й:
Шӑ́лкаву́я пле́ть на міе́дных кальца́я,
Хў́оча мене́ маладу́ пабі́ть.
Я не зна́ю за штў́о,
За каку́я за прави́нность за маю́.
Тў́олькя и прави́нпасти мае́й—
У сусіе́да на бясіе́дя [2]) пабылá,
За тебе́, мў́й ми́лай,
Стака́н мё́ду вы́пила.
Спаси́ба табіе́, жана́,
Не́ забы́ла пра мене́;
Я не ча́ил ат тебе́.
Уш я бро́шу тепе́рь плё́тку,
Расцалу́ю жану́ сваю́.

№ 27 (солдатская).

Сё нями́лая, пасты́лая здіе́шняя = старана́.
Успў́мню я до́м свў́й радно́й

1) *порознь.*
2) *пирушки.*

Са́м залью́ся слязу̯о́й
Жи́л я ў до́ми усі́ём даву̯бля́н,
Нужды́, го́рички не зна́л.
А тепе́ря я спазна́л,
У Туре́тчинай бува́л
У чи́стам у по́ли,
У стра́шнам у го́ри.
Си́ня мо́ря шуми́ть,
С караблє́й аго́нь вали́ть.
Сті́ены ру́шуть, ту́рак ду́шуть;
Аго́нь пла́минный гари́ть.
Хто́ ряши́лси[1]) руки́,
Хто ляжи́ть без наги́
Мы здару̯о́вы, сла́ва Бо́гу
Чрес Дуна́й—рі́ечкю шли́
На хваті́еру зашли́.
Ву̯о́тки пи́шші и
Хлі́еба и́шшуть.
У пракля́тава хахла́
Ни скаме́йки, ни стала́,
У пракля́тава хахли́шша
По́лну ха́ту ребяти́шшав
Лё́х салда́т аддыха́ть
Ребяти́шши шумя́ть.

№ 28.

Ох ты́ ми́линькей, мило́й!
Куды́ і́едишь ат мене́?
На шту̯о́ бро́сил ты мене́,
Ка́к куку́шку у саду́,
Ка́к гару́шку у зеляну̯о́м.

---

1) лишился.

№ 29

Я па гӯбрӯшки пахáживала;
Чернабы́ль трáвку залáмливала,
Гусей нá рӣку загáнивала.
«Тӣéга гу́си, тӣéга сӣéраи дамӯóй,
Ужóй [1]) вы паплáваптися.
Как я мóлада наплáкалася.
Переплáкамши дамӯóй пашлá.
И́дя нустрӣéчь ахвицéр маладóй.
«Не хватáй менé за бӣéлаго лицӯó
«Мая ли́чика разгáрчивая.
«Мая́ мáтушка дагáдливая.
«Приду́ дамӯóй дагадáитца анá
«С чегó ш у тебé лицӯó разгарáитца?
«Лебó ċ пи́ва, али́ ċ зéлина вина́,
«А ли́ с слáткай вӯóтачки?
«Рассыпáлись маи́ кӯóстачки
Па ялӯóвай па дóстачки [2]).

№ 30.

На штӯó менé, мáтушка, пароди́ла
Нещасли́ваю дагáдливаю,
Чернабрóваю талáнливаю?
Нельзя́ мнӣé маладӯóй
Ды к абӣéдинки пати́ть
Кáк папы́-та выгаля́ютца [3]) на менé
А дьячки́-та вылупля́ютца [3])
Панамáрь паслӣéдней челавӣéк.
Он на пӯóжиньkю ступи́л,
Читвяри́к прасвирӯóв пасули́л.

---

1) скоро-ли.
2) т. е. *плясала.*
3) *т. е. слишком* вперили глаза, заинтересованы красотою.

Прасвирачки хӯбчитца,
А панамаря́ любить ня хӯбчитца:
Он па магилам валӯбчитца,
Пирагáми пабирáнтца,
А блинáми падавляитца,
А вином-та заливáнтца.

№ 31.

Ох пéй кóхвію[1]), пéй и чáй,
Забувáй гóря—печáль.
Я чáй кóхвію не хáчу
Печáль—гóря не мячу́[2]).
. . . .
. . . .
Вӯот вáм дїéвушкам наука,
Не хадитя у лїéс гулять,
Не лавитя чéрнăвă жука,
Не кладитя с сабӯой спáть.
Жучóк с чéрнами бравями
С кучерявай галавӯой,
С кучерявай галавӯой
Настаяпшай милай мӯой
. . . .
. . . .
. . . .
Ой блис Варӯбницкай[3]) застáвя
У багáтăвă купцá,
У багáтава купцá,
У Ивáна Микалáва
У Гребéншикава.

---

1) *т. е. Кофе.*
2) т. е. не бросаю.
3) извращ. *Воронежской.*

У Ива́на Микала́ва
У Гребе́нщикова
Была́ до́чкя хараша́;
Зва́ли ее́ Пія́ша
Ты Пія́ша, ты Пія́ша
Девчо́начкя хараша́,
Девчо́начкя хараша́
Чистяку́ова люби́ла.
Чистяку́ов ма́льчик уда́л;
Он на тру́бички ежжа́л;
Он на тру́бички праі́ехал
За Пія́шай заежжа́л;
За Пія́шай заежжа́л,
Он Пія́шу с сабу́ой у́зя́л,
Он Пія́шу с сабу́ой у́зя́л
У таранта́с ее́ сажа́лъ,
Тро́гай, тро́гай, лиха́ тру́ойкя,
Во́н из го́рӑдӑ паскаріе́й
Мы паі́едим на палянь [1])
Пе̑рвейча́имсй, как дваря́нй
Мы ня ті́ехали пять ве̑рст
Насмія́лси о́н, ка́к пе̑с.
Разгалу́пчик, душа му́ой,
Атпусти́ мене́ даму́ой;
Атпусти́ мене́ даму́ой
К атцу́ к ма́тери радно́й!
Атцу́,—ма́тери свае́й
Усю́ пра́вду раскажу́
. . . .
. . . .
Ву́от изді́елалась прапа́жа
У бага́тава купца́.

---

1) *поляну.*

И не стó рублéй прапáла,
И ня тыщу у невó:
Прападáла у невó
Дóчь любúмая евó.
Игдйé ш éтаю прапáжу
Дарагýя ды искáть
Усйé искáли тý прапáжу
У Махўова на дварйé;
Усйé искáли ту прапáжу
Па балўóтам, па кустáм.
Разыскáли ту прапáжу
У нўóвай бáни на палкý.
Ее свйéтлая ды плáтья
Ды на гвўóздику висúть.
Ее рýсая касá,
Ды расплетёны валаса,
Ее бўúная галўóвка
Усá избúтая ляжúть...

№ 32.

Ой кáк ва нўóвам, нўóвам гарадóчкю
Праявúлась нўóвая навúнка.
Жанá мýжа, мýжа пріутйéшила,
Вўóстрым нўóжичкям егó зарйéзала.
Анá рйéзать егó не зарйéзала,
А тўóлькя егó измýчила;
Самá сйéла, сйéла призадýмалась.
Што ш я дýра, дýра я надйéлала.
Нáт сваúмя мýжам натсмйáлася!

№ 33.

Калúнка с малúнкаю ў садý раствелá
Таé пóру врéмичкя менé мáть радилá.
Не сабрáмшись с рáзумам зá-муж аддалá

Не вялїе́л мнїе́ ба́тюшка и се́мь лїе́т не быва́ть
А ради́мая ма́тушка: хў́оть вїе́к не бува́й.
Гадо́к не хади́ла, другóй не пашла́,
На тре́тей гадо́чик слязьюо́ пралила́.
Ски́нуся я сбро́шуся гў́рькею куку́шкай,
Палячу́ я х ба́тюшки пря́мо ва садок,
Ся́ду я ды гў́рькія на любо́й сучѐк.
Сваи́ми причѐтами[1]) ў́ве́сь са́д засушу́,
Сваи́м гро́мким го́ласам ба́тюшку збужу́.
Радимай мў́о́й ба́тюшка па сїе́нюшкам хў́о́дя
Нявїе́стушек-ла́стушак вазбў́живая:
«Нявїе́стушки-ла́стушки ў́стăва́йтя скарїе́й,
Пасматри́тя, ла́стушки, што́ эта за пта́шичкя
Ва на́шам ва садо́чкю жа́лабна пее.
И гдїе́ ш ана́ гў́рькія причѐты бере́.
Не мая́-ли гў́рькія с чужў́о́й старанїе́»?
Бальшо́й бра́т гавари́ть: пати́ть пасматрїе́ть;
Сѐре́дней: пати́ть ее́ пайма́ть;
Меньшо́й брат: пати́ть ее́ уби́ть..

№ 34.

Ивушка, и́вушка, ракитăвăй кусто́к
Што́ жа ты, и́вушка, не ве́сила стаи́шь?
Ка́жа мнїе́, и́вушки весѐлинькей быть?
По́т карень и́вушку вада́ падмыла,
Маку́шачкю и́вушки бу́ря слами́ла
Іе́хали—праїе́хали дваря́ня-гаспада́,
Сруби́ли да и́вушку чаты́ри тапара́
И з дїе́лали из и́вушки два́ весла
Два весла́-весѐлица, тре́тью лў́о́тачкю.
Сїе́ли—паїе́хали на лў́о́тачки гуля́ть,
Узя́ли пасади́ли кра́сну дїе́вушку с сабў́о́й

---

1) Причитаньями.

«Штó жа ты дї́евушка не вéсила сиди́шь?»
«Кáжа мнї́é дї́éвушки весёлинькей бы́ть?
Мáминька с бáтинкай неправдаю живу́ть:
Мéньшаю сястри́цу спервá зá муж аддаю́ть
Мéньшая сястри́ца чї́ем жа лу́ччи дá менé?
Анá ни ткáть, ни пря́сть, ни пачáтки [1]) матать,
Ту́блькя дю́жа анá лю́бя ды па ры́ночкям гуля́ть.

№ 35.

Ой вы гу́сли, маи́ гу́сли,
Гу́сли, гу́слицы маи́!
Паиграйтя гу́сли—мы́сли,
Позабáвьте гóстя,
Пазабáвьтя гóстя дāрагу́ова,
Бáтюшку радну́ова.
Он не чáста у́ гости ї́éздя,
Не дóлга гастю́я.
Он не дóлга прагастю́я—
Адну́ почь начу́я;
Аднắé пóчушку пачу́я
Таé прагаску́я.
Он лажи́тца спáть на лáвки
Пат крáсным акóшкам,
Акóнушка аткрывáя,
Свї́éту дажидáя.
Ох штó ж э́та ды́ за нóчи
Ох штó ж э́та за далгія!
И штó ж эта свї́éту нї́éту,
Не скóра рассвéня!
Запрегáй ми́лай карї́éту,
Ся́ду я паї́éду
Уш я ї́éду, ї́éду, ї́éду
Маёво слї́éду нї́éту,

[1]) Т. е. мотки изъ нитокъ.

Маёвó слїéду нїéту, нїéту,
Хачý варатúтца.
Хачý, хачý варатúтца,
С мáминкай прастúтца.

№ 36.

Маладéц дїéвку ой угавáривал,
Ды́ уш кáк óн её ой убалáкавал:
«Не хадú, дїéвка, ой маладá зá-муш;
Маладá вы́дишь, ой мнўóга гóря увúдишь»...

№ 37.

Ой вы кýстики, вы маú кустóчки,
Кусты́ чáстаи маú!
Усїé маú кустóчки, усїé парýблины.
Усїé дружья́-брáтья, усїé загýблины.
Ай не трáвка, не кавы́лка
Сё шатáитца.
Зашатáлси, праматáлси
Дўóбрай мóладец,
Он прибúлси, прикаснýлси
Х Дóну тúхаму.
Он и клúча к сабїé бáя
К сабїé перявўóшшичкя.
«Перявўóшшик, перявўóшшик,
Перявўóшшик, маладóй!»
Первязú ты мене́, перявўóшшик
Па тý стóрану дамўóй.
За рабўóту я табїé
Штó угўóдна заплачý:
С рукїé пéрстень залатóй,
Слáткай вўóтачки палуштóх,
А ишшó-ли на закýску
Біéл крупїéтчитай калáч.

№ *38* (другая варіація пѣсни подъ № 37).

Зарадилася сильная ягада ва бару
Распавадились краснаи дієвушки у ліес,
Краснаи дієвушки у ліес ды па ягаткам хадить.
Адна дієвушка заблудилась ва туом ва лясу.
Заблужомшись, даруожинькю не нашла;
Ана узашла на крутинькей бережочик,
Васкликнула громким голасам:
«Перявуошшик, перявуошшик, перявуошшичик»... и т. д. далѣе, какъ въ предыдущей пѣснѣ.

№ *39.*

Галава-ль мая, галуовушка,
Галава развеселая!
Гуляй, галава,
Пакуда малада.
Я стара буду,
Гулять ня буду.
У мене маладой
Был рявнивай муш.
Он рявнив, рявнив,
Рявнив курьын[1]).ин с
Он сы вечиру
Гулять хаживал,
Кы палуначи
Ды прихаживал.
Он лажитца спать
Не палютскаму,
Он лажитца спать
Па дурацкаму:
Кы стяніе лицом,
Ка мніе спинаю,

1) Ругательное выраженіе.

Ка мнїé спи́наю
С хварасти́наю.
Ой стена́, стена́
Первярни́сь ка мнїé!
Вы угóлушки
Вы прамóлтя мнїé!
Вы прамóлтя мнїé
Гу̌рькей сиратїé!

№ 40.

Ой вы му́хи, му́хи-кама́ри́
Вы кама́рики, вы́ маи́.
Уш вы́ штó-ли вы пра штó
Вы куса́итясь бальну̌ó.

Укуси́ли мене́ маладу́
За бїéлаю за лицу̌ó.
Ат бела́ ды а́т лица́
Я у̌ся́ ста́ла бальна́.

Я уся́ ста́ла бальна́
Вы пасте́люшки слегла́.
Вы пасте́люшки млада́
Нядїéлюшку пралежа́ла,
Се мила́ друшка́ ждала́.

Без мила́ друшка́
Тё̆мная нóчушка далга́.
Тё̆мная нóчушка далга́,
Пасте́люшка халадна́

Уся́ заи́внивала.
Сваё̆вó мила́ друшка́,
Наси́лушку даждалась.
Ис кустóчкяв, из лесóчкя
Выежжа́я милый на канїé
Ис пад гу̌рки їéдя ми́лай на тру̌бийки:

Я на ше́юшку бро́силась,
Сама́ слязьюой залила́сь.

№ 41.

Ой вы ку́з·ницы маладыи кузняцы.
Ани́ ку́ють и нава́ривають,
К сабі́е Ду́оню падгава́ривають.
Паде́м, Ду́оня, ва лесо́к, ва лесо́к,
Сарве́м, Ду́оня, лапушо́к, лапушо́к,
Пат са́миньке карешо́к, карешо́к,
Сашье́м, Ду́оня, сарахва́н, сарахва́н.
А пу́галки[1] — арепе́й, арепе́й[2]).
А по́яс-та асака́, асака́.
Расти, Ду́оня, висака́, висака́.
Пракля́тай му́ой тарака́н, тарака́н.
Он из·і́ел му́ой сарахва́н, сарахва́н.

№ 42.

Святи́л, святи́л мі́есяц
Недалёка, бли́ска
У ва всю́ чи́сту по́ля,
Там ді́евушка пу́оля.
Бялы́ ру́чки ку́оля,
Жа́лка мні́е дяви́цу;
Сня́л бы рукави́цу,
Сня́л бы рукави́цу,
Уда́рил дяви́цу.
Сабира́лись бра́тцы,
Бра́тцы сё духу́овнаи,
Дяли́ли дяви́цу,
Каму́ им даста́нитца.

---

1) Пуговицы.
2) Репейникъ.

Пу́бп-та сё ня слу́жа,
Па дїе́вушки ту́жа,
Дья́кан не венча́я:
За сы́шушку ча́я [1]).
Дьечо́к-та не дья́ча,
Сё па дїе́вки пла́ча,
Панама́рь не зво́ня —
Па дїе́вушки сто́ня.

№ 43.

Черё́ма, черё́мушка,
Черё́ма гу́стинькей т˙вето́к!
На черё́мушки расте́,
Расте́ а́линькей т˙вето́к,
'Алинькей т˙вето́к
У ва всю́ по́ля т˙вете́,
У ва всю́ тё́мнаю но́чь.
. . . .
Ой хто́ жа ды́ у на́с
Ча́ста у го́стюшки ежжа́л,
На во́ранам на канї́е,
На черка́скам на сядлї́е?
Ива́нушка ча́ста
У го́стюшки е́жживал
На во́ранам на канї́е,
На черка́скам на сядлї́е.
Пад˙јежжа́я ка двару́;
Ана ху́бдя по́ двару
Алекса́ндрушка па сваю́о́м.
Аттваряй вару́о́ты,
Прима́й во́рана каня́,
Прима́й во́рана каня́
За̀ шалку́о́вы павада́.

1) Т. е. намѣревается повѣнчать ее съ своимъ сыномъ.

Хачу — приму́, хачу — нїе́т,
Хачу пру́бчь пайду
За нагру́бу за тваю́ [1]),
За вяли́каю бяду́.
И гдїе́ до́лга прабува́л
И ка мнїе́ ня прихади́л?

№ 44.

Закати́лася со́лнушка ды за тё́мнаи леса́,
Ды за тё́мнаи леса́ за зелё́наи луга́.
Усїе́ пта́шки прїумо́лкли, усїе́ сади́лись па места́м,
Усїе́ пта́шки па па́рачкям, аднэ́й пта́шки дру́шки нїет.
. . . .
У на́с по́д лё́са́м лесо́чкям ну́бва хи́жина стаи́ть;
Ва э́тай ва хи́жини ды разду́мшица [2]) живе́;
Живе́ гу́бр**ь**кїя бещя́сная сё салда́цкая жана́.
Не случя́ям падбежа́ли двб́я ру́бдных пад акну́б.
Адин ру́бднай — мла́дых лїе́т, другб́й ру́бднай — бїе́лай снїе́х.
«Раз·любе́зная на́ша хазя́юшка, пусти́ на́с начева́ть!»
«Разлюбе́знаи, маи́ салда́тушки, у́сю пра́вду ва́м скажу́:
«Я три дня́ ха́ту не тапи́ла, не вари́ла ничевб́».
«Мы с пахў́бду намари́лись, нам жела́лась аддахну́ть».
«Разлюбе́знаи маи́ салда́тушки о́чень ра́да бу́ду ва́м».
Ади́н ухў́бдя у ха́ту — зрїе́лых лїе́т, другб́й — бїе́лай снїе́х.
Ади́н сїе́л на ла́вачкю, другб́й прати́в его́.
Разлюбе́зная наша хазя́юшка на загнїе́тачки сиди́ть [3]).
«Разлюбезная наша хазя́юшка ап чў́бм пла́чишь,

---

1) *За грубость, дерзость* твою.
2) Т. е. *обездоленная, горькая, несчастная.*
3) Лавочка около печки.

«Ап чўóм плáчишь, ап чўóм слёзы рани́шь?»
«Кáк мнӥé не плáкать, как мнӥé слёзы не рани́ть?!
«У менé му́жа дóма нӥéту и я сы́нам решанá» [1]).
«Разлюбéзная нáша хазя́юшка! Падайди́ к нам пабли́жа,
«Падайди к нам пабли́жа, пакланись нáм пани́жа,
«Сними с менé киверёчик, а у киверёчкю — платóчик» [2]).

Новѣйшія пѣсни.

№ 45.

Ты кали́нушка, ты мали́нушка,
Ой да ты ня стўóй, ня стўóй на гарӥé крутўóй.
Ой да ни спушшáй ли́стья да синя́ моря.
Ой да па синю́ морю́ карабéль плывёть;
Карабéль плывёть и вода ревёть.
Кáк ва тўóм ды караблю́ три палкá салдáт,
Три палкá салдáт, — малады́х ребя́т.
Ой да капитáн-маиёр Бóгу мўóлитца,
А ридавóй ды салдáт дамўóй прўóситца:
«Ой капитáн-майёр атпусти́ менé дамўóй,
«Атпусти́ менé дамўóй к атцу́-матери раднóй,
«К атцу́, к мáтери раднóй ды к жанӥé маладўóй,
«Ды к жанӥé маладўóй, — мáлым дӥéтушкам!»

№ 46.

Расказáть-ли Вáм, падру́шки,
Пра нещáстья пра сваё.

---

1) Т. е. лишилась сына.

2) Встарину при отправленіи на военную службу супруга дарила своему мужу что-либо на память: платокъ, перстень или полотенце, иногда — два полотенца; при чемъ одно изъ нихъ въ пользу будущаго полкового начальника, чтобы расположить послѣдняго въ пользу новобранца.

Вы не зна́ли майво́ дру́га,
Како́й был он маладо́й.
Бі́елакры́лай хва́брый во́ян,
Ўвяздіе́ сла́вилси бае́ц.
За Пятру́овскаю заста́вай
Аткрыва́л ми́лай вайну́.
. . . .
. . . .
Што́-ш ты, ді́ева, пу́озна ху́одишь
Не баи́с'си никаво́?
Да чево́ жа мніе́ баятца:
Здіе́сь муой ми́ла́й схаранён.
Ево́ кре́стик не вяли́чак,
Ўве́сь усы́пан земчушко́м;
Ево́ па́митник чижо́лай,
Дивяну́оста се́мь пуду́ов.

№ 47.

Размальчо́начкя ды бидняжичкя
Он склани́л, ды склани́л галу́овушку.
Он склани́л, ды склани́л галу́овушку
Ды на пра́ваю на стару́онушку.
На груди́ он лежа́л, чижалу́о ўздыха́л,
У паслі́едней ра́с «прашша́й» сказа́л.
«Ты прасти́-прашша́й, краса́вица!
«Красата́ мніе́ твая́ не ндра́витца!»

№ 48. («Линейская»).

Када́ я бы́л слабу́однай ма́льчик,
Ні́ зна́л я го́ря, ни́ нужды́.
Радны́я усіе́ мене́ люби́ли,
И балава́ли, ка́к дитю́о.
Но баластву́о мене́ згуби́ла,
Я сби́лси с пра́вднай пути́.

Ў в адну́ дивчо́нку улюби́лси,
Я пазабы́ть её ня мўо́х.
Ана́ бажи́лась вї́ерна лю́бить
Сваей измї́енчивай душўо́й.
А я мальчо́нка ей павї́ерил
Свае́й распу́тнай галавўо́й.
С Masко́вским за́мкам я спазна́лси,
У катуŏрам сро́ду ни бува́л.
Сижу виче́рнiю парўо́ю.
Лампа́да ту́с·мина гари́ть,
А за рашо́ткаю залї́езнай
У чисавўо́ва шты́к блясти́ть.
Усiе́м святы́м мали́лси Богу,
И я́ ис за́мӑкӑ ушел.

№ 49.

Жара́ми, жара́ми дубрўо́ва гарї́ела.
Прип. Ой люли́, люли дубрўо́ва гарї́ела.
Сталба́ми, сталба́ми дымо́к пашиба́я.
Прип. Ой люли...
Ды мнї́е х ба́тюшки ї́ехать пи́р пирава́ть
Прип. Ой люли...
Ски́ну ракаво́чик, размахну дымо́чик.
Прип. Ой люли...
Паї́еду я х ба́тюшки пи́р пиравать,
сястру́ аддава́ть.
Прип. Ой люли...
Сястру́ не праши́ли [1]), бра́та не жани́ли.

№ 50.

Ой, ма́тушка то́шна мнї́е,
Суда́рыня гру́сна мнї́е:

---

1) Т. е. *не просватали*.

Разгулятца ніегди мніе:
Ни у Питери, ни у Тамбўови,—
Гасударивай кантори.
За дубўовым за стало́м
Сидить писарь маладо́й;
Он и пиша ў два́ пера́
Суда́рушкины да дела́.
Канто́рушка не мила́:
Суда́рушка не была́.
Канто́рушка растварилась:
Суда́рушка праявилась.
Пришла́, Бо́гу памалилась,
Ниска кла́нйлăсй.
Писарю блйжа усіе́х,
Пакланилась нижа усіе́х;
Че́рны бро́ви навела́,
И с канто́ры во́н пашла́.
Сы гары́ на гўбрку шла́,
Чижалўо́ у рука́х несла:
Два кушина, два ведра́
Карамы́слу и веле̂к,
Ишшо́ милава плато́к.

№ 51.

Палюбила, н'[1])югадила, батюшки сказала:
«Балить, балить галўбвушка са бўйнава віе́тру».
Віе́тяр павева́я, ро́су абива́я.
Из за ліе́су из за рўбшши со́кал вылета́я.
Со́кал, мўо́й сакўблик, ат·ле̂тная пта́шка!
Палятим, мўо́й сакўблик, на маю́ старўо́нку.
Ва мае́й старўо́нки да чистая по́ля.
Ва чистам по́ли при далинки ріе́чкя
пратека́ла.

1) Вмѣсто *не угадалъ (сокращеніе)*.

Бес пары́, без вре́мя рі́ечкя замерза́ла,
Бес пары́, без вре́мя ледо́к аблами́лси,
Ва́нюшка дружо́чик с кўбника уби́лси,
Уби́лси, не разби́лси, тўблькя испужа́лси.
Ты, ду́шичкя, ты, Катю́шачкя, дяржи́ маёво́
кўбня.

№ 52. («Линейская»).

Круго́м девчо́нка асиратї́ела,
Круго́м я гўбрькія адна́.
Мая́ с ни́м щя́стья улятї́ела
И не варўтитца наза́т.
Вярни́сь, вя́рнись, мўой не нагля́днай,
Ка бї́еднай дї́евицы ка мнї́е
У ва снї́е мўо́й ми́лай заяви́лси,
На се́рца и́скру зарани́л,
Свяркну́л, как маланья́, сакры́лси,
На вї́ек спакўбйствія лиши́л
Сказа́л: «гуля́й, мая́ мила́я,
Не улюба́йси н'юкаво́,
У тваи́х лета́х люби́ть апа́сна,
И ты́ засо́хнишь, как трава́,
И ты́ засо́хнишь, ты завя́нишь,
Рас·тве́сть ня мўо́жишь никада́.
Када́ усї́е ро́зы рас·тввета́ють,
Ус́як стара́итца сарва́ть,
Када́ девчо́нка малада́я,
Усяк стара́итца люби́ть,
Када́ девчо́нка пристарї́ея
Усяк стара́итца забы́ть.

. . . .

. . . .

А вы, падру́шки, не сярча́йтя,
Што́ я не ве́силӑ сижу́.

К чаму́ да мнї́е да весяли́тца,
Када́ я с ми́лым расстаю́сь.

№ 53. («Линейская»).

До́чкя мама́ши гавари́ла,
Што́ я ваённава люблю́.
Люби́ла, люби́ть я бу́ду,
Катўрай не́ был у старанї́е.
Кўолькя я Бо́га не мали́ла,
А ва святьи не папа́ла.
Шанпа́нскаго пила, кури́ла,
Са вся́кай сво́лачью жила́.
Васьмна́тцать лїе́т мнї́е паравня́лась,
Из запярти́ я во́н пашла́.
И я́-ли, я́-ли вы́шла за́-муш,
И я́-ль кружи́лася с дятьми́.
Ади́н кричи́ть: мама́ша ча́ю!
Друго́й кричи́ть: я пи́ть хачу́,
А пья́най му́ш ляжи́ть на кўойки,
Кричи́ть: «падайтя тру́пку съ табако́м».
Ах, Божи мўой, какая скука!
Куды́ дева́тца мнї́е с таски́?
Пайду́ я у мо́ря утапи́тца,
Пуска́й мене́ вална́ снесёть.

№ 54. («Линейская»).

Ап чўом ты, дїе́вачкя, пла́чишь,
Ап чўо́м, кра́сная, слёзы рани́шь?
Аб во́ранам канї́е, аб сбру́и залатўо́й.
Сястри́цы-падру́шки,
Как кали́навай твїе́т.
Каво́, знать, не палю́бишь,
У такўо́м жа пра́вды нїе́т.
Стая́ла я на ба́хти[1]).

1) *У бухты.*

Хатї́ел мене, дї́евку — абману́ть.
Ми́линькей, харў́шинькей,
Ты ня смї́ейси надӑ мнў́ой!
Гаспў́ть тебе́ нака́жа
Нища́снаю судьбў́ой,
Нища́снаю судьбў́ой,
Рявни́ваю жанў́ой.

№ 55.

Вы́раю я черё́мушку ва тё́мнам лясу́,
Пасажу́ я куд̓ря́ваю ва зелё́нам саду́.
Расти́, т̓вяти́, черё́мушка, танка́ и висака́,
Не та́к танка́ и висака́, а ли́стам ширака́.
Нельзя́, нельзя́ черё́мушку нязрї́елаю ды рва́ть;
Нельзя, нельзя́, не сва́тамши, кра́сну дї́евку за́-муш
бра́ть.
На тў́ом баку́ за рї́ечкiю стая́л бальшо́й до́м.
Ва тў́ом даму́ стая́ла крыльцў́о вазру́блиная.
С таво́ крыльца́ вяду́ть малатца́ съ кра́снай дї́евицай.
Ади́н гавари́ть: серца бали́ть, друго́й гавари́ть:
Карми́л—паи́л девчо́начкю, ня прў́чил я сабї́е,
Не даста́лася девчо́начкя ни бра́ту, ни мнї́е.

№ 56.

Ой мо́жна, мо́жна у рў́ошшу разгуля́тца,
Ой с ми́лым павида́тца,
Ой да таску́-ску́ку ды печа́ль разагна́ть.
Ой пайду я з го́ря з го́рюшка на рї́ечкю,
Сама́ ся́ду на кру́т бережо́к.
Я сидї́ела дї́евушка, глядї́ела,
Ой увида́ла стї́е́нь [1]) сваю́ на вадї́е.
Ой стї́е́нь пуста́я, стї́е́нь мая́ праста́я,
Ой стї́е́нь — халў́одна ва рї́ечки вада́.

---

1) *Тѣнь.*

Ой спрашу́ я ріе́чкю, спрашу́ я быстру́я,
Ой не́ был, не́ был-ли здіе́ся[1]) мўой мило́й.
Ріе́чкя ей ат·вечя́ла: здіе́сь ніе́ту никаво́.

№ 57. («Линейская»).

Віе́тяр віе́я, со́нца гріе́я;
Ой сат зелёнинькей шуми́ть.
Я люблю́ таво́ мальчо́нка,
Катўбрава здіе́ся ніе́т.
Ой вы го́радя вы Аде́стя[2]),
Ой на ву́лицы на равно́й.
Та́м стая́ли да три́ ба́шни,
Ой пасерётки бальшо́й до́м.
Ой здіе́сь ни до́м да ни бальни́ца,
Ой да настая́щія тюрьма́.
Ой ничево́ в тюрьміе́ ня слы́шна,
Ой тўолькя слы́шна зво́н ключе́й.
Ой у тюрьміе́ две́ри призапёрты
Ой да на вися́чих тре́х замка́х.
Клю́чник две́ри аттваря́я.
«Ой выхади́-ка, бра́т, сюда́!»
Ой выхажу́ я на свіе́т біе́лай.
Пер·крясти́л я са́м себя́.

№ 58. («Линейская»).

Нща́сная ради́лась, нща́сная памру́,
На штўо́ мене́ ма́ть ради́ла,
На штўо́ мене́ Бо́х сазда́л?
Шахтёра палюби́ла, за ни́м я прападу́
Усіе́ пта́шки-канаре́йки,
Усіе́ жа́лабна паю́ть.

---

1) *Здись.*
2) *Одессь.*

А на́м с табу̑όю ми́лай
Разлу́ку придаю́ть.
Разлу́ка, ты разлу́ка —
Чужа́я старана́.
Нихто́ на́с не разлу́ча
Ни со́нца, ни луна́;
А ту̑όлькя на́с разлу́ча,
Сыра́я ма́ть — земля́.
На шту̑ό на́м разлуча́тца,
На шту̑ό у̑ разлу́ки жи́ть?
Ня лу́ччи пирвинча́тца,
Любу̑όвью даражи́ть.

№ 59.

Патиря́ла я кале́чкя,
Патиря́ла я любу̑όвь.
Я па э́таму кале́чкю
Ста́ну пла́кать и рыда́ть.
Не пла́чь, дї́евица, слязу̑όю,
Бу́дишь вї́ечная мая́.
. . . .
. . . .
. . . .
Ой ни на шту̑ό так н'юзира́ла,
Как на э́тат бальшо́й до́м,
Ой ни па ку̑ό́м так ни тужи́ла,
Как па ми́лам па сваю́о́м.
Гдї́е ш дива́лси а́л тветόчик,
Што́ дали́нку украша́л?
Гдї́е ш дива́лси ми́л дружо́чик,
Што́ слова́ми улешша́л? [1]).
Улешша́л ми́лаї слава́ми,
Сам жани́лси на другу̑όї.

1) Льстилъ, говорилъ ласковыя рѣчи.

Ми́л жани́лси, пер'мяни́лси
Не п'абы́чью жану́ ўзя́л.
Не п'абы́чью, не па ндра́ву,
Ўся́ семе́йства не мила́.
Люби́л Са́шу, люби́л Ма́шу,
А Дуня́шу лу́ччи усі́ех.
Ми́л уі́ехал, мене́ бро́сил,
И — малю́тку на рука́х.
Я адда́м сястрі́е малю́тку,
Сама́ вы́ду на крыльцўо́.
Выхажу́ я на крыле́чкя,
А мўо́й ми́линькей нустрі́ечь [1]).
Я кина́лась, я браса́лась,
Я на ше́юшку к няму́.
Залива́лася слязўо́ю,
Называ́ла «ми́лай мўо́й».
«Ой н'юзыва́й мене́, мила́я!
«Я тепе́рича ня твўо́й».

№ 60. («Линейская»).

Да хади́л чума́к, да хади́л бурла́к
Се́мь лі́ет па Крыму́.
Не случі́лася чумаку́ причи́на ат ро́ду его́.
Ой да случі́лась чумаку́ причи́на,
Да ис Кры́ма и́дучи —
Ва чі́стам по́ли, ва ширўо́кам раздуо́льи,
Игді́е чума́к валўо́в па́с.
Валы́ сі́еры пахрамі́ели,
И чума́к бо́льна забалі́ел.
Да балі́ть чума́к, да балі́ть бурла́к.
Баля́ть у него нўо́шки, баля́ть ру́чки,
Да балить бо́льна галава́!

1) На встрѣчу.

Вы, таваришши, вы радныи бра́тья,
Не спаки́ньтя Вы меня́!
Вы паня́йтя па ту̑ой па дару̑ошки,
Игдїе́ чума́к праежжа́л.
Паежжа́йтя у гарадо́чик,
Да уда́рьтя вы звóн.
Да у Крымо́чкю—у сла́внам гарадо́чкю
Да уда́рили ва звóн.

№ 61.

Мама́ша до́чь брани́ла,
Чёво́ до́чкя груснá.
Сама́ пра то́ нй знала́,
В каво́ я влюблина́.
Люблю́ друшка́ серде́шна,
Люблю́ я у̑сей душу̑ой.
А óн такóй кава́рнай
Смїётца нада мнóй.
Ни смїе́йси, злóй мучи́тель,
Ни смїе́йси нада мну̑óй!
Гаспу̑óдь тибе́ нака́жа
Нища́снаю судьбу̑óй.
Нища́снаю судьбу̑óю,
Рявни́ваю жану̑óй.
Ва пóли вїе́тяр вїе́я,
Вае́ннай гро́м грями́ть.
Нихто́ та́к ни страда́я,
Ка́к ми́лай на вайнїе́.
Он пу́шки зарежа́я,
Сё ду́мал аба мнїе́.
Пришла́ письму̑о́ печа́льна,
Што́ ми́лай му̑óй уби́т.
Уби́т, уби́т! На кла́дбишши ляжи́ть.

№ 62.

Ка́к прії́ехал ми́лай с по́ля,
С по́ля, с по́ля рассу́кин сы́н ско́ра.
Привеза́л он каня́ дли́ пару́ога,
А са́м пашё́л к ми́лай у ха́ту.
Здра́ствуй, ми́лая, здару́ова чернабро́вая!
Чегó жа ты́, мила́я, ды ва ли́чику блї́една?
Дай я тебе ды па ли́чику уда́рю,
Дай я табї́е ды здару́овьица зба́влю!
Зба́вил, зба́вил ды рассу́кин сы́н зба́вил!
Памру́, памру́, жива́ я ня бу́ду!
Строй мнї́е, ми́лай, ды арї́ехаваю гро́бья!
Нї́егди табї́е, ми́лая, арї́ехаваю узя́ти;
Та́гжа бу́дишь ва сасну́овай лежа́ти!
Схарани́ ты мене́ ва зелё́нам садо́чкю!
Бу́дишь, ми́лай па садо́чкю гуля́ти,
Буди́шь да я́блачки рва́ти,
Ды за упаку́ой мене́ памина́ти.

№ 63.

Сево́дня де́нь да ску́ка,
Ни зна́ю, што́ нача́ть.
Пришё́л ка мнї́е любе́знай
Зача́л мене́ ласка́ть.
«Краса́вица-дї́евица!
«Паслу́шай, што́ скажу́».
. . . .
Дарю́ табї́е калё́чкя,
Дарю́ и гаварю́:
«Наси́ маю́ калё́чкя,
«Наси́ и не теря́й!»
«Ня льсти́ся, дру́х любе́знай,
«Ня льсти́ся прида мну́ой!
«У Масквї́е такiя красо́тки,
Што́ лу́ччи мене́ е́сть».

№ 64.

с. *Верхній Ломовецъ* (Параша Жданова).

Запѣвъ. Ой на гу̑орки дубочик развива́итца.
Припѣвъ. Ой люли́, люли́ развива́итца.
Зап.: А му̑ой ми́линькей сакруша́итца. *Прип.*
Зап.: А я к ми́ламу ды чесо́чик шла́. *Прип.*
Зап.: Я чесо́чик шла́, друго́й ме́шкала *Прип.*
Зап.: Ва тре́тьям часу́ на гу̑орку у̑зашла́. *Прип.*
Зап.: На гу̑орку у̑зашла́ ды письму̑о́ нашла. *Прип.*
Зап.: Бу́тта му̑ой мило́й ва пасте́лю слѣ̂х *Прип.*
Зап.: Пасте́ля̆, пасте́ля̆ — сыра́ ма́ть-земля́. *Прип.*
Зап.: Вазгалу̑о́вьица — грабава́ даска́. *Прип.*
Зап.: Адія́ньица — шалкава́ трава́. *Прип.*

№ 65 (*«Линейская»*).

с. *Верхній Ломовецъ.*

Зап.: Ой ты́ Ната́ша, ты́ Ната́ша, ты саратовская до́чь
Прип.: Ой люли́, ой люли́ ты сара́товская дочь!
Зап.: Нюзумі́е́ла ты, Бубри́ха, па Сара́тавай гуля́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Па Сара́тавӑй гуля́ла, изву̑о́шшичкя наняла́.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Питьдися́т рублей дала́, парахуо́дяц наняла́.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Парахуо́дяц му̑о́й, парахуо́д не бая́лси ра́зных ву̑о́д.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Парахуо́д и́дя с накла́дам, двіе́ Ната́ши сидя́ ря́дам.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Папиру̑о́сачки куря́ть, пра Сара́тай гаваря́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Ой хару̑о́ш го́рад Сара́тай при рякі́е Во́лги живѣ̂ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Там уся́к живѣ̂ть при мі́ести, игді́е па'біе́дать, игді́е папи́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.

Зап.: Игдї́е па'бї́едать, игдіе папи́ть, игдї́е у карма́н х каму́ залї́есть.

Прип.: Ой люли́ и т. д.

№ 66.

с. *Верхній Ломовецъ* (Параша Жданова).

Таво́ нї́ету, таво́ жа́ль,
Ат'ежжа́я ми́лай ў да́ль.
Жа́ль — мене́ спакина́я.
С рукї́е пе́рстень залато́й
День на ру́чушки наси́ла,
Но́чь пад го́лаву клала́,
Па́ утру́ ра́на ше́льма ўстава́ла
Залива́лася гўо́рькіей слязўо́й.
Двї́е пу́хўоваи маи́ падўшки
Патану́ли ва слязя́х.
Трехшалкўо́вая мая́ адія́ла
Не сагрї́ела се́рцу маю́.
Не сагрї́ела — не пригрї́ела
Ды́ бяз' ми́лава без дружка́.
Кабы бы́л ў мене́ камо́к во́ску
Я бы кры́лушки сабї́е свила́.

№ 67.

с. *Верхній Ломовецъ*.

Ой да ў тё́мпаю но́чушку ня спи́тца,
Са́м ня зна́ю пачаму́.
Ой сӑма́ дї́евица сказа́ла:
«За мнўо́й, ма́льчик, не гани́сь.
«Если пагўо́нисси за мнўо́й,
«То патеря́ишь свўо́й спакўо́й
«И свўой развесё́лай разгавўо́р».
Пўо́мнишь день ма́нцкай, прикра́снай;
Шли́ купа́тца мы с табўо́й;

Шли́ купа́тца — разгуля́тца
Ды́ па зелёниньким лужку́.
Па зелёниньким лужо́чкю
Ды па жо́лтаму пяску́.
На жалтўо́м пяску́ сади́лась
Абліва́лася вадўо́й.
Тёмная ту́ча нахаді́ла,
Си́льнай до́жжичик прали́л.
Расступи́сь ты, ма́ть-сыра́ земля́,
Подними́сь ты, ма́тушка радна́я,
Скажи́ славе́чкя мнїе́ адну́.

№ 68 («Линейская»).

с. *Верхній Ломовецъ* (Филиппъ Ждановъ).

Сы ве́чера была́ пагўо́да,
Паутру́ си́льнай марўо́с.
Та́м ишёл-праше́л брадя́га,
Без·билїе́тнай челавїе́к.
Ше́л о́н лїе́сам,
Ше́л лесо́чкям,
Ўзду́мал ма́льчик аддахну́ть.
Ево со́лнушка пригрїе́ла,
Приспакўо́нла малатца́.
Удру́х пасти́х случа́й нещастнай,
И забра́ли ево́ малатца́.
Ручки с пўо́шками скава́ли,
Пасади́ли ув'астрўо́х.
Ўв'астрўо́гя двўо́р ширўо́кай,
Тўо́лькя у́ски варата́.
Ўдру́х тава́ришш к пяму́ заяви́лси,
Пра нища́стья расказа́л:
«Твая́ ма́тушка радна́я
«Ва сыру́ зе́млю слегла́;

«А нявї́ска маладáя
«Ва пастéлюшку слегла,
«А жанá твая́ раднáя
«Пад венцóм с друшкóм стайть»...

№ 69 («Линейскаа»).

с. *Ѳоминка.* Павелъ.

Сижу́ у тямни́цы,—тямни́цы тямнўóй,
Сижу́ у нявўóли,—нявўóли бальшўóй.
Ничевó ня ви́жу, тóлькя аднўó акнўó.
Бяру́ я чарни́лу, бяру́ я пярўó,
Пишу́ я запи́ску пря́ма ка двару́,
Пишу́ я другу́я, брасáю з'акнўó.
Гля́нул я в акóшка — тавáришш идётъ.
«Тавáришш, тавáришш — брáтяц мўóй раднóй!
«Давáй мўóй тавáришш, давáй улятим,
«Улятим далёка за си́ни маря́,
«Игдї́é сóнца ня свї́éтя, мї́éсяц никагдá»...
. . . .
. . . .
Ва зелёнам лужóчкю салавьи́ паю́ть,
А нáм с табўóй, ми́лай, разлу́ку даю́ть.
Разлучил он сéрцу тваю́ и маю́,
Тваю́ и маю́, э́х — за ядинаю...

№ 70.

с. *Верхнiй Ломовецъ.*

Па дали́нки я иду́,
Самá плáчу и тужу́.
Залилáсь я плáкать
Сы дали́нки, сы лушкá
С крутá слáвна берешкá.
З' беряшку́ па кáмушкам
Текé рї́éчушка шуми́ть.

У мăево́ ды у ба́тюшки
Салаве́й у саду́ пе̄е́.
Ты ня пўо́й, салўо́вушка,
Ши́пка — гро́мка вы саду́;
Не дава́й даса́душку
Серде́чушку маяму́,
Маяму́ серде́чушку,
Надарва́мшись—плакамши,
Надарва́мшись — пла́камши
Ва чужи́х ва лю́дюшках.
Та́м и су́дють и браня́ть,
Панапра́сну би́ть хатя́ть;
Пасыла́ють маладу́
У калўо́дезь за вадўо́й,
У калўо́дезь за вадўо́й
За халўо́днай driftключавўо́й.

№ 71.

с. Верх. Ломовецъ. Яклиха.

Ой, ма́тушка, то́шна мнїе́,
Суда́рыня не магу́.
Ступи́л кама́рь на ногу́—
На нўо́жинькю бо́льную.
Неха́й нўо́жунькя бали́ть
Рятива́ се́рца шшами́ть
Сё па ми́лам па дружку́;
Сё па ми́лам па дружку́
Па Ваню́ши — живату́.
Уж ты, Ва́нюшка — дружо́к,
Распасты́лай — дараго́й;
Суши́л — круши́л три го́да,
А я его́ чаты́ри.
С е́тай го́ря — кручи́ны,
Я сы го́ря, сы таски́

Вазьму́ у ру́ки гребяшки́
Ращчашу́ ку́дри — виски́;
Разбума́жу валаса́,
Пайду́ ва тямны́ леса́,
Ды ва тёмнаи леса́
Ва привўольны ва места́.
Ва привўольных ва места́х
Сидя́ть дїёвушки вакру́х,
Паю́ть пїёсинку васлу́х,
Што́п услы́хал ми́лай дру́х.

№ 72.

с. Верх. Ломовецъ.

То́ та то́шна, то́-та гру́сна,
Ой, умере́ть с го́ря хачу́.
Ты пастўойкась, н'юмира́йкясь,
Я папа́ х табїё привяду́.
Ты нади́-кась, привяди́-кась,
Каво́ я вїёрна люблю́.
Люблю́ дїёвку раскраса́вку,
Завдалўова маладца́,
Я — такўова завдалўова, —
Па плеча́м ку́дри лежа́ть.
Чеса́л ку́дрицы, чеса́л ру́саи
Ча́стым мїёлким гребешко́м.
Рас'чеса́мши, — разглажо́мши,
Чё́рну шля́пу надева́л,
Чё́рну шля́пу пухаву́я
Сы павли́ным сы перо́м,
Сы павли́ным, с'лебяди́ным
Ўдо́ль па у́лицы прашёл,
Ўдо́ль па улицы прашёл,
Па ширўокай сталбавўой,
Ши́пка — гро́мка прасвиста́л.

№ 73.

с. Верх. Ломовецъ.

Эй, по́лна пта́шичкям лета́ти,
Эй по́лна кры́лушкам маха́ти.
Эй по́лна дї́евкам, по́лна кра́сным,
Ой па милу̊́ому э-ой таскава́ть.
Звала дї́евка, звала́ кра́сна,
Звала́ па́рня начева́ть:
«Эй начу̊́й па́рень, начу̊́й бра́вай,
Ой начу̊́й но́чкю, э-ой у мене́»!
«Рад бы, ра́д бы начева́л бы,
«Баю́сь до́ свита праспл́ю
«Э-ой уж я до́ свита, да свї́ета
«Ой я да бї́елай, ой даж, да зари́».
«Я сама́ дї́евка уста́ну,
«Тебе́ па́рня вазбужу́,
«Вазбужу́ тебе́ пара́ня
«И пада́ля праважу́»...
Я да тї́ех пу̊́бр праважа́ла
Да зелё́ниньких лужку̊́ов,
Да зелё́ниньких лужку̊́ов,
Игдї́е сканча́лася любу̊́овь,
Игдї́е сканча́лась, распрашша́лась,
Игдї́е мы пла́кали — рыдали,
Са слю̊́ос рї́ечкя пратекла́,
Са слю̊́ос рї́ечкя невяли́чкя,
Невяли́чкя глубака́.

№ 74.

с. Домуша.

Люби́л па́рень дї́евушку
Да спаки́нул;
Спаки́нул душа́ ми́л-дру́х
Ше́льма не надо́лга,
Вре́мичкя на ма́лаю,
Всево́ на часо́чик.

Уї́ехал му́ой ми́линькей
Зна́чить ў гарадо́к,
А я́ млада́ младе́нькя
За ни́м не ганю́ся.
Гўбнитца му́ой ми́линькей
Ми́лай дру́х за мну́ой,
За мае́й за ді́евичьей,
Зна́чить красату́ой,
За мае́й за ру́саю
Зна́чить за касу́бю.

№ 75 («Линейская»).

с. Ст. Дубовое.

Ва по́ли, по́ли серябри́стам
Стая́ла ді́ева при́да мну́ой,
И уверя́ла не́бам чи́стым
Храни́ть да гро́ба сву́ой спаку́ой.
Твае́й-ли, Са́ша, красату́ю
Измі́ену тя́шкаю тярплю́.
За лі́есам со́нца асвяти́ла
И чо́рнай во́ран пракрича́л.
Мая́ слеза́ на гру́дь скати́лась.
И я ў пасле́дній ра́з сказа́л:
«Када́ умру́, Са́ша, узна́ишь,
Ищи́ мине́ среди́ маги́л.
На ка́мйню на́дпись прачита́ишь,
Што́ я на гро́б тебе́ люби́л.
Люби́л, люби́ть я бу́ду ві́ечна
Ў каку́ой бы не́ был стараніе́,
Тебе́ ва ві́еки не забу́ду
Ты ві́ечно бу́дишь жи́ть ва мніе́.

№ 76.

с. Ст. Дубовое. Пелагія.

Со́хня, вя́ня ў по́ли тра́вка
Со́хня, вя́ня без даждя́,

Без даждя́, без тебя́
Прападáла крáсная дїéвка,
Без· милўбва без друшкá.
Без· тебя́ я улюбилась — зарази́лась,
Сéрца гру́сти придалáсь.
Пайду́ схажу́ на тóт бéрях
Пасматрю свавó друшка.
Скўблькя пи́сем не писалá,
Мнїé сказáли: ми́л не читáл,
Скўблькя слю̆ос не праливáла,
Мнїé сказáли: ми́л не слыхáл.

№ 77.

с. В. Ломовецъ.

Сряди́ лясўбв дряму́чих
Разбўбйнички иду́ть,
Ў сваи́х рукáх магу́чих
Тавáришша нясу́ть.
Наси́лки не прасты́и,
Из ру́жьяв слажаны́,
А пóпёряк стальны́и,
Мячи́ палажаны́.
На ни́х лежáл уби́тай
Сам Чу́ркин маладóй;
Он ўвéсь акрававлёнай
С разби́тай галавўбй
Из ран ево краснїéлась
Крóвь пó брáвя̆м, вискáм.
. . . .
. . . .
Мы́ шли́ — дашли́ да мїéста,
Сказáли: брáтцы, стóй!
Мы вы́рыли — спусти́ли
Тавáришша сваёвó.

№ 78.

Ст. Дубовое.

Уж ты́ по́ля моя́,
По́ля чи́стая!
Ничево́, по́люшка,
Не поро́дила.
Паради́ла по́люшка
Што раки́тавай ку́стъ.
Как пад ку́стикам
Пад раки́тавым —
Там уби́т ляжи́ть
Дўбратй мо́ладец.
Уби́л его, уби́л кўонь варано́й.
Ты ступа́й, мўо́й кўо́нь,
Ступа́й на рўо́дину,
Ты не ска́зывай, мўо́й кўо́нь
Мае́й ма́тушки раднўо́й.

№ 79 (Тягу́чая).

с. Карачунъ.

При дали́нки, ой да стая́л ку́ст кали́нки,
А на кали́нки салўо́вушка
Пта́шка сиді́ела,
Гўо́рькію я́гатку кали́нку клева́ла,
А мали́нкай заку́сывала.
Прилета́ли к салўо́вушки ды два́ со́кала,
Зва́ли—бра́ли салўо́вушку с сабўо́й,
Пасади́ли салўо́вушку ва нўо́ваю клі́етку,
Заставля́ли салўо́вушку пі́еснику пі́еть.
Васпўо́й,васпўо́й, салўо́вушка, васпўо́й маладо́й,
Как за рі́ечкей за бы́страй слабўо́тка стаи́ть,
Ва э́тай ва слабўо́тки удўо́вушка живӗть,
У э̆тай у ўдо́вушки ды до́чкя хараша́;
За э́ту за до́чкю сва́тался купе́ц.

№ 80. *Стар. Дубовое.*

За ріе́чкею аго́нь гари́ть,
За быстрўбю жа́р, жа́р,
Маево́ дрўжка́ жа́ль, жа́ль.
Сказа́ли пра милўба
Нещ́астья бальшўбя.
У залїе́за закава́ли,
У салда́ты адда́ли,
Х палку́ придяли́ли
Ружьём падари́ли.

Свадебныя пѣсни.

№ 81. *с. Верх. Ломовецъ.*

Я́бланка садўовая, гру́ша зелена́я,
Пад э́тай пад гру́шей Лизавїе́та стая́ла
С э́тай я́бланки кару́ залату́я снима́ла,
Кару́ залату́я снима́ла, платкі́ вышива́ла,
Э́тими платка́ми сваёво́ дружка́ дари́ла.
Ой, Ива́нушка—ла́душка, прими́ мои́ да́ры;
Маи́ да́ры дарагі́и — платкі́ вышивны́и.

№ 82. *с. В. Ломовецъ.*

Па сїе́ничкям Лизавїе́тушка хади́ла,
Па ну́бвинькнм Васи́льевна гуля́ла,
Ис карма́ника арїе́шики шшалка́ла,
У ако́нушка шалу́шики браса́ла,
У Васи́льевы ку́дри папада́ла.
Васи́льюшка аглянулси,
На Лизавїе́тушку пабрани́лси.
Атшучу́ я табїе́ шу́тки,
Атсмяю́ насмїе́шки
За калёнаи тваи́ арїе́шки.

Пазабу́дишь, Васи́льюшка, н'юваспў́мнишь
За сваи́м ча́стым цалава́ньям,
За сваи́м ча́стым милава́ньям.
Хў́бшь цалу́ю, хў́бшь милу́ю не забу́ду,
Пригатў́влю плётачкю шалкаву́я,
Ап сями́ нахвў́стничкяв лентаву́я.
Уж я бу́ду би́ть жану́ маладу́я,
Не чужу́я, а сваю́ векаву́я.
Пазабу́ть, пазабу́ть, Лизаві́етушка,
Пра сваю́ старў́бнушку,
Пра сваю́ старў́бнушку
Пра ді́евичью вў́блюшку.

№ 83. *с. Верх. Ломовецъ.*

Лизаві́етушка была́ у ба́тюшки
Дарага́я была́ гў́бстьюшка—
Залата́я метёлачкя.
Вы́мела висў́бк тёрям
Ис кута́[1]) да пе́рида.
Вы́метши висў́бк тёрям,
Сама́ за стў́бл сі́єла,
За стало́м вздахну́ла;
Ваздахну́ла, — васплакну́ла:
«Уж вы, ді́евушки — падру́жки!
«Ка́жа мні́е младо́й бы́ть,
«Ка́к мні́е ва чужы́и лю́ди ити́ть?
«Как мні́е свёкара зва́ть,
«Ка́к свекро́вью велича́ть!»
При лю́дях «ба́тюшка» и «ма́тушка»,
А без людёй «свёкар» ды «свекро́вья».

№ 84. *Б. Поляна.*

Ў́мная до́чкя была́ Лизаві́ета
Испрашла́ го́рад зарю́бю,

1) Т. е. изъ задняго угла до передняго.

Залила́сь сама́ слязу́бю.
«Уж вы́, дї́евушки-падру́жки,
«Ва́м ничево́ не на́да,
«На дї́евичьям ве́чиру,
«Ничево́ не на́да, ни до́нца, ни гре́беня [1]),
«Ту́булькя на́да дї́евушкам
«Мы́лица — бяли́лица
«Ды свї́етлага зе́ркальца».

№ 85. *с. Ст. Дубовое.*

Ива́нушка жану́ привади́л,
Он ни пи́вам, ни вино́м,
Сваи́м се́рцам-живато́м.
Мая́ жана́ ба́рыня,
Настая́шшая суда́рыня,
Чернабро́ва хараша́,
Ради́, жана́, три сы́на:
Пе́рвава сы́на — па́харя,
А втару́бва — сталаря́,
А тре́тьива — пи́саря,
А до́чкю — ше́лкам шить.

№ 86. *с. Меланьино.*

Сва́шунькя, сва́шунькя,
Бї́елая, румёная!
Йгдї́е, сва́ха, бяли́лася,
Игдї́е руме́нилася?
Іе́хала я на чи́сту по́ля,
Срыва́ла тветочкяв мну́ога,
Э́тими ды тветочкями
Я бяли́лась и руме́нилася.

1) Принадлежности пряхи.

Духовные стихи.

№ 87 с. *В. Ломовецъ.*

Савїе́т жиды́ савїета́ли
Пайма́ть Христа́ хитрастя́ми.
О́н на́м закўо́н приставля́я,
Царе́м себе велича́я.
Мы́ ни'мїе́ли царя,
Крамя́ Ке́саря.
Паше́л Юда х жида́м на со́ймишшу *(сонмище).*
Сабира́лись жиды́ би́ти,
Су́са Христа́ умяртви́ти.
Ани яму́ ат·веча́ли
Три́тцать сре́брин·кав дава́ли.
У Юды глаза́ разгарїе́лись,
У Юды се́рца распали́лась.
Не зна́л Юда, што дїе́лати.
Дїе́лай, Юда, што дїе́лаишь.
За три́тцать сре́брин·кав
Прида́л и́м Христа́.
Избїе́х Юда Ца́рствїю Бо́жью.

№ 88. (Тимоха).

Васпўо́мни, васпўо́мни с·ме́ртнай час,
Васпўо́мни, тру́бнай гла́с,
Васпўо́мни, не забу́ть и ямску́ю му́ку[1]).
Сы Го́спадам Бо́гам вїе́чнаю разлу́ку.
Буть гатўо́вьси зна́ть,
Што́ аста́вим свїе́т,
По́зван бу́дишь на ат·вїе́т.
Тїе́ла мая́ т·ле́нная,
А душа́ мая́ бис·сме́ртная!
Пакажи́сь: спака́юся,

1) Т. е. яму могильную.

Пла́чь: смиря́юся,
Ат гряхў́в вї́ечных удаля́юся.
Вре́мя жи́сти напра́сна не теря́й.
Кў́бълькя жи́ть ня бу́дишь,
С'ме́ртнай касы́ ни исбу́дишь,
И стра́шнава суда́ ни мину́ишь.
Без' ева́нгальских заслу́х ня бу́дишь Бо́гу дру́х.
Имї́ею я свў́ой гро́п ва глаза́х,
Ста́ну я гў́ркя пла́кати и рыда́ти.
Тваре́ц ты мў́ой Пакрави́тель!
Ты на штў́о мене́ на свї́ет саздал?
Я ва пярвы́х страка́х Бо́га вaз'люби́л,
Патў́ом у ва мнї́е стра́х Бо́жай бы́л.
Ста́л на мене́ вра́х напада́ть,
Са всї́ех старў́он нача́л сї́ети накина́ть.
Придста́л мене́ из ра́ю выганя́ть.
У ра́ю твяты́ твяту́ть,
А у саду́ пта́шки пяю́ть;
Пяю́ть ани́ стихи́ харуи́мскаи,
А ишшо́-ли серахви́мскаи:
Алилу́и, алилу́и, сла́ва тебе́ Бо́жи на́ш!

№ 89. (Захаръ).

Перяйди́, перяйди́ о́гнинну рї́еку,
Через о́гнинну рї́еку да прикра́сну ра́ю.
У на́с бы́ли су́дьи сё непра́виднаи.
Ани́ мнў́ога, ани́ мнў́ога пра́вага
Сё станави́ли винава́тым,
А винава́тава станави́ли пра́вым.
Ани́ бра́ли де́ньги бещё́тнаи,
Ани́ кла́ли и́х у сыру́ зе́млю
У ни́х бу́дя кишї́еть черва́ нитле́нная.
За и́х вяли́кая пригрише́нія,

За и́х вяли́кая беззакўбнія.
Ва сла́ву табі̆е́ Христе́ Бо́жи на́ш!

№ 90. (Тимоха).

Пашё́л на́ш Ла́зарь ўдо́ль па сялу́,
Пришё́л на́ш Ла́зарь к бра́ту сваяму́.
«Бра́т ты, мўо́й бра́тяц, бра́т ты мўо́й радно́й,
«Бра́тяц мўо́й радно́й и миласливо́й»!
И сказа́л яму́ бра́тяц:
«Таки́х у мене́ бра́тьяв у раду́ не былўб.
«Е́сть у мене́ бра́тья купцы́ да бая́ря,
«Честно́й и хвально́й имяни́тай,
«А таки́х у мене́ бра́тьяв у раду́ не былўб.
«Ты ступа́й, убўогай, далўо́й сы двара́,
«А то я тебе́, убўо́гай, пса́ми затравлю́,
«Пса́ми затравлю́, пса́ми лю́тыми!»
И пашё́л убўо́гай далўо́й сы двара́.
«Го́спади Бо́же Бо́х миласливо́й!
«Вы́слухай, Го́спади, мали́тву маю́,
«Сашли́ мні̆е́, Го́спади, лихи́х агале́й[1]),
«Лихи́х и нясми́рных и нями́ласливых,
«Растерза́йтя маю́ ду́шу скро́зь ре́бра маи́,
«Скро́зь ре́бра маи́ залі̆ё́зным крюко́м»!
Услыха́л Гаспўо́ть мали́тву его́.
И засла́л яму́ Гаспўо́ть ти́хих ангале́й
И тихи́х и сми́рных и ми́ласливых.
«Вы́ньтя его́ ду́шу и часнўо́ и харашўо́,
«Пасади́тя его́ ду́шачкю на пелё́нушку,
«Адда́йтя его́ ду́шичкю к Авраа́мію у ра́й,
«Ка святўо́му Авраа́мію, к'атцу́ пра́виднаму»!
Па застўо́лью псы́ ха́живали,
Мі̆ё́лки крўо́шички саби́рывали,

[1]) У насъ въ простонародьи слово *а́галь* — означаетъ злой духъ, а *а́нгалъ* — добрый духъ, ангелъ.

Убу́гава Ла́заря пи́тывали,
Бальны́и ра́ны яму́ зали́зывали.
Паї́ехал бага́тай таргі́ таргава́ть,
Тарги́ таргава́ть, бальші́и де́ньги нажива́ть.
Нашла́ ту́ча, ту́ча гро́зная
Са сильны́м дажжо́м, са буйны́м вятро́м,
Падняла́ бага́тава вяльму́б висаку́б,
Пріуда́рила бага́тава ап сыру́ зе́млю.
«Го́спади Бо́же, Бо́х миласливо́й!
«Сашли́ мнї́е, Го́спади с небе́с тихи́х ангалѐй
«И тихи́х и сми́рных и ми́ласливых;
«Вы́ньтя маю́ ду́шичкю и часну́б и харашу́б,
«Пасади́тя маю́ ду́шичкю на пелёначкю,
«Адда́йтя маю́ ду́шичкю ка святу́бму Авраа́мію,
«Ка святу́бму Авраа́мію, к атцу́ пра́виднаму»!
Услыха́л Гаспу́бть мали́тву его́ несправядли́ваю,
И сасла́л яму́ Гаспу́бть лихи́х агале́й
И лихи́х и нясми́рных и нями́ласливых.
«Ху́бшь ду́шу его́ вына́йтя, но к дья́валу ста́ршаму её́
аддава́йтя».
И васкли́кнул бага́тай гро́мким го́ласам:
«Брат ты му́бй бра́тяц, бра́т ты му́бй радно́й,
«Бра́тяц му́бй радно́й и миласливо́й,
«Абмачи́ ва си́ню мо́рю два́ перста́
«И прапига́й маи́ уста́.
«Маи́ уста́ спякли́ся, кро́вью нали́ли́ся»!
Атвї́е́тил яму́ бра́т, бра́т яму́ убу́гай:
«Бра́т ты му́бй бра́тяц, бра́т ты му́бй радно́й!
«Ву́бля не мая́, ву́бля Бо́гова».

Конецъ.

Записалъ: *Владимиръ Тростянскій.*

Краткое послѣсловіе.

Здѣсь записаны пѣсни и духовные стихи, по возможности, съ тщательной точностью оттѣнковъ и пріемовъ мѣстнаго говора. Поэтому, если гдѣ наблюдается нѣкоторая грамматическая или смысловая несообразность, — то это обстоятельство надо всецѣло отнести на долю особенностей мѣстнаго нарѣчія и мѣстныхъ пѣвческихъ пріемовъ.

В. Т.

Образецъ говора Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ Вятской губерніи.

Приводимый ниже текстъ воспроизводитъ рукопись Имп. Русскаго Геогр. Общества (X, 51), относящуюся къ пятидесятымъ годамъ XIX столѣтія. Кто авторъ великолѣпной по своей точности записи, неизвѣстно. Обращаю особенное вниманіе на различеніе *о* и *ȳо* въ слогахъ ударяемыхъ: *ȳо* является при тѣхъ самыхъ условіяхъ, что въ вышеприведенныхъ записяхъ В. И. Тростянскаго, а также въ сообщеніяхъ О. Брока изъ Тотемскаго уѣзда, В. Мансикки изъ Грязовецкаго и др.

А. Ш.

Зимнее утро въ крестьянской избѣ.

Во время святокъ, рано утромъ топилась печь въ крестьянской избѣ. Старуха тщательно поправляла кочергой горящія дрова. Впередѝ, подлѣ стола стоялъ большой деревянный свѣтецъ съ зажженною лучиной. Крестьянка, лѣтъ по́дъ сорокъ, сидя подлѣ свѣтца̀, за прясницей, прилежно работала веретномъ, и частовременно мѣняла въ свѣтцѣ лучину. Въ заднемъ углу, возлѣ дверей, стояла, у лахани съ соломою, корова, подлѣ которой лежалъ, только что родившійся, телёнокъ.

Старуха, поправляя дрова въ печкѣ, ворчала непрестанно. «У мене ино̀, нивѣ́съ, и серчё надчѣ́лось! Штё это дѣ́ётчя? Ли́ко,

---

Замѣч. Большая часть крестьянъ Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ, Вят. Губ., букву *о* выговариваютъ не иначе, какъ сливая оную съ буквою *у*.

чечвёры су̀точки прошли, а наши ошшо̀ не бывали! За ку̀ой грѣхъ лючки лѣ въ доръ̀огѣ-то?... Ну, Богъ съ тобой, уголёкъ, премёхонько въ ру̀ожу!... Видно сéдни ужъ приѣдутъ: угольё-то не лгутъ веть не коля̀! Да и сору̀ока-та вечóръ мáлошно лѣ шшокотáла у окошка: такъ гостей и насказывала!... Принéсь ихъ Осподи!... Нивѣсъ! али̇ супостата-то не видишъ?

А взапрáвду, Матушъ, я и не видала, колды̀ онъ окаянной отъ лучины отскочилъ, да и воткнулса прити̇ мене премёхонько! Это безпримѣнно хомечиха буди̇: у её веть въ шарáхъ-ту я стою̀!... Ну, слава Богу! есь ворогъ, да не мнѣ! Ли́ко, матушъ, уголёкъ-отъ клéпился ко мнѣ, а зóлу отнеслу̀о пру̀очь!

Ну, слава Ти Осподи! нашо мѣсто свято! И старушка пошла на печь. Замѣтивъ же на полатяхъ лежащею меньшую сноху, старуха къ ней обратила рѣчь свою. Нивѣсъ! пора ужо ставать! Ли́ко большуха-та давнымъ давну̀о состала, да и за пресничёй! Ой, нивѣсъ, нивѣсъ! колды ты и съ умомъ ту соберёшша? Наштё и послѣднё-і̑отъ ду̀басъ съ те свалитчя! Ну, пу̀тно лѣ до экой поры дры́хнуть?

Ой, мáтушъ! вскричала молодая крестьянка, вскочивъ съ постели, я веть давну̀о ужъ пробудилась, да такъ ву̀отъ всё валéюсь: деньши́на-та седдни не моя, дакъ ці̑ову̀о жо дѣлать-ту?

Да хоть бы пряла!

Преди̇ пожалуй: нѣтъ ума-ту! Куляшъ придѣтъ, умчитъ жо. Ну, садится лѣ хто светьёмъ за прéсничу?

Эхъ, нивѣсъ, нивѣсъ! Ладно бáчятъ: молодó-іо̀тъ умъ не крѣпокъ! Ну, гдѣ жо видано, штё бы ходи́ли кулеши̇ по утрами? Не преди̇ ту̀олько свéчора! тожноля̀, не диви̇, попредёшъ и на кулеша̀. А коля пѣтухъ пропѣлъ: какіё жо дурныё кулеши̇: всѣ згибли, да пропали; нашо ми́сто свято!

А я ли́косся нацяла, не колды̀ светьемъ-ту не преду̀тъ! Ну дакъ состать жо будици, да попрéсти.

То-то глупенькая!... Ну ву̀отъ видно и приѣхали! Чушъ ли ты, нивѣсъ! не кáкъ вору̀отамъ хто то хлóпнулъ?... Ой, сердёшныё заколѣли нáштё?... Засвити̇, нивѣсъ, понáрь, да унéсь къ имя̀.

Старшая сноха, зажегши фонарь, пошла съ нимъ на крыльцо встрѣчать пріѣзжихъ.

Ну слава Богу! приѣхали. Штё это Ондрѣй! Шибко долго йздили?

Недосугъ топéречи калякать. Въ избѣ ужо языкъ-отъ пріоттаётъ: шлáе будётъ балентрéсить-ту.

Крестьянка, оставивъ на крыльцѣ фонарь, ушла въ избу.

Ну, Богъ съ намъ! говорила она, войдя въ избу. Экъ нóнче куржевины-то! Нельзя веть не заштё задѣть: такъ те и засы́плётъ! Откýоля и берётчя веть она?

Эхъ, нивѣсъ, нивѣсъ! отвѣчала ей свекровка, чѣмъ дивоватьчя на куржевину ту: ты бы лучше крестилась, да молилась, штё далъ её Оспýодь светьéмъ-ту. Не хто, какъ Богъ, на прýокъ индà и не поѣдутъ робята-та за хлѣбчёмъ-то въ Кукарку. Эвто веть первая примѣта, ежеле, особлево светьёмъ, стоитъ вёдро, и сѣнокýосъ будётъ ведро (а рожъ та зрѣётъ сѣнокýосомъ); а éжеле светьѐмъ кма живётъ куржевины: хлѣбечъ будётъ бáсокъ, умолýотёнъ. Не хто, какъ Богъ, индà и насъ блаславитъ Оспýодь!

Между тѣмъ пріѣхавшіе, разнуздавъ лошадей, пришли въ избу и, помолясь на иконъ, поднялись на печку. Раздѣвшись, они расположились было соснуть, какъ вдругъ вошелъ въ избу старичёкъ-сосѣдъ.

Здорýово, Ондрѣй! каковýо Богъ сносилъ? все лѣ по добру, по здорýову?

Чёвýо, Дедя милой, не бай ужъ лучше! Йздили, да чуть голову не проúздили.

А штё такýоё съ вамъ доспѣлось?

Да чуть волки не пошухáли. Набѣжала чѣла ардà; да кýбнямъ-ту подъ губу. Мы съ братикòмъ, да Кирюха съ казакòмъ хватили по стегý, да и давай катать по имя̀: да не тутъ-то было. Онѣ остервились пушше прежнова, да и на насъ. Дѣлать нечёво: мы стали по свинýому: сипна*-то, знашъ, вмѣсто, а пáлкамъ врýозъ, да такъ и отбивались отъ ихъ чуть не съ полýповода. Ушли жо окаянные: провалъ бы ихъ взелъ.

Эка при́тка, подумашъ: оказія веть! Ну, да Богъ спасъ хотя: животину-ту не пошуха́ли! А ку̂бвадни у Самы въ очю́ веть жеребчя-то розде́рнули: лишшо̀ клочьё полетѣло! Да кма ихъ и было тожноля̀: бають волку̂овъ за десеть.

Эка, парень! сказалъ, всплеснувъ руками братъ Андреевъ. Да отку̂оль и взелись онѣ нонче? Досель слыхомъ было не слыхать, штё бы такимъ арда̀мъ шатались!

Зна́мо дѣло отку̂оль! отвѣчалъ старикъ. Нечиста сила погнала ихъ къ сибѣ на́ гости!

А про какой случа̀й онѣ пона́добились нечистой силѣ? Ра́зно въ аду-ту безъ ихъ тошно?

Тошно, не тошно, да оголодаютъ окаянныё, дакъ и примутчя не то̀ за волку̂овъ, не то за пу̂отокъ, да и погу̂онятъ ихъ къ сибѣ матёрымъ табуна̀мъ. А волки, вѣстимо дѣло, попадутчя алѐ въ тенёта, але въ капка̀нъ: ку̂ожу съ-имётъ чаловѣкъ, а мясо-то, и не видашъ коля, умчи́тъ не чиста сила: на па́даль-ту она и па́дка!...

Ну, ву̂отъ и забале́сились! А я веть ву̂отъ за чѣмъ къ вамъ бу̂ольше: дай-ко-тё намъ взаймы съ чару́шку соли; у́трѣ жо, Богъ велитъ, куплю, дакъ и отдамъ. Мы веть не такіё люди: о̆тъ долгу не бѣ́жны!

Ой, Ївичь Осипа́нъ! мы бы съ удову̂ольствомъ обдолжи́ли те, отвѣчала старуха: да какъ быть сову̂одни далъ Оспу̂одь телёноцька мату́хонькѣ; дакъ самъ ты, умна голова, разсуди, — мо́шно лѣ намъ се́дни давать чёву̂о-не-на-есь изъ дому-ту? Хммъ!... отвѣчалъ старикъ. Ну, дакъ прошшенья пру̂осимъ; итти жо будучи дому̂ой; робята и́хати хотятъ по сѣно, дакъ сурежа́ть ихъ. Прошшайко-тё!

И старикъ ушелъ; Андрей же съ братомъ улеглись на печкѣ.

Между тѣмъ, какъ они тамъ спали, жена Андрѣева начала кормить курицъ. Услыша куриный говоръ, старушка сошла съ печи посмотрѣть куръ.

Ой, нивѣ́съ, нивѣ́съ! обратясь она къ большой снохѣ, сказала: ма́лошно лѣ я брежжѣ́ла тебѣ нонче;—не пушша̀й въ зиму

куретёну; ну вывела на своёмъ вѣку тройхъ силюшокъ: и слава Богу! не ужа́ле тибѣ надо отъ её ошшо чипушокъ? Надъ пу̂откой гра́еть грѣхъ веть!

Въ осеняхъ-ту всё я помѣка́ла жо замоли́ть её, отвѣчала сноха: да ты штё-то захурта́ла; а я ошшо не знаю обря́ду, какъ поступать съ куретёнамъ.

Мудрёной ужъ обрядъ! Ну, возми, замоли̇ куретёну съ пѣтухомъ отъ её, отнеси къ черквѣ: тамъ пу̂опъ молитву сотворитъ надъ пу̂откамъ, справитъ тѣ моле́бство Мѵрону̂осичамъ; а ты пѣтушка оставь свешеникамъ, куретёну-ту сибѣ; дому̂ой приди, собери старушокъ со всёву̂о селенья, да заприсъ съ имя̇ въ избѣ и съѣшъ куретёну, во славу Божею, а мужикамъ-ту не давай; свари пивчя гла ихъ про ту̂отъ случай, дакъ онѣ и ду́льтё! Колды̇ жо куретёну съ-ѣшъ: ку̂осточёкъ, мотри̇, не бросай, а отнѐсь ихъ во поску̂отину, да и спрѐчь чесне́нько въ мать-сыру̇ землю̇. Такъ станёшъ соблюдать, дакъ и Оспу̂одь давать тѣ станётъ ка́жно лѣто чипу́шокъ. Я изжила̇ ву̂отъ, бладаря Оспода, вѣкъ сву̂ой, а не колды̇ не живала по лѣтами безъ силю̇шокъ; за то и куретёнъ завсёлды̇ прятала чеснёхонько!

Ильинъ день въ 1847-мъ году.

Православные мужички, благоговѣя къ Пророку Божію Илiѣ, непремѣннымъ долгомъ для себя поставляютъ быть у обѣдни въ день памяти сего славнаго Пророка и помолиться ему. Въ эту пору, по окончанiи Божественной Литургiи, старичёкъ-крестьянинъ, выйдя изъ Церкви, спокойно расположился съ простымъ, деревенскимъ обѣдомъ, на мягкой травѣ, въ оградѣ Сельской Церкви. Съ тѣмъ же намѣренiемъ помѣстились возлѣ него трое молодыхъ землепашцевъ. Кончивъ на скоро обѣдъ, крестьяне завели разговоръ между собою. «А штё, Пота̇нь, взелъ лы ты гла си́менъ блаславленной ржи? спросилъ одинъ молодой другаго.

Вѣсти́мо взелъ. Ба́чко приказалъ принесть её безпримѣ́нно. А взапра́вду, дѣдушко Тереньтьевичь, ты колды̀ зачнёшъ сі́еть зимову́ю? продолжалъ отвѣчавшій, обратясь къ старику.

Коля̀ Богъ велитъ.

А до Спаса дни зачнёшъ?

Кака́я жо пришла̀ зачинать до Спаса дни? Старики досе́ль бачили: дока́ле не схуодитъ на воду Спасъ со крестомъ да съ Богоруодичёй, не прима́йтесь сі́еть: и сивъ будетъ не въ сивъ. Зна́мо дѣло, примолвилъ онъ, и сі́мена сгорятъ въ землѣ, коля̀ не спрыснутъ её матушку святуой водичой, а въ водѣ не покупаютъ креста Оспуодня.

Штё и ба́чить! сказалъ третій молодой крестьянинъ. А штё Дидушко, я спроша́ю те (ты знашъ веть подногуодну всю) коковуо-то будётъ нонче сві́жой ржичой сі́еть? Знашъ ты старыхъ сі́менъ нѣту-та у насъ: дакъ свижими-то нонче слѣтьё лѣ сі́еть?

Оспуодь про то вѣдаётъ, голубчикъ! Одна́къ старики узнавали эвто прежъ по Ильину дню. Ильинъ день коля случе́лса на молоду̀, сі́ели они молодуой рожью; а коля̀ на умётѣ, старой засива́ли. Старики досе́ль такъ всё поступали, да Бога напоминали: дакъ и были отъ Оспода довуольны: лишшо̀ сусѣки стонали! А нонче, вишъ, пришлуо какуое: молодёжъ Бога не напуомнитъ, старикуовъ не слушатъ, дакъ и сидитъ вчастову́ю безъ краю́хи: да по дѣло́мъ вору и му́ка!

А но́нче како́й бешті̀ мі́сечъ-отъ: старой, алѐ молодой?

Старой но́нче, старой.

По знака́мъ сві́жа-та рожъ но́нче не ші́бко баска̀ будётъ гла̀ сі́менъ?

Ну, да Богъ вѣсь про эвто!

Да штё ужъ будётъ! старой ржі́чи нѣту, по не-вуолѣ свижой станёшъ сі́еть.

Штё Богъ дасъ, то и мя́коньки!

Вѣсті́мо! сказалъ Патапъ. А вѣдомо, къ слову да къ ре́чѣ топе́ре, Дидушко, продолжалъ онъ, — скажъ-ко намъ почёмъ ты эвто узнаёшъ—колды̀ какуоё будётъ лѣто? Лико ты весну́сь ба-

чилъ намъ: не краснǒ будётъ нонче ли̊то. Ну такъ и есь! Ли̊ко, по самъ Ильинъ день вёдреча не бывало! Эко диво! А коля̊ какая жарȁ стоитъ объ эвту пору: такъ варǒмъ те и вари̊тъ! А колды̊ опеть баёшъ по веснȁмъ: крáсно будётъ нонче лѣто. Такъ и бываётъ завсёлдȁ. Скажъ-ко намъ,—по чему ты эвто примѣчеёшъ, дакъ и мы знать станёмъ.

Покмȁ станёшъ знать, скоро состаришша, отвѣчалъ смѣясь старикъ. Однакъ послушайтё пожалуй: скажу я вамъ и про эвту примѣту. На штё веть старики, штёбы калякать. Я слыхалъ отъ старыхъ людей, штё весной ежеле изъ муравишшовъ перéжъ красные муровьи выху̂одятъ,—будётъ лѣто красноё, а коля чорныё перéжъ,—лѣто будётъ чорноё, заму̂очливо. Я весной эвто замечею,—перёжъ и узнаю̊ коля̊ каку̂оё будётъ лѣто.

Ву̂отъ штё! сказалъ, кивнувъ головой Патапъ. Эка, парень! подумашъ, какіё досель были мудрёныё старики-ти: всё веть замѣчели! А тибѣ, Дидушко, матёроё спасибо́, штё ты насъ умуразуму научаёшъ!

Ну, закалякалса сову̂одни старикъ гла празника Оспу̂одня, сказалъ крестясь Терентьичъ. Пора жо робята и дому̂ой, примолвилъ онъ, поднимаясь на ноги. А, да и ты нонче къ черквѣ пришолъ?! продолжалъ онъ, обратясь къ подошедшему молодому крестьянину: розудáла голова!... А досéль слыхóмъ было не слыхать, штё бы Ванька въ черкву загленулъ!

Да какъ, Дидушко, я веть праслáвной жо хресьéнинъ, и пить, ись пожалáю. А коля̊ не пому̂олишша Ильѣ Прору̂оку, дакъ онъ пожалуй и дожжика не дасъ на му̂ой пай въ полѣ.

Такъ, такъ Ванюха! надо, надо молитьча Прору̂оку! Онъ веть по лѣтамъ на огненной колесничѣ по небу издитъ! При сихъ словахъ старикъ и молодые крестьяне, снявъ шляпы перекрестились. За тѣмъ всѣ пятеро вышли изъ церковной ограды и, помолясь на храмъ Божій, отправились во своя-си.

Для лучшаго пониманія напечатаннаго текста, прилагаю объясненіе нѣкоторыхъ словъ. Руководствовался я словарями Васнецова, Верещагина, а главнымъ образомъ устными разъясненіями и письменнымъ сообщеніемъ Д. К. Зеленина, которому приношу искреннюю свою благодарность.

А. Ш.

балентресить—болтать.

басокъ—хорошъ.

бачить—сказывать, разсказывать.

бешти—ты говоришь, ты думаешь (ср. бишь вм. баишь).

брежжѣть—ворчать.

будици, будичи—буде, въ такомъ случаѣ (въ текстѣ и: будучи).

гла—для.

гра́еть (граять)—играть, издѣваться.

дрыхнуть—спать.

дубасъ—сарафанъ изъ грубаго синяго холста.

дулить—пить.

забалеситься—заговориться.

закол́ѣть—промерзнуть, озябнуть.

замолить—зарѣзать.

захуртать—захворать, заболѣть.

казакъ—работникъ.

клѐпился—клонился.

кма—много (т. е. тьма, ср. покма).

куляшъ—чертенокъ.

куретёна—курица, высидѣвшая три семьи цыплятъ.

куржевина—иней на деревьяхъ, стѣнахъ, окнахъ и т. п.

лико—смотри-ка.

лишшо́—даже.

лю́чки—ладно, хорошо.

малошно лъ (?)—мало что ли?

матуха—корова.

мяконькой—коровай хлѣба.

на пру̂окъ—въ будущемъ году.

нацяла—думала, полагала.

не диви—не удивляйся.

покма—много (ср. кма).

помѣкать—намѣреваться, собираться.

поскотина—скотскій выгонъ.

пошухать—повредить.

пресничa—прялка (пряслица).

прити́ мене—противъ меня.

пу̂отка—птица.

путно—хорошо, полезно.

разно (?)—развѣ, неужели?

светьё̂—святки.

силю́шки—цыплята.

сл́ѣтьё̂—счастливый годъ, удача, къ урожаю.

спречь въ землю—захорони, заложи.
стягъ—колъ.
тожноля́ — тогда, въ такомъ случаѣ.
умётъ мѣсяца—ущербъ.
Хомечиха—жена Хомяка (т. е. мужика съ кличкою «Хомякъ»= =домосѣдъ).
чарушка—деревянная чашка.
чипушки — цыплята.
шары — глаза.
шляе — удобнѣе, лучше (ср. дошлый, по-шлый).

Образцы говора села Лѣки Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Помѣщенные ниже образцы по возможности точно передаютъ записи, сдѣланныя по моей просьбѣ мѣстнымъ крестьяниномъ Иваномъ Степановичемъ Гришкинымъ.

И. С. Гришкинъ старался передать различные оттѣнки своей рѣчи, не находящіе себѣ соотвѣтствія въ обычномъ письмѣ. Для этого онъ употреблялъ разные сложные знаки. Звукъ *о*, произносящійся особенно лабіализованно, онъ передавалъ послѣдовательно буквой *о* съ надписаннымъ надъ ней *у* — въ печати это передано мною буквой *ô*. Этотъ звукъ извѣстенъ почти исключительно въ положеніи подъ удареніемъ; въ неначальныхъ слогахъ онъ замѣняетъ всюду исконное *о;* въ начальныхъ слогахъ на мѣстѣ исконнаго *о* подъ старымъ нисходящимъ удареніемъ (опредѣляемымъ изъ сербско-хорватскаго и словенскаго языковъ) является *о;* а на мѣстѣ исконнаго *о* подъ старымъ восходящимъ удареніемъ *ô*. Звуки неполнаго образованія въ слогахъ неударяемыхъ И. С. Гришкинъ передавалъ обычно буквой *а* съ надписанною надъ нею буквой *ы* или *э:* я передаю это въ слогахъ неударяемыхъ курсивными *ы* и *э*. Надъ *г* у И. С. Гришкина стоитъ обычно *х* со знакомъ минуса передъ нимъ: это обозначаетъ взрывное, не фрикативное произношеніе *г;* я опускаю надстрочное *х*. Замѣчу еще, что *ѣ* въ записяхъ Гришкина обозначаетъ

другой звукъ, чѣмъ *е* — это звукъ средній между *е* и *и* (почти только подъ удареніемъ). См. мое описаніе Лѣкинскаго говора въ Изв. Отд. р. яз. и слов. за 1913 годъ, кн. 4-я.

Свадьба въ Ялмôти.

Задумали нашива Андрюху женить. Невѣста на примѣти есть, и денякъ падыскали. «Што жа», гваритъ дядя Павилъ женѣ, «ступай сватать, у Рамана Михайлыва дѣфка харôшыя, Санькя-та». «Такъ-та нелофка, пряма самôй-та, нада бы кавô паслать». «Ну, вôт ти нелофка, пайдёмъ оба». Адѣлись и маршъ, а наперётъ а сѣбѣ дали знать, «що дискать мы придёмъ, гатôфтись». Итить была ни далёка, толькя цэрись 3 двара. Дѣла была вецырамъ, но варôты были ища не зáпирты. А пасему аны зашли слабôдна. Пэмалились Богу, пэкланились хазяивамъ и сѣли пэдъ балку. (Сидѣть сватамъ или свахамъ обязательно почему-то нужно подъ балкой). Сидятъ всѣ, малцатъ, Бо-знать, с цавô нацинать. «Вы що, Раманъ Михалыцъ», гываритъ жена дяди Павла, «будити Санькю атдавать ноня, али нѣтъ, мы к вамъ сватыцыть пришли за Андрюху, пака сами ти па здарôву, думымъ женить». «Харôшыя дѣла, женить ушъ нада, ему катôрай годъ-та». «Дыть атъ призыва аташолъ ноня». «Вы бы ещо гдѣ пасватыли, у насъ дѣфка-та малада, хатѣли гадокъ пагадить и денжонакъ ноня малавата», гваритъ дядя Раманъ. «Э, Раманъ Михалыцъ, беда деньгю радитъ, Богъ дастъ, и дôбры люди ни аставютъ». «Ну какъ, мать, — гледи, Андрѣй паринь харôшай. Какъ ты, Санькя, — пайдёшъ за Андрюху»? гваритъ дядя Раманъ. «Какъ хатити, батюшка», а сама краснѣя, апущаитъ глаза въ земь. Паслали за жинихомъ. Невѣсти и жиниху разрешаицыть вытить въ сѣни пэгэварить. Вышли, пэмалцали, патаму що нехто не зналъ цавô баить, и маршъ в ызбу. Радитили ихъ спрасили, какъ аны пэлюбились, или нѣтъ друкъ другу. Женихъ и невѣста сказали: «ницавô». «Ну што жа, Раманъ Михалыцъ, давай ладицы, адёжу шей самъ, какую зна-

ишъ, а с насъ бери денякъ, скôлкя тамъ ушъ знаишъ», гывaритъ дядя Павилъ. «Ды скôлькя, 70 руб. дашъ, и ладна». «Нѣтъ, ты не 70; я тэргаватцыть ни люблю, ни ны базари, а если хôшъ быть сватамъ, бери 50 и давай икону, и мались Богу», сказалъ дядя Павилъ. Раманъ падумалъ немнôга и гваритъ женѣ: «гледи, мать». «Ну що шъ, такъ и такъ», сказала мать. Всѣ ныцынаютъ крестицыть. И скôлькя есть нарôду в ызбѣ, цалуютъ друкъ друга. Женихъ и невѣста цалуютъ икону, и нацинаицыть пригатавленья къ запôю. Принôсютъ вôтки, сзываютъ радню, жинихôву и невѣстину, апеть всѣ ушъ тута, мôлицутъ и садяцщутъ за стôлъ. Въ другôй пэлавини или у сасѣда ставютъ стôлъ дѣфкамъ, падрушкамъ невѣсты, и такжа даютъ немнôга вôтки. Наливаютъ стаканы вôткой и даютъ сперва жиниху и невѣсти и прôсютъ ихъ пыказать дарôгу гастямъ, и аны далжны выпить па всёй, какая бы ни была пасуда, атгывариць нельзя, аны кланицутъ и пьютъ. Посли ихъ ныливаютъ абôимъ сватамъ и свахамъ; аны кланицутъ жиниху и невѣсти и друкъ другу и гварятъ: «ну, здрастывай, сватъ, дай Бохъ намъ, що задумали свершить», и пьютъ такъ жа па всёй. Када абнесутъ вôткай всѣхъ гастей, па разу, мать жиниха крестицыть и заигрывыть пѣсню.

«Благаслави-ка Ты насъ, Госпади, пра Андрѣя сакалокъ играть».

Сыкалокъ у насъ Андрѣюшка (—подхватываютъ всѣ),
Онъ белôй лебить Павлавицъ.
Палетѣлъ сакôлъ въ цыстôя поля
Онъ ва цыстая, ширôкая.
Рызагналъ онъ либедей стаду,
Либедей стада ширôкая.
Онъ паймалъ сѣбѣ галубушку,
Сѣбѣ бѣлаю лебёдюшку, Лександру Раманывну.
Онъ взялъ йё за праваю руцу́
Онъ павёлъ йё ка суду Божью,
Атъ суда Божья къ сваму ко двару.

В эта время гости угащаицутъ, какъ имъ нужна, а нужна досыти. Посли этыва прихôдитъ сваха, мать невѣсти, з дарами, съ платенцами и нацынаитъ всёй раднѣ жинихôвой класть ихъ на плецы, па аднаму. Если хто жалая взять даръ, тôтъ кладётъ на тарѣлку, пакрытыю платкомъ, скôлькя нибуть денякъ; а если ни желая, то гварить: «благадарстваю». Ва время раздаванья дарôвъ дѣвушки прôсютъ лошать у жинихôва ацца пакатацць, онъ разрешаитъ. Но! и заигрывыцыть пѣсня.

Не во пали, у насъ ва цыстôмъ поли,
Да ва цыстаимъ у насъ, ва широкаимъ.
Тутъ стаяли были, стаяли 3 вôлюшки (олхи),
Стаятъ 3 зелёныя.
Какъ на тѣхъ вальхяхъ у насъ сидятъ галыньки,
У насъ сидятъ цорныя.
Гдѣ не взвилси у насъ млатъ есёнъ сакôлъ,
Онъ атбилъ, атшипъ цорнаю галынькю,
Цорнаю сизаю.
А па ней галки всѣ аны вазгаркались,
Аны васкрицалися.
Па цыстôму полю аны вазлеталися,
Цорну галынькю аны вазыскалися.
Ушъ ты свѣтъ наша цорна галынькя,
Каму у насъ будя пиредомъ летать,
Пиредомъ летать, будя пути правити
Дôбраму молаццу, Андрѣю-та Павлыцу?

И другую:

У варôтъ, варôтъ, варôтъ у Раманавыхъ,
Тутъ стоялъ былъ нôфъ высôкъ терёмъ,
Нôфъ высôкъ терёмъ, са краснымъ акошицкамъ,
Са краснымъ хрустальнаимъ,
А ва терими стоятъ 3 скамеицки,
Стаятъ 3 дубôвыя.

А на тѣхъ скамьяхъ сидятъ дѣвушки,
Сидятъ красныя.
Аны шъютъ-берутъ всѣ аны разнымъ шолкамъ.
Александра шъётъ бѣлаю бумагаю.
Ана шить мала шъётъ, лишъ тôлькя указывытъ.
Аткуль не взился дôбрый мôладицъ (sic),
Добрый (sic) моладицъ, Андрѣй Павлавицъ.
Онъ ваздалъ дѣфкамъ ниской паклôнъ,
Александри душѣ цесть асôбиннаю.
—Бохъ помачъ вамъ, красныя дѣвушки.
—Спасиба тебѣ Адрѣй Павлавицъ.

Посли этай пѣсни дѣвушки ѣдутъ дамôй. Радня жиниха хто мôжитъ пращаицыть, а иныхъ тащутъ и кладутъ въ сани, такъ и несутъ на сѣбѣ тѣ, катôрыя патрезвея.

Дядя Павилъ приглашаитъ дядю Рамана на утра къ сѣбѣ, са всёй радней, домъ гледѣть.

Гледѣть домъ, эта не есть гледѣть имѣнья, а проста идутъ папиццыть винца.

Пьютъ здорыва. И не цесть таму, хто уйдётъ з гледѣнья дома на сваихъ нагахъ. Угащаютъ вôткай, мёдамъ, салёными судаками, агурцами и капустай кацаннай, а если мисаѣтъ, то свининай.

Женихъ въ эта время стаитъ у стала и потцывытъ. Па этыму замѣцаютъ (sic) жиниха, какôфъ ево умъ, то исть, если онъ мала потцывытъ, то з дурью, и наабарôтъ.

Вôтъ дядя Раманъ фстаётъ исъ стала и гваритъ: «ну, гости любищи, пара́ хазяину пакôй дать, будя, пагуляли, пара́ и на спакôй». И кôй какъ всѣ ухôдютъ пэ дамамъ.

Посли этыва нацынаютъ гатôвицыть оби стараны къ свадьби; варютъ пива съ хмелямъ, а невѣсти шъютъ адёжу. За нидѣлю да свадьбы нацынаютъ пецъ пираги, варютъ гавядину, студинь, щей наваривутъ бальшую кадушку. (Сватанья у насъ бываютъ— филиповки, а свадбы мясоѣдомъ).

Дня за три да свадьбы дядя Павилъ гваритъ женѣ: «ни пара́ ли намъ ѣхать съ кубышкай?» Сь кубышкай ѣхать, эта платить вывать и гаварить а днѣ свадбы и весть съ сабою палъ штофъ вотки (sic), дискать нужна выпить са сватамъ.

Въ кануни свадьбы для жиниха таварищи то̂пютъ баню, а когда ана истопицыть (sic), идутъ за нимъ. Женихъ берётъ въ баню во̂тки. Стаканъ во̂тки выливаютъ на каминку для таво̂, щобы ему была жить тепло (sis) и ве́села. Женихъ берётъ горьсть листефъ атъ виника, като̂рымъ ево парютъ. Эти листя онъ зашъетъ себѣ въ падушку, для таво̂ щобы жена любила. Када выхо̂дютъ исъ бани, хто нибудь исъ сасѣдавъ садицыть на даро̂гу и ни пущаитъ; ему за эта падно̂сютъ во̂тки, и онъ ухо̂дитъ. Въ эта время приво̂зютъ паповъ (sic); аны служутъ малебинъ и тут жа блаславляютъ жиниха. Посли блаславленья паповъ (sic) угащаютъ, и аны уѣжжяютъ. Тутъ ушъ посли ихъ угащаицутъ ребяты на скору руку, патаму ща нада сабиракцыть на вичеринку, блага радня пыдъѣжжаитъ (sic). Каждай пріѣхавшій здаро̂выцытъ (sic) зъ жинихомъ и даритъ ему хлѣпъ и кусокъ бальшой мяса.

У невѣсты въ этатъ день тожа падрушки то̂пютъ баню, такжа ведутъ невѣсту и льютъ на каминку вотку (sic), и беретъ ана листяфъ. Жаланья адны и тѣ жа, какъ у жиниха. Када дѣвушки прихо̂дютъ изъ бани, аны садяцутъ па лафку и заигрывутъ пѣсню. (Невѣсту покрываютъ платенцамъ, и ана далжна плакать).

Пѣсня.

На гарѣ стаитъ ёлыцка,
Пыдъ гарой (sic) стаитъ светёлыцка.
Ва светёлыцки бесѣда сабрана,
Ва бесѣдушки Лександра сидѣла.
Прихадилъ за ней старшій братъ Его̂ръ.
«Ты уймись, душа Лександрушка, ры̂дать,
Нареченный тво̂й спреди пути,
Долживъ я ему тебя пиредать».

За этай играютъ другую:

Шлô-прашлô соньца, да пазать лесôвъ,
Шла-прашла Лександра, да пазать сталôвъ.
Бросила клюцы на дубôвый стôлъ.
«Я вамъ, батюшка, не клюшница,
А вамъ, матушка, ни ларешница,
А вамъ, браццы, я ни слуга вѣрна;
Буду клюшница чужу батюшки,
А ларешница чужôй матушки,
Слуга вѣрная я Андрѣева,
Слуга вѣрная бизатвѣтная».

На вичерину женихъ не прiѣжжаитъ. Прiѣжжаитъ атецъ, мать и фсѣ званыя. Када аны вхотютъ (sic) в ызбу, то дѣфки ушъ сидятъ съ ёлкай за тѣмъ сталомъ, за какой должны сѣсть атецъ и мать жиниха, и играютъ пѣсню. Невѣсты нѣтъ съ ними.

На кôмъ кудри, на кôмъ русыя, расхарôшiя?
На Андрѣюшки па плецамъ лежа,
Па плецамъ лежа, ровна жаръ гаря.
Нехто къ кудрямъ ни патступицы,
Нехто къ русымъ ни падверницыть.
Патступалася красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Лексанрушка.
Брала кудри на белы руки,
Начала кудри цасать гладити,
Цасать гладити, масламъ мазати.
Са Масквы купцы саежжалися,
На тѣ кудри дивавалися.
А хто жъ кудри васъ пародили?
Насъ пародила рôдна матушка,
Вспаилъ, скармилъ рôднай батюшка.
Завила кудри красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, душа Лександрушка.

Посли этай пѣсни дядя Павилъ вынимаетъ мошну и даётъ имъ кȏлькя та денякъ, и аны, шипка гремя, вылазютъ исъ стала и бегутъ въ гȏрьницу, гдѣ ихъ, накрытая, дажидая невѣста. Мать жиниха даетъ имъ пирȏкъ, всегда на палавину сырой, для таво щобы маладая была пасырей, то исть, патолши.

Невѣста сидитъ атдѣльна накрытыя и плацитъ, причитая:

Дарагой ты мȏй батюшка,
И радная мая матушка,
Цѣмъ я у васъ, матушка, правинилася?
Аддаёти меня ва цужи люди нiизвѣсныя.
У васъ сабралси нарȏтъ са цужихъ диревень
Мёжъ ними нѣтъ мнѣ знакȏмыва.

Падрушки ее унимаютъ, и ана брасаитъ; безъ горя плакать-та скушна. Между тѣмъ прiѣжжiе рассаживыцутъ за сталы, и апять пашла выпифка. Дѣфки аставляютъ невѣсту и идутъ пра гастей пѣсни играть. Хатя жиниха нѣту, но сперва играютъ пра нево:

Сакалокъ у насъ Андрѣюшка... и такъ далѣя.

Пратифъ дяди Павла ставютъ стаканъ съ пивамъ, и онъ должынъ туда палажить какую нибудь манѣту, сперва за жиниха, а када будутъ играть пра нево, тада за себя. Посли пѣсни «Сакалокъ» нацынаютъ играть пра дядю Павла.

У насъ сватушка харȏшая,
У насъ сватушка пригȏжая,
Павла та Сергѣявицъ,
Ево умная галȏвушка, шилкава ево барȏдушка.
Брови цорны, развесёлыя глаза,
А гдѣ эта радилась красата?

Дядя Павилъ кладетъ фъ стаканъ петакъ и пыдаетъ дефкамъ (sic). А аны зыпѣваютъ (sic):

Спасиба тебѣ, сватушка,
Ны тваемъ цэснȏмъ падарацки.

Стаканъ ставютъ притъ женой дяди Павла и играютъ:

У насъ свашинькя харôшая,
У насъ свашинькя пригôжая, Пылагѣя Федрывна,
На марѣ сваха воду цэрпыла,
Бѣло сваха умывалася,
Пылатеницамъ утиралася,
Харашô сваха сарежалася:
Платокъ на ней шолкывай,
Срафанъ на ней шолкывай.

Ана кладётъ манѣту и пыдаетъ, а дѣфки паютъ:

Спасиба тебѣ, Федрывна, ны тваемъ падарацки.

Затѣмъ играютъ, хто пытъ цыредомъ, такую жа пѣсню, какъ пра дядю Павла. Но если каму ана не любицыть, таму паютъ другую.

Сидитъ зъ дядя Павламъ сваякъ ево, звать Иванъ, онъ и крёснай жиниху. Пра нево играютъ такую:

Па брашки стакашка пабраживая,
Иванъ-атъ па беришку пахаживая,
Сваею женою нахваляицыть, ныхваляицыть:
Ай душка, женушка, Марьюшка,
Душа, маё серца, Акимывна,
При дôбрыхъ-ти людяфъ цэсть ды хвала,
При тёмнай-ти ноцы утѣха мая;
На руцку палoжа, къ серцу жмё,
А другôй абнимя, душицкай завё.

Иванъ кладётъ и падаётъ, а аны паютъ «Спасиба»...

И такъ пра всѣхъ. Если ф цыслѣ званыхъ есть ниженатаі̆, пра нево играютъ слѣдующую, съ притопамъ и съ прихлопываньемъ въ ладоши.

А хто у насъ холастъ, а хто у насъ ни женатаі̆?
Василя у насъ холастъ, Иванавицъ ни женатай.

Па го̂ринки Василь хо̂дя, въ зеркыла гледицы,
А онъ въ зеркыла гледицы, красатѣ сваей дивицы.
Какой я мальчикъ харо̂шай, какой я мальчикъ приго̂жай.
За що̂ меня дѣфки любютъ, за що̂ красны пацытаютъ?
За нискія за пакло̂ны. за пріятны разгаво̂ры.

И онъ расплацывыцыть, ему паютъ спасиба. Када всѣхъ абыграютъ, пацынаютъ дарить, какъ и на запо̂и, а посли даро̂фъ, хто ни видалъ невѣсту, идетъ пасматрѣть, за дарамъ ее ни пиказывутъ, нада платить, и ее открываютъ. Пато̂мъ гастей угащаютъ ужинамъ исъ щей жаринай свинины, квасъ са студнямъ, каши грешнывай и наканецъ кладутъ бальшой хлѣпъ, ставютъ на нево стаканъ, а каждай изъ гастей ставитъ к нему сваю лошку. И фстаютъ благдарятъ хазяина и ѣдутъ или идутъ къ жиниху.

Здѣсь атецъ и мать, крёснай и крёсна жиниха блаславляютъ.

Затѣмъ кресна ведётъ жиниха за сто̂лъ и сама садицыть, па лѣвою ево руку, а па правыю садицыть креснай, патомъ (sic) 2 дяди, а па лѣваю 3 тётки. На протифъ жиниха на скамейки садяцутъ тутъ жа выбраныя друшки; старшаму и самаму лофкаму изъ нихъ вруцаицыть всё хазяйства, за сталомъ онъ должинъ паднасить во̂тку и рѣзать мяса и следить за всѣми парятками. Эта дѣлыцыть для таво, щобы на зафтря каждай зналъ свае мѣста.

Ужинаютъ, и здѣсь велятъ ѣсть и жиниху, «ѣшъ Андрюха, а то зафтря ни дадутъ». (Въ день свадбы жиниху и невѣсти, а такжа абоимъ (sic) радителямъ и крёсни ѣсть и пить не палагаицыть, за то крёснаму жиниха палагаицыть пить 2 стакана какъ свой (sic), такъ и жиниховъ, и пацти пастаянна бываитъ, що креснава, всѣхъ перётъ, унесутъ спать). Посли ужна хазяинъ про̂ситъ гастей лажицыть спать, «а то зафтря есть дѣла».

Встаютъ рана, ахмеляицутъ и ѣдутъ катацыть (къ дугамъ привязывутъ калакольчики (sic) и паграмки) для таво, щобы павѣстить (sic) наро̂тъ. Кресна въ эта время сарежаитъ жиниха. Фъ супаги ему сыпитъ изъ пот полу сваей (жиниховай, sic) избы песку, для таво щобы онъ, када женицыть, ни ушолъ атъ ацца и

не бросилъ сваво дома. Папаясывутъ ево па го̂ламу тѣлу сѣтью, а фъ груть рубашки фтыкаитъ иголки для таво, щобы цары калдуно̂фъ ни падѣйствали. И дѣлытъ ему наставленья: «ва всѣхъ дверяфъ и праходафъ (sic) крестись, а такжа на паваро̂тафъ и пирекрёсткафъ, невѣсту держи за руку крѣпка и гледи, шобы мёшъ васъ нихто ни прашолъ, а то плоха будити жить. Фъ церкву, када будити фхадить, старайси папасть перетъ ее, такжа станавись первымъ на пэдастлатаю халстину у налоя, щобы ни умереть перетъ её. А када пріѣдити атъ венцаня и ляжити спать, первымъ ни загаваривай, а то будишъ у жены весь вѣкъ фъ потцыненьи». Пато̂мъ надеваитъ на нево тулупъ, на лѣвая плецо кладетъ платенца, а канцы ево завязывытъ у правыва бока и гваритъ: «ну, князь вынабрацнай, садись за сто̂лъ», а сама садицыть с нимъ рядамъ.

Пріѣхали и като̂ры катались, и всѣ садяцутъ за сто̂лъ, въ то̂мъ парятки, ф какомъ (sic) сидѣли вецырамъ. Изба напалнивыцытъ бабами пастаро̂нними и падро̂стками. Нацынаютъ абыгрыватъ сидящихъ за сталомъ, пѣсни паютъ тѣ жа, какія на вицерпни. А дво̂ръ поланъ мужиками; аны пришли праздравить съ радастью дядю Павла, имъ нада гудуху (четверть) атъ нево, аны пайдутъ къ дяди Раману и палуцутъ сто̂лькя жа. Абѣтъ ко̂нцылси, дружокъ крицытъ: «притварити дверь», мо̂лицутъ Богу, адевапцутъ и выхо̂дютъ. Дружокъ идетъ пиредомъ, ва фсѣхъ дверяфъ онъ бьётъ нагайкай, вверхъ, въ нисъ и фъ бака двери, разганяя нецыстаю силу. За нимъ идетъ кресна и за ней князь вынабрацнай, у нево кроми иголакъ на груди, есть еще 90-й псаломъ (sic) на бумашки; дьячокъ ему написалъ за касушку, а патаму онъ нецыстыва ни баицыть. Выхо̂дютъ на дворъ (sic), друшки апхо̂дютъ с ыконай вакрукъ лышадей и мо̂лицутъ Богу, надеваютъ шапки, и дружокъ 1-й гваритъ громка: «Гыспада пыѣжжани, бутти фсѣ ф сабрани, садитись па местамъ, какъ ясны сокалы пы гнездамъ». И абратифшись къ народу (sic), гваритъ: «а вы прываславныя блаславити нашива князя вынабрацныва (новобрачнаго) па невѣсту ѣхать, а хто ни блаславитъ, таму сына ни женить,

доцъ ни атдать и въ доми зятя ни видать». Наро̂тъ гваритъ: «цасъ добрай (sic)». На перваю лошать садяцcутъ друшки на другую женихъ, креснаи и кресна, жиниху даютъ в руки икону. Невѣсту сарежаитъ тожа кресна и такъ жа апутывутъ сѣтью, толькя песокъ не сыпютъ фъ супаги, пэтаму, що ей нада забывать аццофъ (sic) домъ, савѣтывутъ такъ жа папасть перетъ фъ церкву, и стать па халстину, и падольши малцать на пастели. Наканецъ, невѣста гато̂ва, ее сажаютъ за сто̂лъ, с ней садиццыть па лѣвую руку кресна, а кругомъ рассаживыццтъ дѣфки. На столъ (sic) ставютъ 2 пустыя бутылки, фставляютъ в нихъ па свѣцки и нарежаютъ ихъ кукламп, напаминающими мущину и женжину (sic), связывутъ вмѣсти и свѣцки зажигаютъ, атцаво̂ в ызбѣ дѣлыцыть душно, но избежать нельзя, въ этамъ састаитъ будущая сцастья маладыхъ. Поистъ з жинихомъ, ни даѣхафъ дома за 4, астанавливыцыть, ва дво̂ръ ѣдутъ адны друшки (падружать); ихъ ф сеняфъ ни пущаютъ бабы, про̂сютъ расплатицыть и паютъ пѣсню:

На ко̂мъ кудри . . .

Дружокъ аддаетъ имъ ско̂лкя нибудь, и аны даютъ дарогу (sic), онъ кресты-абразна бьетъ пы двери и идетъ в ызбу, кланицыть, стуцытъ па сталу нагайкай и грозна гонитъ (sic) дѣвакъ исъ стала. А аны требуютъ выкупа, паютъ пѣсню:

У варо̂тъ, варо̂тъ, разливалось синё моря,
Вэплывали 3 караблика.
А какъ первойетъ карапь уплылъ
Съ сындуками, сы уклатками,
А фтарой карапь уплылъ сы пухо̂ваю пастеляю,
А третяй ытъ карапь уплылъ са душо̂ю краснай дѣвицай,
Съ краснай дѣвицай, с Александрушкай.
Выходила её матушка
На наво̂ крыльцо (sic) паратная,
Закрицала громкимъ голысамъ:
Вэратися, маё дѣтища,
Ты забыла зылаты клюцы,

Зылаты ключы, залôтъ перьстинь.
Ни забыла я у тя, матушка,
Ни забыла я, радимая,
Залаты ключы на поиси,
Залôтъ перстинь на правой (sic) руцѣ,
Лишъ забыла я у тя, матушка, вôлю дѣвицъю,
Нѣгу матушкину.

Дружокъ калотитъ па сталу и гôнитъ, но дѣфки фсё сидятъ, патомъ (sic) дружокъ плотитъ (sic) скôлькя нужна, и аны вылазютъ. За сталомъ астаюцца невѣста и кресна. А друшки ѣдутъ за поиздамъ и абъѣхафъ евô кругомъ, фсѣ ушъ вмѣсти въѣжжаютъ, ва дворъ (sic). Тамъ ихъ у сеней фстрѣцаитъ (sic) фся радня невѣсты сы стаканами в рукафъ. Пріѣжжія выпиваютъ и идутъ в ызбу. Здѣсь апеть абѣдутъ, и такжа ихъ абыгрывутъ. Тôлькя здѣсь дружокъ пыдавая стаканъ певицамъ, прицытаитъ: «певицы, игрицы, блинныя притвôрницы, гаршошныя разбойницы (sic), вôтыцку примити, а стакашку назатъ абратити». Абѣтъ кôнцылси, пріѣжжія прôсютъ дядя Рамана благлавить невѣсту, що онъ и дѣлытъ.

Затѣмъ фсѣ мôлицутъ и выходютъ (sic) на дворъ (sic).

Здѣсь друшки апеть апхôдютъ с ыконай вакрукъ лышедей. Женихъ сажаитъ невѣсту ф сани, рассаживыцутъ и фсѣ астальныя. Дружокъ гваритъ громка, абращаясь къ старикамъ: «старыя стамираѣды стырики, вамъ бы ни па свадбамъ хадить, а у старысти бы думать ды гадать, нельзя ли каво на ведерку аштрафавать, но вы меня извинити, а нашихъ вынабрацныхъ ка венцу ѣхать блаславити». Рибетишки пыдвигаицутъ к нему ближи, и онъ, абращаясь к нимъ, гваритъ: «малыя рибетишки, рваныя ваши лаптишки, гôлыя ваши пузы, ды и сами вы кырапузы, вамъ бы ни па свадбамъ хадить, а у дечка азбуку цытать ды пы субôтамъ розги палуцать». «Ну, прываславныя, блаславити фсѣ». Ударяитъ па лошади и ѣдутъ къ венцанью.

Посли ихъ дядя Раманъ гваритъ: «ну, гости, сыбирайтись скарей, нада сундукъ весть, а ато атъ венцу пріѣдутъ, ни пыгуляшъ».

Кладутъ всё имѣнья невѣсты на сани и везутъ къ дяди Павлу. Дядя Павилъ ихъ стрецаитъ на дварѣ съ графѣнамъ и бальшимъ стаканамъ. Выпиваютъ, а вѣщи ни даютъ, прася расплаты, и онъ (дядя Павилъ) кладетъ на фсѣ углы сындука пы манѣти, и сундукъ несутъ в ызбу. Сундушникафъ поятъ до сыти, а сами аны (сундушники) пьютъ чуть не до смерти. Есть пэгаворка: «пьетъ, какъ сундушникъ».

Но вотъ на ульци зыкрицали: «ѣдутъ».

И сундушникафъ выправаживутъ. Дядя Павилъ з женой, с ыконай и хлѣбамъ солью, выходютъ стрецать мэладыхъ. Мыладыя кланицутъ, цалуютъ хлѣпъ соль, ацца и мать; а дядя Павилъ гваритъ: «ну, дѣтки, идити съ Богамъ въ радитильскяй домъ, и дай Бохъ вамъ жить въ мири и сагласьи». Фсѣ гости талпой вваливыцутъ в ызбу бис парятку, пытамуща фсѣ пьяны. И паютъ пѣсню, катораю разабрать трудна, пэтаму-ща крицатъ фсѣ, какъ папала.

Исъ пэтъ дуба, дуба сырыва,
Исъ пэтъ сырыва зелёныва
Вылетала либедей стада.
Какъ адна бѣла лебедушка
Процъ атъ стадушки атлётывала,
Ка серымъ гусямъ прилётывала.
Ее стали гуси рвать щипать.
«Ни щиплити-ка вы, серы гуси,
Ни сама я къ вамъ залётывала,
Занесло (sic) меня неволяю, неволяю (sic), ниахотаю,
Цастымъ дожжикамъ асенняимъ.

Мэладыхъ атправляютъ въ горницу (sic) и даютъ имъ пабѣдать и к нимъ никаво ни пущаютъ, кроми абоихъ крёсныхъ. После абѣда оби кресны ихъ аставляютъ, пэжалафъ имъ цасу добрыва (sic) и спакойнай ноцы. А мыладыя рызбираицутъ спать. Гости такъжа мала па малу пристраивыцутъ спать, хто пытъ пецку, хто пыдъ лафку, хто патъ столъ.

Храпѣнья страшная, мнôгія икають. На утра фстають, ахмеляпцуть, и друшки идуть будить мыладыхъ, в дверь не фхôдють. а тôлькя стуцать, называя па имю и па оцыству, що дискать пара фставать, и спрашивуть, «харашô ли пэцывали». Мыладыя выхôдють, ихъ сажають ф передняй угалъ, и фсѣ зафтрыкуть. Посли зафтрыка гости вылазють исъ стала, а мыладыя астаюцуть за сталомъ. На стôлъ ставють пустую тарѣлку, накрытаю платкомъ. Дружокъ ставить графѣнъ съ вôткай, хлѣпъ и тварôкъ, а крёсна мыладой (sic) кладётъ пацку платкôфъ, и дружокъ крицытъ: «Павилъ Сергѣевицъ съ супругай и з дѣтками, вынабрацныя завуть васъ къ сыру и караваю».

Дядя Павилъ с семействамъ патхôдить, фсѣмъ имъ онъ (дружокъ) ставить пы стакану вôтки, аны крестяцуть, но тôлькя аны хатять выпить, онъ ставить нагайкю къ губамъ пьющива и гварить: «нада заплатить за вôтку, наша мыладая садицыть нанывa, ей фсѣво (sic) мнôга надыбна». Дядя Павилъ брасаитъ фъ тарѣлку рупь, а дружокъ гварить: «ну, теперь можна». Дядя Павилъ выпиваить, а дружокъ ему пыдаётъ платокъ и гварить: «на-ка, утрись». Жена дяди Павла не пьётъ, гварить: «горькя», а дружокъ гварить: «скôлькя». А ана гварить: «12». Мыладыя цалуицуть 12 расъ, а патомъ цалують дядю Павла и ево семейства. За ними пэ крику друшка пэтхôдють астальныя. Посли этыва мыладымъ дають ушáть и пысылають ихъ на калôдись зы вадôй. Аны идуть. Идётъ и фся радня с шумамъ и свистамъ на ульцу, за ними. Мыладыя патходють (sic) къ калôтцу и наливають вады. А дружокъ въ эта время карôницыть, но евô нахôдють, тащуть къ калôтцу и абливають вадôй, дыстаецыть мнôгимъ. Наканецъ, фсѣ сыбираицуть в ызбу, абѣдуть и ѣдуть за пиравыми. Привôзють. Пирушка биваить ни на живôть, а на смирть. Биваить, и апиваицуть.

С ндѣлю ища пьянстуить дядя Павилъ съ дядяй Раманамъ, а патомъ (sic) гадофъ (sic) пять будуть платить далги.

Описаніе Ялматской волости.

Ялматью называицыть мѣснасть рыспаложиная па праваму беригу реки Пры—эта граница её вастôцная, а севирная (sic) атъ Свята Озира идётъ къ западу па край Ялмытскыва казённыва лѣсу и имѣитъ на границы деревни блисъ Свята Озира: Быцки (Шестемірово) и Шишкина. Ещё западнее деревни: Тѣльму, Муравлёскю, Филинскю, селô Пятницу и д. Савинскую (гр. севирная).

Нидалёка атъ Савинскай текётъ река Ворныва, текётъ ана на юхъ и сваимъ теценьямъ атделяитъ Ялмать атъ Дмитифщины.

Блисъ Ворныва диревень нѣтъ на нашай стыранѣ, пытаму-ща мѣснасть балôтистая, а есть аны верстахъ фъ трёхъ атъ реки: Сыцы, Прôнина, Югина, Маврина; эта есть граница запыдная.

На углу запыднай и южнай границы стаитъ селô Хрôлъ (Дерскôе), а ат невô идётъ граница южная къ вастôку па край дарôги Касимафки и имѣитъ деревни: Дубасыва, Семёныскю, Ѣвлива, Нôвай Дѣвицяй Мынастырь, Иваныскю, Ханина, Тюрвишъ и наканецъ самыю Ялмать.

Фся эта мѣстнасть имѣитъ въ дылину (съ юга на севиръ) 20 верстъ, а въ ширину окыла 12.

Па беригу реки Пры стаятъ слѣдующія деревни, нацыная атъ Ялмати вверхъ: Ефремыфская (Ахрѣмыва), Филелѣива, Драфѣива, Пагôща (Пагôстищи), селô Шеина (Казаныска) и Стара-Церкасыва, а еще дальши, пацти къ Святу-Озиру: Нôва-Церкасыва и Каренецъ.

Фсѣ эти деревни стаятъ на границафъ Ялмати, а самая река Пра атделяитъ Егôрискяй уѣстъ атъ Касимыскива, а Савята Озира, блисъ Быцкôфъ и Шышкина, атъ Судаготскыва уѣзда Владимірськяй губерни. Ялмытскяй казённай лѣсъ хатя принадлежитъ къ Егôрискяму уѣзду, но Ялмытью ни сцытаицыть.

Кроми крайнихъ диревень Ялмать имѣитъ внутринныя деревни: версты пылтары атъ Ахрѣмыва фъ права на заливи реки

Пры: Казыкина, ат Казыкина пылтары да Филисыва, и тамъ ды Ѣвлива адна верста. Па линіи Филелѣива находицутъ деревни: Цысыма (ана напротифъ Казыкина), Хлимакина, Пышлица, село Архангилъ, Варопина, Выскарёва, Высокыва, Гарѣла, Демина.

На линіи Казанскай (я считаю линіей ширину) окыла версты: деревня Лѣка, Валова, Ганина (Симонцева).

На линіи Стара-Церкасыва: Зимёнки, Кушовица (Якушевичи), Шеина и пазади фсѣхъ Перхурыва.

Фсѣ деревни дѣлицутъ на дви волысти: Арханнискю и Лѣкинскю и цатыря прихода: Никола-Ялмыскяй, Михала-Арханнискяй, Казаныскяй и Пятнискяй.

На долю Арханнискяй волысти приходицутъ деревни: Тюрвишъ, Ханина, Дроша, Ѣвлива, Иваныскя, Семёныскя, Филисыва, Казыкина, Ахрѣмыва, Филелѣива, Цысыма, Хлимакина, Пышлица, Драфѣива, Выскарёва, Высокыва, Варопина, Гарѣла, Демина, Маврина, Пронина, Сыцы и Югина.

На долю Лѣкниськяй (sic): Пагоща, Лѣка, Валова, Ганина, село Шейно, Кушовица, Шейно, Стара-Церкасыва, Нова-Церкасыва, Каренецъ, Перхурыва, Быцки (Шестемірово), Тѣльма, Фильниськя, Муравлёскя и Савниськя.

Изъ упыменутыхъ диревень Лѣкнискяй волысти первыя да Перхурыва принадлежатъ къ Казанскыму приходу и празнывутъ празники: лѣтню Казанску 8-го іюля, асенню 22-го октября, Скарбящу (Всѣхъ Скорбящихъ Радостѣ) 24-го октября, 3 светтитиля 30 января и Троицу.

Кроми этихъ празникафъ есть у насъ престолъ въ церкви Микалая угодника, но ево не празнывутъ, пытамуща въ Ялмыти празникъ тожа Микола, и если празнывать ево въ двухъ приходафъ, то гастей сафсѣмъ не будитъ, а бизъ гастей не празникъ.

Лѣтню Казанску у насъ фъ селѣ Шеини сбирайцыть ярмынка, таргофцы приежжяютъ атъ Спаса, ата Дмитря, атъ Храла, и приежжаютъ дажи изъ Егорискя, вывозютъ сваи тавары и мѣ-

стныя диревенскія лавышники и изъ села Архангила. Казанская ярмынка у насъ фъ слави, таргуютъ шипка, таварафъ навезутъ фсякихъ. И цавô тôлькя тутъ нѣту, какъ гаварятъ: «на Казанску лишъ атца съ матирью не купишъ». А я думаю: що изъ стôлькя нарôду можна падабрать и атца съ матирью. Нарôду пряма сила. Пакрай реки устраиваютъ времинныя чайны, аптягывутъ ихъ па вбитымъ въ землю кôльямъ парусинай, на въбитыя же кôлья кладутъ доски для сталôфъ. Хатя ихъ завутъ чайныя, но чай въ нихъ ни падаютъ, а падаютъ халôдная пифцо да винцо. Нидалёка атъ чайныхъ варютъ баранину и рыбу пріежія (sic) из за озира рыбаки, у нихъ можна капеякъ на 20 пакушать досыта, у нихъ есть и касушки. Здѣсь же нидалёка устраивутъ и карусѣль, но окла её стаять толькя ребяты и дѣфки. Ярмынка эта устроина какъ расъ ва время, патамуща нацынанцыть пакôсъ, каждаму нужна, каму вилы, каму косу, грабли, каму верефку, каму сапаги, да и хлѣпъ весь дашолъ. Къ таму жа времю и нарôтъ вернулси из зарабытку, а патаму и пакупка идётъ бисъ стесненья.

Трôицу и асенню Казанску и Три Светитиля, хатя и збирапцутъ таргаши, но тôлькя бôльши съ закусками: съ селётками, калбасôй, канфѣтами, баранками и ситнымъ. Ва всѣ эти празники, посли абѣдни, радныя и знакомыя (sic) изъ другихъ прихôдафъ заходютъ (sic) въ деревни, въ катôрыхъ празникъ, и астаюцутъ да вецыра, а то и да утра.

Селô Шеина асновына, какъ гаварятъ, баяринамъ Шеиномъ. Ано имѣитъ въ себѣ 2 церкви, каменнаю ва имя трехъ святителей Вселенскихъ и иконы Всѣхъ Скорбящихъ Радостѣ, пастрôина ана 1878 года, на мѣста диревяннай, катôрая сгарѣла,—и диревяннаю ва имя: Казанскай Б. Матери, Микалая угôдника и Св. Тройцы. Пастрôина ана 1703 гаду. Церкафь эта бальшая, адинъ канастасъ 36 ар. вышинôй; на ней жа диревянная калакôльна, бальшой колкалъ вѣситъ 280 пуд. Населеніе села Шейна састаитъ изъ аднавô причта. Причтъ землю не пашитъ, а здаётъ диревенскимъ крестьянамъ.

Астальныя деревни Лѣкнискяй волысти: Перхурава, Тельма (sic), Филинскея, Муравлёскя и Савнискя, прихôтъ къ Пятницы. У нихъ празникъ временная 28 октября, Успенья 15 августа и 10-тая пятница петрофками (sic). Ярманакъ нѣтъ. Нѣтъ такжа и никакôй таргôвли, и имъ приходицыть (sic) закупать фсё въ деревни Перхурова. Перхурова деревня 120 дамофъ (sic). Харошая (sic) лафка, казёнка, 3 чайныхъ, фсѣ съ виномъ. У Пятницы кладутъ теперь бальшую каминнаю церкафь. У нихъ мнôга церковнава лѣсу, лѣсъ сасновай (sic) викавой.

Валастнôя правленья нахôдицыть въ деревни Лѣки, при Правленьи Кредитная Таварищества. Памещенья, каторая занимаитъ правленья, былъ раньши барскай домъ, и ва время вôли былъ падарёнъ г. Огарёвымъ для валастнôва правленья. Лѣка, Ново-Церкасыва и Казыкина бывшіе кр. г. Огарева.

Шейно, Цысома, Ефремовская, Гарѣла графа Орлова-Давыдова. Филимакина Лобанъ-Ростовскаго. Перхурово, Тельма княгини Юсуповой. Волова, Кушовица, Драфеива, Филелѣива Нарышкина. Старо-Церкасова Герцыштейна.

Село (sic) Архангелъ в трёхъ верстахъ отъ Лѣки имѣитъ 2 диревянныхъ небольшихъ церкви, одну во имя Стрѣтенья 2-го февраля и Михаила Архангила, другую Екатерины мученицы, иконы Боголюбской и Іоанна Богослова. Въ день Михайла Архангила 8-го ноебря сабираицыть ярмынка, таргуютъ афцынами, рукавицами, теплыми сапагами, верёфками и краснымъ таварамъ, а такъжа пшеномъ, крупой (sic) и мясамъ. Но Стрѣтинья празнывутъ сильней, пытамуща Михалово день наротъ исъ плот(н)икафъ ища ни пришолъ, а бабы, извѣсна, вôтки ни вазмутъ, а безъ вôтки какой ушъ празникъ. Строицыть въ Архангели и новая каминная церкафь, но настрôйкя идётъ мѣдлина (sic) за неимѣньямъ денякъ. Въ Архангили есть пôчта, казёнка, валастнôя правленья и кредитная таварищиства, 2 трактира, 2 чайныхъ, съ десятыкъ каминыхъ лавакъ. Гаварятъ, здѣсь скора будя базаръ. Лафки таргуютъ бойкя, на деньги и без денякъ. Таргаши сваё дѣла знаютъ туга; стрѣцаютъ (sic) съ паклôнамъ,

называютъ па имю и па оцыству, прôсютъ ни тыргавацыть, «у насъ дискать бисъ запрôса», и пишутъ спотъ (Господину такому та). Нарôтъ хатя завётъ ихъ ахмурялы, а всётки у нихъ пакупаитъ.

Къ Арханнискяму прихôду принадлежатъ слѣдуюшія деревни: Пышлица, Филимакина, Цысыма, Варôпина, Выскарёва, Высокыва, Гарѣла, Маврина. Деревни: Прôнина, Угина, Семёныскя састаятъ прихажанами ка Хралу.

Селô Ялмать въ трёхъ верстахъ отъ Архангила, гварятъ, самая старая селô иза всѣхъ нашихъ сёлъ. Здѣсь, гварятъ, была 4 папа (а теперь 2), Арханнискява прихода (sic) не была ища. Въ Ялмати теперь 2 церкви, нôвая каминная и старая диревянная; оби аны ва имя адныхъ и тѣхжа светыхъ: Микалая угôдника, Илья прарôкъ, Ражествô Багарôдицы. Празнывутъ бôли фсевô Миколу зимню, патаму денякъ тада бôли и время слабôдни, а съ Миколы нацынаютъ и засватывать. Расположпна Ялмать на бальшôмъ острави, тамъ гдѣ река Пра разделяицыть на два рукава, адинъ текётъ въ права, мима диревень Ахрѣмыва, Казыкина, Филисыва и Ѣвлива, гдѣ ззади манастыря и сливаицыть съ рукавомъ Лѣвымъ, каторай ата Ахрѣмыва идётъ мима Касенина и агибаитъ Дрошина и Ханина и Тюрвишъ и такъжа падхôдитъ къ манастырю. Въ далину острафъ имѣитъ 6 версъ, а въ ширину окла 3 верстъ. Население Миколы Ялмати ни вилпкô: 2 свещенника, дь(я)канъ, 2 дечка и патôмки быфшихъ рôтствинникафъ духавенства. Есть такъжа 2 лафки милацныя. Прихажаны въ Ялмать: деревни Ахрѣмыва, Казыкина, Филисыва, Ѣвлива, Тюрвишъ, Иваныскя, Ханина, Дрошина, Филелѣива, Драфѣива. Общяя занятья житиляй Ялмати — эта ухадить на зарабатки въ плотники. Ухôдютъ въ Маскву и фъ степныя места. Уходютъ (sic) всѣ атъ 14-ти гадофъ да 60. Выежжаютъ изъ дама съ маслинай, къ Паски, хто рабôтытъ въ Масквѣ, то прихôтють (sic) дамôй, а посли Паски ухôдютъ апять и да Петрôва дня рабôтатъ. Петрôфъ день бальшая палавина прихôдютъ дамôй на пакôсъ и, пражифши да Успенья, ухôдютъ апять на зарабатки, тада ушъ живутъ да

загвинья и дажи да Ражества. А зиму живутъ дома, занимаицутъ привоскай сѣна съ лугофъ, ѣздютъ за дравами, худютъ (sic) за скатинай и справляютъ сваи пастройки.

А деревни, распаложиныя пакрай Пры, занимаицутъ кроми таво рыбнай ловляй. Занимаицутъ этимъ деревни: Каренецъ, Нова-Церкасыва, Стара-Церкасыва, Пагоща, Драфѣива, Филеѣива, Ахрѣмыва немнога, Казыкина не занимаицытъ (sic), такжа и Филисыва. Занимаицутъ еще: Евлива, Ханина, Дрошина.

Раньши па ловли первая мѣста занималъ Каренецъ, Нова- и Стара-Церкасыва, но теперь имъ запрещаютъ пергараживать реку, и атъ этыва рыбы у нихъ стала меньши. Ловютъ въ этихъ диревняфъ такъ: капаютъ канаву изъ балота или исъ той жа реки, беригамъ капаютъ такъ, щобы ана давала хатя нибальшую течь, и вотъ када атъ сильныхъ марозафъ здѣлыцыть лётъ толстай и вада прагоркнитъ, рыба станитъ сбиратцыть фъ канаву, гдѣ паймать её можна бисъ труда. Рыба водицыть въ нашай рекѣ: щука, язь, карась, окунь, платва, ершъ.

Деревня Драфѣива ловютъ такъ: къ вастоку, въ полверстѣ отъ реки Пры, ужъ фъ Касимыфскамъ уѣзди (но владѣнья Драфѣива) есть нибальшоя озира. И вотъ када въ рекѣ вада зимой испортицыть и лётъ здѣлыцыть тылщиной окла аршина, аны вырубаютъ ва льду ямы вершкофъ 12 глубиной, 3 аршина дылиной и 2 аршина шириной (дѣлытцыть эта окла берига реки); атъ ямы на такой-жа глубинѣ, какъ и ана самая, правадитцыть уская канафка, дылиной аршинъ 10 ва льду, а патомъ ушъ да земли и вады такой жа ширины аршинъ 30, а инагда и больши, сматря патаму, какофъ патхотъ изъ реки; главная нужна, щобъ была, какъ канцаицыть канафка, между земли и льду цетвирть. Такъ, теперь атъ ямы къ озиру праводицыть канафка фъ снегу глубиной вершкофъ 5, харашо утаптывыцыть и паливаицыть вадой, въ озири дѣлутъ пролуби, надъ ними ставютъ 3 кала, въ верху ихъ связывутъ, къ узкаму мѣсту привязывутъ кофшъ на верёфки (карыта пирерѣзыная папаламъ), размѣры всѣхъ кафшей далжны быть адинакывы. И вотъ, када эта найдутъ нужнымъ,

на знаку, фсѣ нацынаютъ лить воду на канафки, изъ озира въ реку и стараицутъ каждай влить больши, но за этимъ следитъ старыста, какъ выдитъ время па угавору (sic), фсѣ должны брасатѣ. Рыба, пацуявъ прибыль вады, патходитъ къ канафкамъ и па нимъ заходитъ въ ямы, аткуда её берутъ цырпаками, здѣлынными исъ сѣти. Бывали и теперь бываютъ зимы, када адинъ крестьянинъ лавливалъ на сотню руб. фъ зиму. Ва фсёй Ялмати женщины и дѣвушки па зимамъ, када нецыва дѣлать, вяжутъ сѣти. Матерьялъ (нитки) имъ даставляютъ мѣсныя таргофцы и атъ Спасъ-Клепикофъ. Но цѣны на работу такъ ниски, що если сидѣть ноцью, то ни абработышъ свѣтъ, и если работать фъ сутки 15 цасофъ, то заработышъ 7 капеякъ.

Плотнишнай зарабытыкъ фъ среднямъ бываитъ, если хадить на пакосъ, руб. 100, а не хадить, то окла 140 руб.

Хлебапашствамъ въ Ялмати хатя зынимаицутъ, но пасѣвафъ дѣлутъ мала, патамуща эта дѣла вазложина па женщинъ, а у женщины и окла дому дѣлофъ не мала, и если не заработышъ фъ плотникафъ, то жить будя нѣцымъ, на земельныя даходы надѣицыть нельзя.

Па лѣваю сторыну реки Пры житили принадлежатъ ушъ къ Касимыскяму уѣзду. Но какъ видна, аны свой уѣстъ ни далюбляютъ и при случаи на стыранѣ не процъ саврать, «що я дискать ни Талмыцкяй, а Ялмыцкяй», но езыкъ ево аблицаитъ и ему, хто знаитъ, гваритъ: «нѣтъ, ты не Ялмыскяй, а заваёвынай Мамай». Правды, аны эта не любютъ и теперь ва фсёмъ стараицутъ падражать и брать примѣры съ Ялмати.

Адинъ исъ сасѣднихъ с нами приходафъ (Палищинскяй) атлицаицыть бальшой цыстатой абрядафъ, такъ що Ялмати да нихъ далёка. Наротъ тамъ хатя уходитъ на зарабытки, но не фъ плотники, а фъ красильщики, красить разныя старыя платья, и зарабатывутъ аны многа, руб. па 400 въ лѣта. Въ Ражество фъ Палищафъ есть абыцай выхадить маладежи посли абѣдни къ церкви; сбираицутъ са фсево прихода, и здѣсь париnь, какому притстаитъ женицыть, выбираитъ себѣ невѣсту, узнаётъ, аткуда

ана и хто такая, а патôмъ, придя дамôй, пасылаитъ сватать. Свадьбы тожа бôльши бываютъ зимôй. И такъжа прибрежныя деревни па зимамъ лôвютъ рыбу. В разговôри упатребляютъ у͡о, какъ у насъ, вмѣста о. А гдѣ у насъ е, у нихъ бôльши и. Въ славахъ, гдѣ есть с въ средини, слышицыть щ вмѣста с. Я выгаваривыцыть мякчи, какъ йя, а не какъ йа.

Къ уго-запанай (sic) границы Ялмати примыкаитъ Стружанскай прихôтъ. Нацынаицыть онъ атъ манастыря и Храла. Центрамъ сваимъ спытаютъ селô Стружаны, уѣзда Егôрискива. Занятья тожа плотники. Прôзвищя Клевитки.

Ещё левея живутъ такъ называимыя Баляки. Житильства ихъ вакрукъ Спасъ Клипикôфъ. Среди Балякъ мнôга харôшихъ мастерофъ (sic): плотникафъ, сталерофъ (sic), кузнецôфъ. Но бальшая цасть тарханы, то исть таргôфцы, кулаки. Таргôвля у Спаса въ ихихъ рукафъ. Но самая крупная у Спаса нахôдицыть въ ру[к]афъ старабрятцафъ. Эсть миліанѣры, катôрыя фсѣ тавары выписывутъ паездами, а Баляки ушъ берутъ у нихъ и прадаютъ на базари крестьянамъ. Таргôвля у Спаса грамадная, а асôбина зимôй. Базаръ бываитъ фъ панидѣльникъ (sic). Каждай панидѣльникъ бываитъ и кôнная. Ѣздютъ на базаръ атъ насъ и ка Дмитрію, но мала; тамъ базаръ васкресенья.

У Дмитрія живётъ земскай нацальникъ, и бываитъ пріёмъ навабранцафъ. Раньши хадили фъ плотники на Дмитрій, но какъ правелась нôвая зелѣзная дарôга, ахотникафъ хадить на Дмитрій и на горатъ пешкомъ стала мала, и Дмитрій, какъ гварятъ, апустѣлъ.

Упаменутай дѣвицяй мынаст[ы]рь аснованъ лѣтъ 25 назатъ адной (sic) багатай вдавôй. Какъ гварятъ, ана была жена какôв та енарала. Звать ее была Марья Иваныевна; жила ана первая время у Спаса, занималась леценьямъ разныхъ недугафъ, а патомъ ей былъ сонъ, що есть такая мѣснасть, катôра называицыть Микулина Острафъ, окла деревни Евлива. Ана нашла хазяина Острава, выпрасила ево и пастрôила нибальшую диревяннаю церкву, стали сбиратцыть сёстры, и теперь ихъ 120. Теперь каминная бальшая церква и калакôльна.

Илья Мурымицъ и Сылавей разбойникъ.

Фъ горыди Мурыми, фъ селѣ Кырацарыви, у до̂брыхъ и блыгацестивыхъ радитиляфъ радился сынъ. Сынка по̂пъ акрестилъ и назвáлъ Ильёй. Спорна растё нашъ Илюша: прашолъ готъ, а ему подумышъ три, а хадить, не хо̂дя; прашло̂ ушъ три, а онъ фсё не думытъ; а ростамъ—скажишъ десить гадо̂фъ. Стали атецъ съ матирью фъ забо̂ту вдавацдыть.

«Дитя растё ро̂слая: пьётъ ѣстъ хырашо̂; ны рызгаво̂ри умница, а ходить не хо̂дя». Ушъ цаво̂ аны не дѣлыли: и Богу-ты малились, и къ кылдунамъ и знáхырямъ хадили, а онъ фсё не хо̂дя. Пашолъ Илюши тритцатай готъ; а но̂жиньки фсё па старыму.

Дѣла была лѣтамъ. Радитили Илюши ушли ны пако̂съ, а ево̂ аставили дома аднаво̂. Вдрукъ видитъ Илья: идутъ къ ихъ дому стрáнники. Адинъ изъ нихъ гваритъ ему: «здаро̂ва до̂брай мыладéцъ, нѣтъ-ли у тебя, мыладéцъ, вадицы папить».

«Вада-та и есть», гваритъ Илья, «толькя паить-та васъ мнѣ нельзя, ноги-та у меня не хо̂дютъ».

«А ты папробвай, мо̂жа пайдёшъ», гваритъ странникъ.

«Ушъ тритцать лѣтъ пробвыю, ды ницаво̂ ни выхо̂дя; идити в ызбу и пейти, вада есть, ды и мнѣ кстати дадити». Странники зашли и первымъ долгамъ дали крушку Ильѣ. Илья попилъ и пацуилъ, що у нево̂ ноги стали крѣпнуть, онъ ихъ прытенулъ, а пато̂мъ и фсталъ, взялъ ведро̂ и пашолъ за свѣжэй вадо̂й. Када онъ принёсъ, странникъ ему гваритъ: «ну, пей, Илья, ны другую ногу». Илья выпилъ и пацуилъ фъ себѣ нипамѣрныю силу. «Теперь, Илья», гваритъ странникъ, «зафтря фставай ны зарѣ и иди къ лѣсу, тамъ увидишъ дупъ, а у таво (sic) дуба каня и всѣ быгатырски[1]) дасиѣхи, эта фсё тваё. Када ты фсё эта палуцышъ, то пыежжяй фъ Кѣяфъ, къ князю Владиміру». И странники скрылись. Радитили Ильи глазамъ сваимъ ни павѣрили, увидя, що ихъ сынъ сталъ хадить. Илья рысказалъ имъ, какъ были у нево̂ странники

---

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

и що аны велѣли ему ѣхать фъ горатъ Кѣяфъ, къ князю Владиміру.

Какъ не жаль была имъ Илюшу, ды дѣлать нѣцыва, пришлôсь атпустить. Утрамъ на другой день Илья фсталъ, умылси, Богу[1]) пымалилси и пашолъ на то мѣста, куда велѣлъ странникъ. Пришолъ Илья къ дубу, видитъ: стаитъ кôнь такой, какихъ онъ сроду ни видалъ: изъ гласъ искры сыпицутъ, а изъ роту пламя пышитъ. Илья сѣлъ ны невô и паѣхалъ, заѣхалъ онъ прастиццыть съ атцомъ съ матирью и атправилси въ дальнюю путь дарôжинькю. Ѣдитъ Илья путёмъ дарôгыю и видитъ: лежитъ каминь, а атъ камня пашли двѣ дорôги, и на камни была натпись: «па лѣвай паѣдишь, фъ Кѣяфъ приѣдишъ, а па правай, жифъ не будишъ, правыя ближи, а лѣвая дальши».

И думытъ Илья: «цаму быть, таму ни минавать, а фсётки паѣду па правай». И паѣхалъ онъ пряма па правай. И слышитъ Илья, кôнь евô зыхрапѣлъ; а патôмъ пасыпылись листья съ дерёфъ; и раздáлси такой свистъ, що кôнь Ильи припалъ ны калѣни. «Кто эта свищитъ такъ», думытъ Илья. Гледитъ, а пряма протифъ евô сидитъ ны дубу мужикъ и свищитъ. Илья крицытъ ему: «стыдна старику свистать и этимъ варôнъ пужать, атъ этыва нада малыхъ ребятъ унимать». А тôтъ зысвисталъ ещё пущи. Тутъ Илья фзялъ лукъ и пустилъ въ невô стрелу, и угадила стрела ему фъ правай гласъ. И упалъ тутъ мужикъ з дуба, какъ съ адонья снôпъ. Привезалъ евô Илья къ сваму седлу и спрасилъ: «хто ты есть такой, що свистамъ сваимъ пыбиваишъ фсѣхъ». И атвѣцалъ ему тôтъ мужикъ: «я Сылавей разбôйникъ, сижу я на этамъ дубу тритцать лѣтъ; и ни прапущалъ я ни кôнныва, ни пѣшыва; са свисту мавô фсѣ пымирали; и я кармилъ ими сваихъ детей. А ты меня ни убивай пака, а дай мнѣ прастицыть съ сваимъ семействамъ, домъ мôй атцуда ни далёка». А самъ думалъ: «если онъ заѣдитъ ка мнѣ, то я мигну сваимъ, щобы свиснули, ды я пытсаблю, и онъ будя гатôфъ». Ѣдитъ Илья, а дѣти Сылавья бегутъ ему на стрѣцу и крицатъ: «тятькя ѣдитъ! му-

---

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

жика везётъ!» А старшэя доцъ гваритъ: «нѣтъ, эта мужикъ тятькю везётъ». И тутъ аны фсѣ зысвистали такъ, що у Ильи и то стали уши больна. Асерцалъ Илья и ударилъ Сылавья ладôнью по лбу, и Сылавей присмирѣлъ.

И пывернулъ Илья каня свавô и паѣхалъ па бальшôй дарôги. Ѣдитъ Илья свaей дарôгаю. И вôтъ приѣхалъ онъ въ адно (sic) селô и видитъ: на рѣцки съ крутыми бирегами паринь паитъ лышедей, напаилъ адну, вывилъ нá бирикъ, взялъ ны плецо другую и панёсъ внисъ къ рѣцки. Удивилси Илья. «Мыладецъ», гваритъ онъ парню, «разя лошать сама не мôжа сайтить внисъ?» «Ды ана либа упадё и ногу сламая, батюшка будя ругать меня». «А хто твôй батюшка», гваритъ Илья. «Мôй батюшка пôпъ этыва села». «А какъ тебя звать?», гваритъ Илья. «Меня завутъ Алёша Папôвицъ». «А меня Илья Мурамицъ, а везу я Сылавья разбôйника и везу евô я ф Кѣяфъ, къ князю Владимiрю». Тутъ Алёша сталъ прасицыть у Ильи, щобы онъ евô взялъ съ сабой (sic). «А пуститъ ли тебя атецъ твôй?», гваритъ Илья. «Какъ нибуть упрôсимъ». Атецъ Алёшу держать не сталъ, а дажи атслужилъ малебинъ, и далъ Алёши самыю харôшыю лошэть, и прывадилъ ихъ.

И вôтъ аны приѣхали фъ Кѣяфъ. Былъ празникъ. У князя Владимiря были гости, были фсѣ ви́тизи и быгатыри [1]). Приѣхали къ варôтамъ и наши мылатцы; самъ князь ихъ стрѣтилъ и павёлъ фъ гôрницу и пысадилъ ихъ за стôлъ и спрашивалъ: «аткуда и куда путь держити?» Илья и гваритъ: «ѣду я изъ горыда Мурыма и ѣхалъ я фъ Кѣяфъ дарôгаю прямаѣжжiю, а завутъ меня Илья Мурамицъ, а таварища маво Алёша Папôвицъ, а приѣхали мы къ тебѣ службу пыслужить». «А не врёшъ ли ты, дôбрай моладицъ?», гваритъ Дабрыня Ники́тыцъ, «та дарôга прямаѣжжяя зыперта ушъ ровна 30 лѣтъ, а заперта ана Сылавьёмъ разбôйникамъ, а Сылавей тотъ свистамъ сваимъ пабиваитъ кôнныва и пѣшива». И гваритъ тутъ Илья Мурамицъ: «ни хвали́тцыть

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

я хатѣлъ, а хатѣлъ правду гыварить, а вы мнѣ фсѣ ни павѣрили, а Сылавья разбôйника я съ сабôй привёсъ, выхадити на двôръ, я пакажу вамъ евô». Всѣ вышли. И гваритъ тутъ Илья Мурамицъ: «а ну ка, Сылавей, свисни, толькя фъ полсвиста». И Сылавей засвисталъ, що была моцы: у фсѣхъ витизяфъ изъ ушей крофь пытекла, а Владимірь князь пряма обмиръ и када ацнулси, то сказалъ: «убери евô, Илья, куда хôцышъ». И ударилъ тутъ Илья Сылавья кулакомъ па главѣ и убилъ евô до смирти.

И фсѣ витизи Ильѣ кланились и назвали евô старшимъ братамъ. А Владимірь князь сажалъ евô за стôлъ рядамъ съ сабôй. А съ Алёшай Илья были братьями — и адинъ бизъ другôва никуда ни хадилъ и не ѣздилъ.

— Это у насъ сказкой не считается, а считается былью. Но я думаю такъ: здѣсь сказано — у добрыхъ и благочестивыхъ родителей родился сынъ, его окрестили и назвали Ильей, потомъ Илья 30 лѣтъ росъ, не ходилъ, потомъ Илья окрѣпъ и пріѣхалъ въ Кіевъ. А какъ извѣстно, Владиміръ, принимая крещеніе, былъ уже не молодымъ, что показываетъ имѣніе имъ 12-ти сыновей. Эще я думаю: врятъ ли могъ существовать въ то время самый Муромъ, а тѣмъ болѣе проникнуть туда христіанству въ такое короткое время. Но такой, или какой другой, но необыкновенный Илья Муромецъ быть долженъ, потому что много об немъ говорятъ. У насъ даже говорятъ: что существуетъ въ настоящее время тотъ дубъ, на которомъ жилъ Соловей разбойникъ.

(Со словъ старухи).

Жилъ былъ купецъ, у невô не была детей, какъ ни прасилъ онъ Бога, но ихъ фсё не была, а ему ушъ была гадôфъ многа. Вôтъ адинъ расъ ѣхалъ онъ съ ярмынки. День былъ жаркай. Случылôсь ему ѣхать мима реки и здумалъ купецъ папить; пасуды у невô никакôй не была. Какъ тутъ быть? — «Да-ка я, — думытъ купецъ, — па карôвьи». Снялъ онъ шапку и припалъ къ вадѣ и пьётъ, вдрукъ цуствытъ купецъ, що кто-та евô за бораду дер-

житъ, и держитъ крѣпка. Маро̂съ ево падралъ па ко̂жи. «Беда,— думытъ купецъ,— Бохъ наказалъ меня зы грехи: абмѣривалъ, абъвѣшивалъ»... Вдрукъ онъ слышитъ изъ вады голасъ: «будя, купецъ, грехи сцытать, ихъ ни сацтёшъ, грехо̂фъ многа, а ты луцыть (sic) давай гварить абъ дѣли, ты таргôвицъ и парятки знаишъ, що дарамъ не пьютъ и не едятъ и, знацытъ, за выду ты мнѣ долженъ зыплатить, пытаму ана здѣсь мая, денякъ мнѣ не нада, пытаму у меня сваихъ мно̂га». «Цаво̂-жа тебѣ?», гваритъ купецъ. «Я с тебя мно̂га не про̂сю», гваритъ голасъ изъ вады, «аддай мнѣ то, цаво̂ ты не знаишъ дома». «Що жъ», думытъ купецъ, «я фсё дома знаю, а если не знаю, то какiя нибудь пустеки»,— дажи абрадывылси, що так дёшива атдѣлыцыть атъ выденова (sic). «Бери», гваритъ купецъ.

И во̂тъ, пуствытъ купецъ, що у нево бырада растё такъ, що можна стала сѣсть на бирегу, и видитъ, лѣзитъ из вады бумага, и слышитъ онъ голасъ: «расписывайси». Купецъ рыслисался. И бырада, какая вырысла, атпала. «Ну,— думытъ купецъ,— слава Богу, атдѣлылси». Сѣлъ онъ на лошать и паѣхалъ дамо̂й. Приежжяитъ, фхо̂дитъ в ызбу и видитъ, висятъ 2 зыпки, и сразу обмиръ. Забылъ купецъ, када патписывалъ бумагу цорту, теперь-та онъ спо̂мнилъ, що у нево̂ была жена брюхата. Када онъ ацнулси, то первымъ долгамъ спрасилъ жену, какъ звать детей. «Иванъ ды Марья». Пыкрестилси купецъ и заплакалъ. Дѣти стали ро̂сть ни па днямъ, а пы цасамъ. Купецъ, гледя на нихъ, цаста плакалъ. Зналъ купецъ, що скора ему придеццыть с ними растаццыть. Двенаццыть лѣтъ аны были ушъ бальшими, а на трипатцытамъ имъ, па усло̂вью, нужна была атправляццт къ выдено̂му.

Сталъ купецъ ѣздить пы мыныстырямъ, да па знахырямъ, въ мынастыряфъ служилъ малебны, а знахыри ему давали разныя каренья и травы. Во̂тъ въ адинъ прекрасный день захо̂дитъ къ нимъ странникъ и асталси у нихъ ны нацлѣкъ. Видя ихъ нивёсилыми, онъ спрасилъ прицыну. Купецъ ушъ давно̂ ни скрывалъ сваё горя; панятна, и ему рысказалъ. «Да, горя тваё бальшо̂я»,

гваритъ странникъ, — «но Бохъ миластифъ». Странникъ у нихъ асталси жить.

Но вôтъ въ адинъ день онъ гваритъ купцу: «зафтря имъ нужна атправляцыть; аны пайдутъ къ маму брату». На утра ихъ сабрали въ дарôгу: атецъ далъ Ивану денякъ, мать напекла лепёшакъ. Странникъ працыталъ какую та малитву и спрыснулъ ихъ какôй-та житкастью и далъ и имъ клубокъ и сказалъ: «када раздѣлытись съ лѣшимъ, то бросьте этотъ клубокъ, и онъ пакажитъ вамъ, куда итить». Сѣли аны фъ телѣгу, и атецъ павёсъ ихъ на то мѣста, гдѣ евô цортъ держалъ за барыду. Ни даѣхали аны ища съ вёрсту, а цортъ вылисъ изъ вады и арётъ: «не нада! ни вази, а фсёткп тебѣ ихъ ни видать весь вѣкъ, и я вамъ атамщу... будити меня пôмнить, какъ абманывать цорта». Здѣсь купецъ рыспрастилси з детями и паѣхалъ назатъ; а Иванъ бросилъ клубокъ и пашолъ за нимъ. Лѣшай фсю дарôгу имъ дѣлалъ пакысти: то вдрукъ явицыть река, то загарицыть лѣсъ; но клубокъ фсё адалевалъ: на рекафъ евлялись масты, а па агню дѣлылась прахладная дарôшка. Долга ли аны шли, но вôтъ клубокъ привёлъ ихъ къ агрôмнаму дварцу, у варôтъ катôрыва были привязыны львы. Увидя клубокъ, львы спрятались фъ сваи кынуры, и Иванъ съ сестрôй вашли въ домъ. Домъ былъ багатай; Иванъ дажи испужалси, увидя такôя багатства. В аднôмъ зали ихъ стрѣтилъ седой старикъ; клубокъ прыгнулъ ему въ руки; па этому Иванъ узналъ, що аны пришли, куда слѣдывытъ. Иванъ пыкланилси ему и сказалъ: «Дѣдушка, насъ паслалъ къ тебѣ твôй братъ, пымаги». «Никакôва брата у меня нѣту, я тôтъ самый странникъ, катôрый жилъ у васъ. Узнафъ а вашамъ гори, я пришолъ къ вамъ. Теперь васъ, пака я жифъ, нехто не тронитъ, ды и ты мнѣ ища будишъ нужинъ, но пака нидѣлькю аддахни». И зажилъ Иванъ съ Машай у дôбрыва стырика.

Адинъ расъ старикъ гваритъ Ивану: «ну, Ваня, теперь я хацу тебя прасить саслужить мнѣ службу: у меня есть три сына, ни живыя и не мёртвыя; тебѣ придёцыть ихъ пыкрапить; ани лежатъ ацуда ни далёка фъ грабафъ, день аны мёртвыя, а кыкъ

наступитъ двѣнаццытай цасъ ноцы, аны дѣлыцутъ живыми; но граба ихъ акованы толстыми желѣзными абруцами, фстать имъ нельзя: вôтъ это-та и приносîтъ имъ бальшую муку».

Дѣти старика были быгытыри [γ, не г]; аны были акалдованы аднымъ валшебникамъ: а пыкаранить ихъ можна была лишъ такъ: ва время прабуженья атрубить голаву, и тада тѣла будитъ придавацыть землѣ, но пака ни нахадилась ни аднавô целавѣка, катôрай бы взелси́ за эта дѣла.

«Ладна», гваритъ Иванъ. Фъ тôтъ жа вецаръ старикъ спрыснулъ Ивана какôй-та житкастью и гваритъ: «ну, какъ, Ваня, цуствышъ силу». «Дажи не знаю, куда дѣть сваю силу», гваритъ Иванъ. Старикъ надѣлъ на невô быгатырски даспѣхи и далъ ему мецъ клыденецъ и гваритъ: «сперва ты пайдёшъ къ маму старшыму сыну, а даведётъ тебя клубокъ; будутъ на дарôги какія страсти, ты не бôйси, вреда тебѣ не будитъ». Ныступила ноцъ. Иванъ прастилси съ сестрôй и стырикомъ и атправилси. Клубокъ ему асвещалъ дарôгу. Па дарôги имъ мнôга была разныхъ приклюценьяфъ: то лѣсъ зыгариццыть, то тысицы змей и разныхъ зверей протягывали к нему сваи пасти, щобы укусить, но Иванъ шолъ и шолъ... Вôтъ видитъ онъ, стаитъ агрôмнай гропъ. Клубокъ астынавилси. Пришли аны немнôга рана, пришлôсь абаждать. Но вôтъ паслышалси стонъ изъ гроба и голасъ, катôрай гварилъ: «Иванъ, фъ галавафъ гроба стаитъ пузырёкъ, в нёмъ мая сила, выпѣй евô, а то ты ни атрубишъ мнѣ голыву и ни падымишъ маё аружья». Иванъ выпилъ и пацуялъ фъ себѣ нипамѣрнаю силу. «Теперь бери мôй мецъ и руби обруцы». Иванъ такъ и здѣлалъ. Када онъ пиррубилъ обруцы и свалилъ крышку съ гроба, то изъ гроба фсталъ виликанъ ростамъ фъ двоя вышы Ивана и гваритъ: «ну, Ваня, спасиба тебѣ что ты меня придаёшъ землѣ, жить мнѣ нельзя, я наказанъ за крофь невинныхъ, теперь ни забуть и маихъ братьяфъ. В награду ты палуцышъ нашу силу. Фтарой мôй братъ аццуда ни далёка, онъ имѣитъ силу фъдвоя протифъ меня, а третяй фъдвоя протифъ фтарôва: знацытъ, ты будишъ самымъ главнымъ быгатырёмъ [γ не г] фъ свѣти. А теперь бери мôй

мецъ и руби мнѣ голыву». Иванъ зымахнулси мецомъ и атрубилъ ему голыву, палажилъ фъ гропъ, и гропъ сталъ апущацыть фъ землю. Иванъ працыталъ малитву и пашолъ дамо̂й. Старикъ ево̂ стрѣтилъ на крыльцѣ, абня̂лъ и долга плакалъ... Такъ жа онъ пыкранилъ и астальныхъ сынавей стырика.

Три года жилъ ещё старикъ и помиръ. Весь домъ атказалъ онъ Ивану. Зажилъ Иванъ с сестро̂й въ дваёмъ. Но цортъ узналъ, що старикъ помиръ, и сталъ следить за Иваномъ: онъ пыдыскалъ праклятыва быгатыря [γ, не г], далъ ему силу агро̂мнаю и красату ниаписынныю. Адинъ расъ Иванъ атправилси на ахо̂ту; а сестра ево̂ вышла пыгулять. Фдрукъ видитъ къ ней идётъ красивай мыладецъ. Ана сперва испужалась и хатѣла бежать, и хатѣлась ей ево̂ харашенькя пыгледѣть, и ана останавилась, какъ фкопыная. «Душицка, ты що бежишъ, я тебѣ вреда не здѣлаю. И если ты меня палюбишъ, то будишъ маей жено̂й: я сынъ Индѣйскыва кыраля». Ана астанавилась. Онъ пыдашолъ к ней и пыцылавалъ её; ана не пративилась. Тутъ онъ ей сказалъ: «съ братамъ тваимъ я видицыть пака ни хацу, а ты меня гдѣ нибуть скырани».

Но дальши бо̂льши, онъ внушилъ ей, що братъ её за нево̂ ни атдастъ, пытамуща далёка, а пытихонькю уѣхать нельзя: братъ дагонитъ. Тада аны решили ево̂ убить. На утра сестра притварилась бально̂й. Када Иванъ фсталъ, видитъ, сестра ни выхо̂дитъ, зыбиспако̂илси... Онъ паслалъ служанку узнать, — пыцему сестра долга ни фстаётъ. Но служанка ему сказала: «ана бальна и завётъ тебя къ себѣ». «Братицъ, я скора пamру, но я видила сонъ: если бы мнѣ папить мылака львицы, я бы, мо̂жить, паправилась». Иванъ фзялъ ружьё и чашку для мылака и атправилси. Львицу онъ скора нашолъ и хатѣлъ её убить, но ана зыгаварила: «Иванъ, не бей меня, я знаю, цаво̂ тебѣ нужна, иди и до̂й меня, а кроми таво̂ я дамъ тебѣ въ услуженья маво̂ старшива сына». Аткуда ни вазмись, претсталъ предъ нимъ красивай, мыладой лефъ, виляя хвастомъ... Иванъ пыгладилъ ево̂ па гриви и сказалъ: «ну теперь пайдёмъ са мно̂й». Сестра и не думыла,

що онъ такъ скора вернётцыть, а Иванъ, пыдавая ей мылакô, сказалъ: «пей, сестрица, пыправляйси». Но ана евô и ни папробвала, а зыстанала еще пущи.

На утра ана запрасила медвѣжьива. Медвѣдицу Иванъ пашолъ, ныдаилъ мылака, и ана дала ему мидвежонка.

И такъ Иванъ приабрёлъ себѣ льва, медвѣдя, волка и лисицу. Тутъ дѣманъ увидалъ, що Иванъ ему сталъ апаснѣй— са сваей ахôтай, и рѣшили аны съ сестрôй Ивана ахôту евô куда нибуть зыпереть, а на невô напасть пряма...

Када Иванъ выратилси съ прагулки, сестра ему гваритъ: «Ваня, я видила ва снѣ дѣдушку и онъ мнѣ гыварилъ,—що я бы направилась, если бы съѣла лепёшку изъ муки закалдовынай.... мельницы, а стаитъ ана атсуда ни далёка». Иванъ фзялъ сваю ахоту и пашолъ. Прихôдитъ онъ къ мельницы и замѣтилъ, що крукъ её не была ни адпôй трафки. «Вѣрна»,—думытъ Иванъ,— здѣсь церти плесать сыбиранцутъ». Но онъ былъ не трусъ: талкаитъ дверь нагôй и фхôдитъ въ мельницу, (за нимъ зашла и евô ахôта), набралъ онъ муки и вышалъ. Но лишь онъ вышалъ, какъ дверь за нимъ заперлась. Какъ онъ не билси, не муцылси атварить её, но ана ни пыддавалась. Заплакалъ Иванъ: жаль ему была сваей ахôты, да дѣлать нецыва, и пашолъ онъ дамôй. Лишъ тôлькя Иванъ зашолъ фъ домъ, какъ праклятай быгатырь набросилси на невô и разамъ атрубилъ ему голыву и пытащилъ евô фъ баню, щобы тамъ абмыть евô и съѣсть; тамъ онъ налилъ вады фъ катёлъ и зытапилъ пецъ, а самъ ушолъ фъ домъ.

Ахôта Ивана, увидя, що ана зыперта, звазилась и приуныла. Лисица гваритъ: «зря не бѣгайти, дверь намъ ни сламать, а давайти пыдрывать патъ стѣну». Сказына—здѣлына. Стѣну падрыли. Лисица взела с сабой муки и пабежали; крофь зверей привела къ бани. Завыли, зырыдали аны, увидя свавô хазяина мёртвымъ, жаль имъ была евô. Лисица гваритъ: «ни забôттись»; а сама стала пысыпать мукôй шею и голыву Ивана. Шея сраслась и немнôга пыгадя Иванъ фсталъ. Вôтъ идётъ дѣманъ фъ

баню ѣсть Ивана. А медвѣть фсталъ фъ прибанники съ дубинкай. Лишъ дѣманъ пыказалъ голыву, какъ Мишка евô тяпнулъ дубиной, и тутъ аны бросились на невô и зыдушили, фтащили евô фъ баню, а баню зажгли.

Сестра видитъ, що долга нейдётъ её вазлюблинай, вышла пыгледѣть, но увидя Ивана живымъ и гарящую баню, хатѣла бежать, но звѣри её удержали; ана упала на калѣни и стала прасить у брата пращенья (а сама пытихонькю взела клыкъ свавô вазлюблиныва и пылажила фъ карманъ). Иванъ убивать её не сталъ, а паставилъ катку фъ доми и велѣлъ ей надъ ней малицыть и сказалъ: «тада я тебя, сестра, пращу, када ты наплацышь слёсъ полнаю катку, а я атъ тебя ухажу, куда глаза гледятъ».

И фъ тôтъ жа день Иванъ аставилъ домъ стырика. Долга ѣхалъ Иванъ сы сваей ахôтай. И вôтъ пришолъ онъ въ адинъ горатъ; въ горади этамъ фсё была угрюма и мрацна, какъ на паминкафъ. Иванъ астынавилси у аднôй старухи нацавать...

«Що у васъ баушка, какъ невесила фъ горыди-та?» «Ды какъ жа радимай виселицыть-та: зафтря царь будитъ атправлять сваю доцъ на съеденья трёхъглаваму змею; у насъ у фсѣхъ ушъ пиреѣлъ змé-ятъ, у каво сына, у каво доцъ, теперь оцырить дашла ды царя, а доцъ та у невô адна». «А рана, баушка, её пывезутъ-та». «Ды на расвѣти». «Тада, баушка, меня рызбуди, я пыглежу, а мôжа, ища пымагу».

На расвѣти Иванъ праснулси и слышитъ, играитъ музыка; онъ адѣлси и вышалъ и видитъ: фъ зылатôй карѣти сидитъ неаписанной крысаты дѣвушка, глаза у ней наплаканы. Ивану стала жаль её, и онъ решилъ её спасть.

Тутъ жа аседлалъ онъ каня и паѣхалъ къ морю. И видитъ онъ на бирегу моря бесѣтку, а в ней ушъ сидитъ царская доцъ, адна адинёшинькя. Иванъ надъѣхалъ къ ней, пыкланилси и сказалъ: «здарôва, красавица, ужель у васъ ва фсёмъ царстви нѣтъ такова (sic) целавѣка, какой бы зыщитилъ тебя». Ана и гваритъ: «дôбрый витись, атецъ мôй пысылалъ вôйска протифъ этыва

змея, но онъ ево̂ фсё нажралъ, и я савѣтыву тебѣ атсуда ны дабру ны здаро̂ву убиратцыть, а то фсё равно̂ онъ съѣстъ насъ абѣихъ». И видютъ аны, моря звылнавалась, и изъ нево̂ вышалъ трёхъглавай змей. «Вотъ (sic) тыкъ царь»! зааралъ онъ, — двухъ прислалъ». «Падависси», гваритъ Иванъ. «А ты щожа разя силёнъ и хоцышь са мной сразиццть», гваритъ змей, «давай пажалуй». А Иванъ, ни гваря ни слова, налетѣлъ на нево̂ и срубилъ ему фсѣ три гылавы сразу. Атъ змея пашолъ страшнай смратъ. Но Иванъ на то ни взиралъ, а фзялъ ево̂ голывы и пылажилъ пыдъ агро̂мнай каминь и тутъ жа заснулъ атъ угару.

Слуцыло̂сь фсё эта видить выдаво̂зу; онъ падъѣхалъ къ Ивану и думая, що онъ мёртвай, задумалъ харо̂шая для себя дѣла: онъ пыдашолъ къ царевьни и сказалъ: «витись умиръ, а ты гвари, що спасъ тебя я и въ этамъ мнѣ пыкленись, а если ты этыва не здѣлышъ, то я тебя убью», и зымахнулси на неё цырпакомъ. Ана испужалась и сагласилась.

Выдаво̂съ пысадилъ её на боцку и навёсъ её ва дварецъ.

Жива весь горатъ аблетѣла малва — що выдаво̂съ убилъ змея и спасъ царскую доцъ. Зызванили фъ кылкала, стали служить малебны, а выдаво̂зу дикана́ правазглашали мно̂гая лѣта. Но не до́лга была радасть. Въ абѣтъ царю подали письмо̂ съ шестью пецатями; фъ писмѣ была написына, щобы завтря, рана утрамъ, царь прислалъ къ морю доцъ сваю и таво̂ целавѣка, като̂рай убилъ ево̂ брата.

Выдаво̂съ сильна испужалси и дажи хатѣлъ бежать, но адумалси. На другой день, рана утрамъ, царевна и выдаво̂съ паѣхали къ морю. Лишъ толькя царевна сашла съ паво̂ски, какъ онъ ударилъ па лошыди и ускакалъ въ лѣсъ, тамъ онъ влѣсъ на высо̂каю берёзу и сталъ ждать, що будя. А Иванъ спалъ да вецыра посли бо̂ю са змеямъ, а када онъ узналъ пра письмо (sic) змея, то решилъ итить апять на бо̂й, ды и царевна ему пылюбилась. За ужнамъ старуха ево̂ спрасила: «гдѣ ты бы̂лъ, Ваня?» «Ды спалъ, баушка, у моря». «А тутъ выдаво̂съ убилъ змея, и царь хатѣлъ аддать за нево̂ доцъ, ты не знаишъ»? «Нѣтъ, баушка, я

не знаю». «А вить змея-тъ, знать, братъ, щоль, тавô-та, прислалъ писмô и велитъ ѣхать царевни и выдавозу (sic) зафтря къ морю». Иванъ ей ницавô ни сказалъ и пашолъ спать, ей велѣлъ рызбудить евô параньши.

Када онъ приѣхалъ къ морю, царевна была ушъ тамъ; онъ пыкланилси ей и сказалъ: «гдѣ жа твôй спаситиль?» А апа сказала: «вонъ на берёзи», а сама упала къ нему на руки. Глять, моря скылыхалась, и изъ невô вышалъ шестиглавай змей. «Эта ты убилъ мавô брата!» зааралъ, такъ що лѣсъ зытрещалъ. Иванъ пыскакалъ на невô и с первыва удару срубилъ ему пять галôфъ; а змей евô сшипъ съ капя. Иванъ скора паправилси и атрубилъ ему паслѣднюю голыву. Голавы онъ сабралъ и пылажилъ ихъ патъ тôтъ жа каминь, а самъ апять заснулъ.

Выдавôсъ, увидя, що змей убитъ, выѣхалъ изъ лѣсу, падъѣхалъ къ царевни и гваритъ: «ты сматри, пôмни клятву и гвари, що спасъ я тебя». Ана сказала: «ладна». Въ этатъ день звону была еще бôльше, и фсѣ тôлькя и гварили а подвигафъ выдавôза. Но къ вецыру апять царю письмô, ушъ съ двенатцытью пецатями. Царь гваритъ выдавôзу: «ну, какъ, дырагой мôй, адалѣишъ или нѣтъ, змея-та». «Бохъ дастъ, мôжа, справимси», а самъ думытъ: «лѣшы меня свезали съ этимъ дѣламъ, що какъ этатъ быгатырь-та [γ, не г] помпръ, тада прапала мая гылава».

Но фсё таки утрамъ онъ паѣхалъ, какъ и вцэра, такъ жа привёсъ царевну фъ бесѣтку, а самъ уѣхалъ апять въ лѣсъ. Но вôтъ приѣжжяитъ Иванъ, а за нимъ бежитъ евô ахôта. Выхôдитъ змей а двенатцыти гылавахъ и пряма напалъ на Ивана, но Иванъ съ аднавô змаху срубилъ ему семь галôфъ и тутъ жа на невô напала ахôта, и скора апы умертвили змея. Паклалъ Иванъ голавы патъ каминь, а самъ заснулъ, заснула съ нимъ и евô ахôта. Здѣсь царевна надѣла ему на палицъ свой перьстинь.

Када онъ приѣхалъ дамôй, то старуха ему сказала: «выдавôсъ убилъ ещё змея, и зафтря будитъ у нихъ съ царевнай свадьба, а севôдни вецырамъ у царя будя пиръ, на катôрай царевна завётъ фсѣхъ; небôсь и ты пайдёшъ, Ваня?»

Пришолъ ы нашъ Иванъ; царевна евô узнала и фсё время ни свадила съ невô гласъ и фсё абдумывала, какъ бы ей пра фсё сказать, не нарушыфъ клятвы. Патôмъ ана гваритъ: «гыспада[1]), мôжа, каму ахôта пыгледѣть змеины голывы, то пайдёмти, мой (sic) женихъ вамъ ихъ пакажитъ». Всѣ фстали и пашли. Када аны пришли къ морю, царь спрасилъ выдавôза: «гдѣ аны?» «Я ихъ палажилъ падъ этатъ каминь», гваритъ выдавôсъ. Каминь былъ агрôмнай, ево и тысица цэлавѣкъ ни пыварôтють. «Ну, атваливай», гваритъ царевна, «вить ты клалъ та». Какъ не билси онъ, каминь не тронулси ни на воласъ. Тада фсѣ поняли, що здѣсь дѣла неладна. Вдрукъ исъ талпы выхôдитъ архирѣй и гваритъ: «доцъ мая, я думаю, що спасалъ тебя не этатъ, и если ты ему пыклелась, то вѣрна пыдъ угрôзай, а я гварю: фсякая клятва, данная протифъ сваей вôли, у Бога правильнай не сцытаицыть — рызрешаю тваю клятву, гвари правду». И царевна стала искать Ивана. «Вôтъ хто меня спасалъ». Иванъ пыдашолъ къ камню, талкнулъ евô нагôй, и голывы стали на виду. Царь абнялъ евô, а архирѣй благаславилъ; а выдавôза вмѣсти съ гылавами бросили въ моря. Свадьбу пришлось атлажить, пытамуща Иванъ паслалъ зы сваей сестрôй. Скора сестра приѣхыла. И фъ тôтъ жа день назнацыли свадьбу. Сестра фъ церкву ни паѣхыла, а прыбралась фъ спальну и пылажила пытъ падушку Ивану клыкъ дѣмына. Долга вецыра гуляли гости...

Но вôтъ мыладыя легли спать: фъ самую полнацъ клыкъ дѣмына фпилси́ фъ затылакъ Ивана, и Иванъ помиръ. Долга па нёмъ фсѣ плакали; но пришлô время кыранить, стали съ нимъ пращатцыть; нарôтъ прастилси, и пыдашла евô ахôта. Лисица велѣла медвѣдю пывернуть евô лицомъ внисъ; онъ такъ и здѣлалъ. «Лижи ему затылыкъ», гваритъ лисица. Лишь тôлькя медвѣть лизнулъ два раза, какъ клыкъ вылитилъ и убилъ евô на павалъ, а Иванъ фсталъ. Медвѣдя пришлôсь атлизывать льву, а льва волку, а волка лисицы.

---

1) Отмѣчено, что г въ этомъ словѣ произносится близко къ х.

Пригарюнилась лисица, да не на дылга, ана и лизать не стала, а принесла сковрыду, пагрѣла её и приставила къ гылавѣ волка. Зупъ выльтилъ и фпилсй фъ сковрыду. А волкъ фсталъ. Иванъ пыблагдарилъ [1]) лисицу...

А сестру онъ не прастилъ; её вмѣстѣ съ скыврадой (sic) пысадили въ мешокъ и бросили въ моря.

На пиру я былъ, пиво пилъ, по усамъ текло (sic), а въ ротъ ни папало.

Хороводы.

Въ нашей мѣстности пока еще самымъ любимымъ изъ увеселеній почитаются хороводы.

И я думаю, что это сохранится на долгіе годы. Почему? Потому, что въ хороводѣ можно взять за руку любимую дѣвушку, или по крайней мѣрѣ ту, которая нравится, и вывѣсти ее на средину круга, ходить съ ней, а по окончаніи пѣсни поцѣловать.

Изъ пѣсенъ, которыя у насъ употреблялись въ хороводахъ раньше, — да они употребляются и сейчасъ, новыхъ не сочинили, — я и собираюсь записать некоторыя. Названіе пѣсни у насъ бываетъ по началамъ. Пишу пѣсни на нашемъ нарѣчіи.

Травынькя.

Травынькя, муравынькя,
Зелёнинькяй лужокъ.
Мнѣ па этай травыньки
    Не хаживати,
На сваю ли рызлюбезнаю
    Не глядывати.
Знать мая ли рызлюбезная
Ва гôринки сидитъ.
Скрôсь акпа ана хрустальныва
На молыцца гледитъ.

---

1) Отмѣчено, что г въ этомъ словѣ произносится близко къ х.

(Пытихонькю молыццу
Рѣцы гыварить)

Слѣдовало бы вмѣсто помѣщеннаго въ скобкахъ:

Но вôтъ мая любезная
Мнѣ рѣцы гаваритъ.

(Но такъ ужъ принято):

Душицка малôццыкъ,
Детинка, паринь мыладой,
Що жа ты не хôдишъ
На улицу са мнôй.
У меня ли мыладôй
Свёкарь батюшка благой,
Онъ благой, благой, неласкывай такой
Ни пущая мыладу
Гулять вецырамъ адну.
А я тôлькя мылада выраватая была.
А я прялыцку взела,
Ва сидѣлацки пашла.
Патôмъ прялыцку пыдъ лавыцку,
Єама гулять пашла.
Гуляла мыладá ды траихъ я питухôфъ.
Питухи адны прапѣяли,
Я не думыла дамôй.
Другія прыкрицали,
Я на разумъ ни взела.
А какъ третія запѣли,
Заря бѣла занелась,
И я млада сыбралась.
Пытъхажу я кы двару,
Дивирь хôдя по двыру.
«Дивирь, а ты дивирёкъ,
Дивирь, мужу маму братъ,
Сведи меня къ мужу спать.

Если бить онъ меня станитъ,
А ты меня атыми.
Цылавать онъ меня станитъ,
А ты про̂цъ атайди.

Паринь вывидинную имъ въ кыраво̂тъ дѣвушку цылуитъ, и ана идётъ на сваё мѣста.— Еще пѣсня:

2. *Туманъ фъ поли.*

Туманъ фъ поли при далини,
Широ̂кай листъ ны малини.
Листъ пашири ны дубоцки.
Тамъ варгуютъ гылубоцки.
Изъ ракитыва кустоцку
Манилъ мо́ладицъ дѣво́цку (sic),
Ни сваю манилъ, цужую.
—Пайдёмъ, радасть, пыцалую.
Сталъ мало̂ццыкъ цылавать,
Стала дѣвица рыдать.
Её моладицъ уймая,
Платкомъ слёзы утирая.
«Не плацъ, дѣ́фка, не плацъ, красна,
Самъ я холастъ, ни женатай;
Када я буду жиниццыть,
Прашу пако̂рна на свадьбу.
На маей будя на свадьби
Многа пива ныварёна».
—Мнѣ не дива тваё пива,
Дивёшиньки тваи рѣцы.
Твая матушка зладѣйкя.
Сестра твая лихадѣйкя
Рызлуцаитъ насъ съ табо̂ю,
Ровна рыбицу съ вадо̂ю.
Щука рыба живё въ мори,

А я дѣвица па вôли.
Щука рыба акунаццы,
А я дѣфка цылаваццы».

И паринь дѣфку цалуитъ.

3. За нашай деревняй.

За нашай деревняй, за бальшôй весёлай,
Тамъ хôдя-гуляя удалой малôццыкъ.
Онъ хôдя-гуляя, ва скрыпку играя,
Ва скрыпку играя, дѣвакъ зыбавляя,
Адну красну дѣвицу къ себѣ вызывая.
«Выди, выди, дѣвица, ка мнѣ за варôты,
Ка мнѣ за варôты са мнôй пыбарôццы».
Дѣфка выхадила, рѣцы гыварила:
«Ни хвалися мóладицъ, а ты самъ сабôю,
А ты самъ сабôю, силаю сваей бальшôю».
Дѣфка низдарôва парня пыбарôла,
При цеснôмъ нарôди призвела въ бесцестья.
Пухôваю шляпушку ана далôй збила,
У казлôвыхъ сапôжакъ кылбуки атбила.
И пашолъ тутъ мóладицъ, зылился, заплакалъ:
«Матушка радима, на горя радúла».
Мать евô радная съ тéрема схадила,
Съ терема схадила, дѣвицу бранила:
«Дѣвица бестыдница, какъ тебѣ не стыдна,
Какъ тебѣ не стыдна, глазамъ ни пазôрна?
Такôва ты мóлыцца, парня пабарôла,
При фсёмъ кыравôди призвела въ безцестья».
Дѣфка выхадила, рѣцы гыварила:
«А я красна дѣвица фсё я магу здѣлать,
Пухôваю шляпушку спыдыму, надѣну,
Кылбуцкú къ сапôшкамъ тожа я придѣлу».
За правыю руцку парня спыдымала,

И за фсѣ безцестья семь рась цылавала.
«Полна тебѣ, мать да мати, дѣвицу ругати,
Пара тебѣ, мати, пара пымирати».

На этомъ пѣсня кончается, только въ этой пѣсни парень беретъ въ кругъ двухъ дѣвокъ, одна изъ нихъ должна изображать мать, которой достанется по жребію.

Мать, посли окончанія пѣсни, уходитъ обиженная, потому что сынъ за всѣ ея старанія о немъ посовѣтывалъ умереть. А та другая целуитъ его семь разъ.

4. Ни па садику.

Ни па садику па зелёнаму
Тута шли прашли двоя мо́лыцца,
Двоя молыцца оба холысты,
Оба холасты, не женатыя,
Ни женатыя, щиглеватыя.
Аны шли прашли, стынавилися...
Прымежду себя пыбранилися:
Изъ аднôй та души краснай дѣвицы,
Изъ варôтъ та варôтъ, варôтъ нôваихъ
Выхадила къ нимъ красна дѣвица,
Выхадила къ нимъ, гыварила имъ:
«Ужъ вы, мо́лаццы, оба холасты,
Оба холасты, ни женатыя,
Вы не ссôрьтися, ни бранитися,
Вы па совисти рызайитися...
Нати мѣрацку, вы памѣртися,
Ды каму шъ изъ васъ я дастануся».

Дѣфка даётъ имъ платокъ, и они перебираютъ по немъ пальцами. Чей палецъ будетъ на верху, тотъ и остается съ ней, а проигравшій беретъ себѣ другую.

Дыставалася парню браваму,
Парню браваму, билаку́дряму.

Вôтъ брала тутъ дѣфка евô за руку,
Пывела евô вы зелёнай сатъ.
Фъ саду дѣвица вѣдры ставила,
Вѣдры ставила, съ милымъ баила:
«Що шъ ты, мóладицъ, ты не жениссн?»
«Што ічъ ты, дѣвица, ты зáмушъ нейдёшъ?»
«А мнѣ дѣвицы парня не была».
«А мнѣ молаццу дѣфки не была».
Тутъ аны фъ саду стынавилися,
А кыкъ врось пашли, рыспрастилися.

5. *Азарница жена.*

Я манёшинякъ мальцышка
Мапинькяй радился,
Я па глупысти сваей
Женицдыть спрасился.
Вôтъ-та взялъ-та я себѣ привёлъ
Жену мыладую, её рысхарôшу.
Рысхарôшая мая женёнка
Звала къ аццу ф гости,
А ка батюшки ф гости,
Къ матушки въ бесѣду.

(Здѣсь парень выводитъ въ кругъ дѣвушку).

Случылôся, а имъ давелôся
Ѣхать мима рôщи,
Мима рôщи, мима саду,
Край бѣлай берёзи.
Привезала жена мужа
Ка бѣлай берёзи.

Здѣсь дѣвушка обвязываетъ парню шею платкомъ.

Прикрутила ана, привезала,
Сама зыгуляла.

На девятай ана на денёцыкъ
Къ нему прихадила;
Ни дайдёмши ды сваво̂ мило̂ва,
Ана гыварила:
«Харашо̂-ли ты, мо̂й милай,
Ва лѣси пируишъ?»
«Рысхаро̂шая женёнка,
Атвяшъ ытъ берёзи;
Мнѣ въ лесоцки ни да пиру,
Цуть едва да жы́ву;
Мнѣ сало̂вушки гало̂вушку
Наскрось прабили».
«Атвежу тебя мой милай,
То̂лькя съ угаво̂рамъ:
Если будишъ ты, мой милай,
Пущщать къ ацпу фъ гости».
«Рысхаро̂шая мая женёнка,
Ступай хо̂ть на вося».
«Да на вося, а мнѣ ни гадица,
Пришло̂сь выратицца,
Мнѣ пришло̂ся, пришлось (sic) выратицца,
Съ милинькимъ прастицца».

6. Изу лѣсику.

Изу лѣсику, лѣсу тёмныва,
Из за садику, саду зелёныва
Есёнъ со̂калъ, а онъ вылетая,
Лебёдушку себѣ вызывая.
«Лебёдушка, а ты выть за мно̂ю».
«Я бы вышла, у мня шубы нѣту,
Шубы нѣту шолкывай штовнай,
Душагрѣяцки нѣту парцовай,
Фъ касѣ лѣнтацки нѣту шалко̂вай».

(Здѣсь парень выводитъ дѣвушку).

«Лебёдушка, а я тебя лю́блю,
Я те лю́блю тебѣ шубу ку́плю,
Шубу ку́плю шолкыву штовну,
Душагрѣяцку ку́плю парцову,
Фъ косу лѣнтацку ку́плю шалкôву,
Шылкавую, семь расъ пыщалую.

7. *Чѣмъ угодить женѣ.*

Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладôй женѣ тавару зыкупати.
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку,
Са́му са́му, а я придикôвинаю шупку.
Я приѣду къ женѣ, пыкланюся:
«Ты здарôва ли, жена мыладая?
Принимай-кя, жена; маю пакупку:
Са́му са́му придикôвинну шупку.
Принимай-кя жена, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися».

(Парень старается взять въ кругъ намѣченную имъ дѣвушку, но она нейдетъ).

«Пыгледити, нарôтъ, дôбрыя люди,
Какъ жена-та меня, мо́льщпа, не любя,
Душа серца маё нинавидя.
Ана къ людямъ идё лицкамъ,
Ка мнѣ плецкамъ.
Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладôй женѣ тавару зыкупати.
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку,
Саму саму придикôвиннай платоцыкъ,
Я приѣду къ женѣ, пыкланюся:
«Ты здарôва ли, жена мыладая,
Принимай-кя, жена, маю пакупку,
Самай самай придикôвиннай платоцыкъ

Принимай-кя, жена, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися».

(Парень опять подходитъ къ дѣвушкѣ, но опять отказъ, и онъ поётъ):

Пыгледити, нарôтъ, дôбрыя люди,
Какъ жена та меня молыцца не любя,
Душа серца маё нинавидя.
Ана къ людямъ идё лицкамъ,
Ка мнѣ плецкамъ».
Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладôй женѣ тавару зыкупати,
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку:
Са́му, са́му придикôвиннаю плётку.
Я приѣду къ женѣ, пыклапюся:
Ты здарôва-ль, жена мыладая,
Принимай-кя-ся ты маю пакупку,
Саму, саму придикôвиннаю плётку;
Принимай-кя-ся ты, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися.
Пыглєдите, нарôтъ, дôбрыя люди,
Какъ жена-та меня молыцца палюбя,
Душа серца маё, пыцалуя».

8. Зять гуляка.

Эй, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру себѣ тестюшку.

(Выбираетъ парня или мужчину)

Ты будь-жа мнѣ фсё тестюшка,

(Предъ выбраннымъ пляшетъ)

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй-да, гуляй, мыладецъ,

Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру тёщу матушку.

(Выбираетъ по возможности женщину).

Ты буть жа мнѣ тёща матушка,

(Предъ ней пляшетъ):

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй-да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру шурёныцка.

(Выбираетъ мальчика лѣтъ 14):

Ты буть-жа мнѣ шурёнацыкъ,

(Пляшетъ)

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру сваяцыню.

(Выбираетъ по лѣтамъ шурина):

Ты буть-жа мнѣ сваяцыня,
А я тебѣ всё зять буду.
Эй да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру невѣстушку.
«Ты буть-жа мнѣ невѣстушка,
А я тебѣ есёнъ сакôлъ».

(Обращаясь къ тестю):

Ты тестюшка, мôй батюшка,
Прасти меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,

Не я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Кланяется и идетъ къ тёщи):

Ты тёщушка, мая матушка,
Прасти меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,
Не — я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Шурину и свояченицы):

Шурёнацыкъ съ сваяцыняй,
Прастити меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,
Не я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ).

(Къ невѣсти):

Невѣстушка, лебёдушка,
Прасти меня въ маей винѣ
Пыбуянилъ я вецоръ, пьянинькяи,
Знать, съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Кланяется)

Ты тестюшка, мой батюшка,
Пыцалуйти меня съ тещай матушкай.

(Всѣ трое, зять, тесть и теща цалуются).

Шурёнацыкъ малôдинькяй,
Пыцалуйти меня вы съ сваяцыняй.

(Также целуются):

Невѣстушка, лебёдушка,
Пыцелуй меня, расхарôшая.

У насъ существуетъ преданіе, что будто въ нашей мѣстности, а именно тамъ, гдѣ вытекаетъ рѣка Пра изъ Свята Озера, была некогда переправа огромнаго войска. Одни говорятъ, — что здѣсь переправлялся Іоаннъ Грозный, когда шолъ на Казань, а другіе — что татары изъ Владиміра на Рязань. Еще говорятъ, — что здѣсь упущены въ рѣкѣ золотые вороты, одни говорятъ, — отъ Владиміра, а другіе — отъ Казани. Но та или другая, а одна все таки быть должна переправа. Это объяснить можно остатками множества плотовъ, которые сейчасъ уже покрыты торфомъ вершковъ на 10. Но гдѣ приходится копать землю, тамъ часто встрѣчаются дерева и дерева одной мѣры и съ обрубленными концами. Теперь на этомъ мѣстѣ косятъ сѣно. Но луга носятъ названіе плотовыхъ.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ старикъ.

Я спросилъ его: «дѣдушка, что это край канавы изъ земли выглядываютъ брёвна и брёвна сосновыя, а вѣдь кругомъ ростетъ лѣсъ только берёзовый? Развѣ здѣсь когда былъ сосновый лѣсъ?» А онъ мнѣ отвѣтилъ: «вотъ мнѣ 80 лѣтъ, а мнѣ еще сказывалъ мой дѣдушка, что здѣсь никогда не было сосноваго лѣсу, а эти брёвна — остатки плотовъ, на которыхъ переправлялся съ войскомъ Иванъ Грозный, когда шолъ на Казань; здѣсь, говорятъ, ихъ было видимо не видимо, и гоняло ихъ по озеру туда и сюда, пока въ полую воду не выбросило на луга, и здѣсь они заросли травой». — «А почему ихъ дѣдушка не разобрали и не увезли крестьяне?» сказалъ я. А онъ и говоритъ: «да тогда лѣсу то и поближе было много. Здѣсь, говорятъ, былъ еще мостъ. А въ озерѣ, говорятъ, упустилъ во время бури Иванъ Грозный золотые вороты отъ города Казани».

Это всё говорилъ мнѣ старикъ, а ему тоже старикъ, и такъ навѣрное передавалось изъ рода въ родъ.

А когда я былъ еще маленькимъ, моя бабушка учила меня пѣсню, содержаніе которой я хорошо запомнилъ: правда, послѣ я не слышалъ, чтобы её кто пѣлъ, но я всё таки её помню. Вотъ она, отъ слова до слова:

Ни атъ вѣтру пыль на дарôги падымалася,
Ни атъ грома грохатъ слышилси,
А то ѣхали славны витизи,
Славны витизи Маскофскія.
Стынавились аны сиреди села,
Гыварили аны тыкавы слава:
«А вы братцы хрестьяны прываславныя!
Вы берити-ка тапôрики вôстрыя,
И идити-ка вы къ Святу Озиру,
Вы рубити леса тамъ дремуцыя,
Вы валити ихъ фъ Свята Озира,
Фъ Свята Озира, ва быстру реку,
И вежити ихъ вицью ивывай».
Взгыварилъ тутъ нашъ весь цэсной нарôтъ:
«Славны витизи вы Маскофскія,
А на щô вамъ эти плôтики,
Крамя плôтикафъ ещё мостики?»
И аны тутъ атвецали имъ:
«Намъ не нужна вашихъ плôтикафъ,
А нужны аны царю батюшки,
А на щô ему, пра то знаитъ онъ.
Иванъ Васильицъ царь нашъ батюшка,
Задумалъ онъ думу крѣпкаю,
Думу крѣпкаю, ниатмѣннаю:
Пыбедить, паланить землю татарскэю,
Фсё татарскэю, басурманскаю».

Говорила она мнѣ и еще одну, про набѣги Касимовскихъ татаръ. Насъ вѣть съ ними раздѣляла одна лишь рѣка Пра.

Мнôга бѣтъ-та мы патерпѣлися,
Мнôга горя мы навидалися:
Атъ Касимыскихъ злыхъ татаринафъ,
Злыхъ татаринафъ, басурманинафъ,
А слёсъ рѣцынки у насъ вытикли,

Горямъ серца-груть сафсѣмъ выпикли,
Ноцы тёмныя ни смыкали гласъ,
Дажидали смерть са часу́ на цасъ.
А у озира кыраульнай былъ,
Щобъ гледѣлъ бы онъ, какъ татаринъ плылъ.
Лишъ увидитъ онъ иху лодыцку,
Закрицытъ тутъ онъ ва фсю глотыцку.
«Вы хрестьяны прываславныя
Забирайти хто цавô мôжа взять,
Въ леса тёмныя нужна вамъ бежать».
Избы жгли аны и хлѣбъ на́ пэли;
Скôтъ вели къ себѣ, мы лишъ плакэли.
Цресь нидѣлю мы выраца́лися,
Залôй паля наши пакрывалися.

Я думаю, что это всё принадлежитъ нашей мѣстности, а не заносное.

И. Гришкинъ.

20 февраля 1913 года
Лѣка.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ. по порученію Императорской Академіи Наукъ.

Записанныя нами старинныя пѣсни и духовные стихи были скопированы со словъ мѣстныхъ старожиловъ (крестьянъ и крестьянокъ). Не вдаваясь въ біографическія подробности по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, представимъ вкратцѣ, такъ сказать, ихъ общую біографію. Сказчики и сказчицы пѣсенъ — это люди старозавѣтнаго типа, для которыхъ — совѣсть, обычай, религія — самое главное въ жизни. Занимаются они въ большинствѣ случаевъ земледѣліемъ, сельскимъ хозяйствомъ и отчасти — извозомъ въ сосѣдній городъ Задонскъ.

Домъ, хозяйство, земля — вотъ кругъ ихъ жизни, а территорія даннаго села, мѣстная среда и домашняя обстановка — вотъ сфера ихъ понятій и впечатлѣній.

Содержаніе пѣсенъ — большей частью пережитки дѣйствительныхъ событій далекой старины, какъ это особенно явствуетъ изъ пѣсенъ «Ванька-ключникъ», «Платовъ казакъ»; или же — въ нихъ отражаются разнообразныя стороны крестьянскаго быта, преимущественно семейнаго.

Старинныя народныя пѣсни, по общему признанію многихъ собирателей ихъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ ихъ творцами и хранителями съ каждымъ годомъ, и натолкнуться гдѣ-либо на пѣніе старинной пѣсни — это, безъ преувеличенія, — рѣдкость и счастье для собирателя и любителя народной самобытной пѣсни.

9 *

Молодое поколѣніе или позабыло про эти, слышанныя имъ въ дѣтствѣ, пѣсни или же, увлекаясь своими излюбленными и модными частушками, пренебрежительно относится къ нимъ.

Поэтому, старинныя пѣсни можно слышать только изъ устъ пожилыхъ людей, способныхъ иногда въ минуты веселья подъ свѣтлымъ стихомъ повѣдать въ своихъ пѣсняхъ о пережитыхъ минувшихъ дняхъ.

Мотивъ старинныхъ пѣсенъ во всѣхъ случаяхъ протяжно-грустный, настраивающій душу на какой-то умилительный, умиротворяющій тонъ; и только иногда въ нихъ попеременно чередуются «то разгулье удалое, то сердечная тоска»...

При транскрипціи пѣсенъ я старался частью примѣняться къ пріемамъ и особенностямъ общепринятаго здѣсь говора, частью — къ манерѣ и пріемамъ самихъ сказчиковъ и сказчицъ, стремясь при записи пѣсенъ передать съ возможной точностью всѣ оттѣнки и типическія черты мѣстнаго говора.

Старинныя пѣсни.

(Протяжно-грустныя).

№ 1.

Ой да при пóли, при дали́нки
Стаи́л кýст кали́нки.
Как на э̓там кýстику
Пта́шка ды сидiéла.
Ой да гýрькiю я́гатку
Кали́нку ана клева́ла.
Эх да кали́нку клева́ла,
На закýску мали́нкай закýсывала.
Ой да прилета́ли к салýбвыюшки
Ды два́ сóкала,
Зва́ли — бра́ли ани́ салýбвыюшку
У гóсти с сабýой.

Пасади́ли салу̌бвыюшку
Ва ну́баваю кліе́ть,
Заставля́ли салу̌бвыюшку
Зво́нка піе́сни ціе́ть
Ой ды васпу̌ой, васпу̌ой салу̌бвыюшка
Ды васпу̌ой маладо́й,
Как за ріе́чкей за бы́страй
Ды слабу̌отка стаи́ть.
Ва э́тай ва слабу̌отки
Удўбвушка живёть,
А у э́тай у удўбвушки
До́чкя хараша́:
Лицо́м біе́ла, чернобро́ва,
Ру́сая каса́...
За э́таю ды до́чкю
Ды сва́тался купе́ц.

(с. Мали́нки, Задонскаго у.).

№ 2.

Ї́ехали казаки́ са слу́жбы даму̌ой,
На плеча́хъ пагу̌оны, хрясты́ на груди́х.
Ади́н из каза́кав наі́езник лихо́й,
Кати́ть па дару̌ожки, роди́тель идёть
«Здару̌ова папа́ша»! — «Здару̌ова, сыно́к»!
«Раскажи́, сыно́чик пра службу сваю́»!
—«Слу́жба, сла́ва Бо́гу, атслужи́л царю́.
«Раскажи́, папа́ша, пра на́шу сямью́»!
—«Семья́, сла́ва Бо́гу, прибавилася:
«Твая́ жана́ малада́я сы́на радила́,
«Паражо́мши [1]) сы́на сама́ чуть жива́»...
Сы́н атцу́ ни сло́ва, сади́лся на каня́,
На каня́ гнядўова, ї́ехал да двора́.
Пад'яжжа́я к до́му — стаи́ть ма́ть, жана́

1) Т. е. породивши.

Мать стаи́ть с усмї́ешкай, жана́ са слязьми́.
Ма́ть ту́т сы́на прўо́ся: прасти́ сын, жану́.
«Тебе́, мать, прашша́ю, а жану́, никада́»...
Закипї́ела ево́ се́рца, — салда́цкая кро́вь,
Заблиста́ла ша́шка ва пра́вай рукї́е,
Сылетала́ галўо́вка с нявї́ернай жапї́е.

(с. Карачу́нъ, Задонскаю у.).

№ 3.

(Старинная обрядово-величальная пѣсня, записан. въ *с. Кали́нино*).

(Проводы невѣсты къ вѣнцу).

Верея́ ты, мая вере́юшка,
Верея́ ты мая́ тачёная.
Вере́юшка аблами́лася,
Варўо́тушки раствари́лися.
Повтор. { Усї́е баяря на двуо̆р съї́ехались,
Усї́е баяря на двуо̆р съї́ехались.
А, старшии́ на крыльцўо́ ўзашли́.
Аннушка испужа́лася,
Повтор. { Ива́новна старани́лася,
Ива́новна старани́лася,
За дї́евушак схарани́лася,
Схарани́тя мене́, дї́евушки,
Зберяги́тя мене́, кра́снаи.
Вўо́т прiї́ехал пабяди́тельнай,
Вўо́т прiї́ехал сакруши́тельнай.
Да не я-ж тебе пабяди́л,
Да не я-ж тебе́ сакруши́л.
Пабяди́л тебе́ ба́тюшка,
Сакруши́ла тебе́ ма́тушка.

№ 4.

Старинная, — величально-обрядовая.

(Проводы невѣсты къ женеху).

Как уда́рили два марўо́за на дварї́е

Припѣвъ: Ах лей, лялі́, лялі́, лялі́, лялі́.
(по другой варіаціи:
«Без мару́озу, без люту́ова
Се́рца вы́знабило,
Без дружка́, без милу́ова
Се́рца вы́балие́ла и т. д.).
Два мару́оза, два люты́я, тре́тей сніе́г.
Прип.: Ах лей и т. д.
Четвё́ртая ды халу́бдная зи́мушка.
Прип.: Ах лей и т. д.
Зиму́ой сосё́нушка была́ зелена́.
Прип.: Ах лей и т. д.
Как у пя́тницу свіе́т ́Аннушка была весела́,
Прип.: Ах лей и т. д.
У суббу́оту галу́бвушку гла́дила,
Прип.: Ах лей и т. д.
У васкрё́се́нья к венча́ньицу пла́кала,
Прип.: Ах лей и т. д.
На сваёво́-ли ба́тюшку была жа́лабна.
Прип.: Ах лей и т. д.
Атпуска́ишь, му́ой батюшка, от себе.
Прип.: Ах лей и т. д.
Астава́итца зелё́н са́дик без мене́.
Прип.: Ах лей и т. д.
Как ва э́там ды ва са́дику три твета́,
Пе́рвай алай, лазу́ривай, галубо́й.
Прип.: Ах лей и т. д.
Устӑва́й, устава́й, му́ой ба́тюшка, пара́ньша,
Палива́й а́лы твяты́ пача́шша.
Прип.: Ах лей и т. д.

(с. Калинино).

№ 5.

Я пасіе́ю гру́сть — таску́
Па зелё́наму лужку́.

Ты расти́, мая́ кручи́на
Вырата́й го́ря — печа́ль!
Ты не со́хни, ты не блёкни,
Тветко́м а́лым раствета́й.
Я ж бягу́-ли у тїе́ местóчки,
Игдїе́ ласка́л мене́ мило́й.
Я тапчу́ травы́ — твето́чки,
Спяшу́ ми́лава найти́ть.
Как к неща́стью маяму́
Я панра́вилась ему́.
Я жела́ла быть бы пта́шкай,
Я б могла́ к няму́ слета́ть,
Я усю́ пра всю́ разузна́ла-б,
Как та́м стра́шна ваева́ть,
Как му́ой ду́шичкя страда́я,
Завсегда́ гари́т ў вагнїе́.
Он хранцу́за не бая́лси,
Усегда́ ду́мал аба мнїе́,
Аба мнїе́-ли, аба мнїе́-ли
Аб нещáснай спратїе́.

(*с. Тростяно́е*).

№ 6.

Ва́нькя клю́шник, зло́й разлу́шник,
Разлу́чил кня́зя с жанўо́й.
Такїи бы́ли разбўо́йники
Хатїе́ли Ва́нькю сё пайма́ть.
Паруча́лась [1]) ня́нькя с Ва́нькяй,
Ня́нькя кня́зю данесла́.
Кня́зь дазна́лси, заруга́лси,
Вялїе́л Ва́нькю сё приве́сть
Вўо́т вяду́ть, вяду́ть, Ваню́шу,
Вяду́ть к кня́зю на глаза́.

1) Т. е. сговорилась.—М. б., поругалась? *Ред.*

А у Ва́нюшки ат стра́ху
Падняли́ся валаса́.
Привяли́ к кня́зю Ваню́шу.
Он стал спра́шивать ево́:
«Ты скажи́, скажи́, Ваню́ша,
«Кўолькя лı̆ет с княги́ней жил?».
Атвеча́л Ваню́ша смı̆ела,
Рı̆еч таку́я он павёл:
«Тўолькя зна́я, князь, паду́шка
«Ишшо́ мя́гкая пасте́ль».
Приказа́л князь тут Ваню́шу
Атве́зть ў тёмнаю тюрьму́.
Малада́я ево́ княги́ня
Жисть сканча́ла на нажу́ [1]).

(с. Тростяно́е).

№ 7.

Ве́чер, пўо́зна...

Шел па у́лицы малўо́динькей купе́ц.
Он девчёнки усı̆е́ раска́зы расказа́л,
Учера́ маладе́ц девчо́нку абальсти́л,
С пра́вай ру́чинки кале́чкя палучи́л.
Палучёмши [2]) ста́л пад шшўо́чки цалава́ть,
Па жала́нью хатı̆е́л за́-муж ее узя́ть.
Пабешша́лси он да гро́бнасти [3]) любить.
Измяни́л сло́ва... Измı̆е́нник-распадле́ц!
Эта дı̆е́ла ско́ра вы́шла наконе́ц...
Пайду́ с го́ря на пара́тнаю крыльцўо́,
Аддам пе́рстень, палучу́ сваю́ кальцўо́...
Закричу́ я усı̆е́м лакı̆е́ям кучера́м:
«Вы лакı̆е́и, вы зладı̆е́и — кучера́!

---

1) (т. е. покончила жизнь самоубійствомъ).
2) Т. е. получивши.
3) Т. е. до гроба.

«Вы падáйтя трýбйкю вараньíх канéй,
«А я сяду, я ву калáски пракачýсь,
«Вазьмý вёдры, самá пад валнý скачусь»... [1]).

(с. Ѝвово, Задонскаго у.).

№ 8.

Ох, канарїéйкя ты, мая душа,
Ох, прїютѝ-ка ты с гóря менé.
Ох, забы́л, забы́л мѝлай пра менé.
Ох, не вóвси я забы́л пра тебé
Ся́дькя, ся́дькя, мил, на вїéтачкю,
Растваря́й златýя клїéтачкю,
Выпушшáйтя сваёвó канарькя́.

(с. Калинино).

№ 9. (Пѣснь рабочихъ деревенскихъ).

Ты хазя́юшка нáша мáтушка!
Пакланѝсь свамý хазя́ину,
Угастѝ нас хлїéбам-сóлїю.
Нáши нýбжки примарѝлися,
Бїéлы рýчки примахáлися
Чёрны óчи примаргáлися...

(с. Калинино).

№ 10.

Мене кстѝли [2]) ва трактѝри, — кабакїé,
Акупáли у винагрáднаму винїé.
Атéц хрéстнай—цалавáльник маладóй
Мáмка хрéстна — винакýрава жанá.
Сабралáся ўся́ нягýбдная сямья́.

(с. Ивово).

№ 11.

Как аднá былá утїéха.
Мѝлай плáкать не вялїéл.

---

1) Т. е. брошусь подъ волны...
2) Т. е. крестили.

Гуля́ла я ў садо́чкю,
Гуля́ла я у зеляну́ом.
Иска́ла тїе́ следо́чки,
Йгдїе́ ми́л гуля́л са мну́ой.
Следо́чкяв не наше́дши,
Сади́лась пад кусто́к,
Сади́лась пад кусто́чик
На мя́хкую траву́.
А там сидїе́ли двїе́ галу́пки
На вї́етки зеляну́ой.
Адна́ из них пархну́ла
Ка мнї́е на бїе́лу грудь.
А я-млада́ ўздахну́ла
Па ми́лам па сваю́'ом.

(с. Тростяное).

№ 12.

(Другая варіація,—см. Величальн. пѣсни).

У ба́тюшки с ма́тушкай я адна́ до́чкя была́,
До́чкя нїе́жная, набало́ванная.
Я бяз ча́ю, без вина́ ни ади́н ча́сик не была́.
Я бяз ры́бицы не ся́ду, без кала́чика ня съї́ем,
Без· милу́ова спать не ля́жу, без надёжи не усну́.
Идя ми́линькей пазне́нькя, и́дя, го́лас подаёть,
А я млада́ дагада́лась, сама́ у клїе́тачкю пашла́.

(с. Тростяное).

№ 13.

На гу́орки, на гарїе́, там стро́ился кабаче́к.
Не пра дїе́вак, не пра ба́б,—пра уда́лых пра ребя́т.
Как ва ту́ом кабачкїе́ удалы́и вину́о пью́ть,
Удалы́и вину́о пью́ть, бага́таи диву́ють...
Не дивуйси, багачу́, усїе́ де́нежки заплачу́,
Разменя́ю граша́ два́, наменя́ю серебра́
Цалку́овиньких палтара́.

(с. Тростяное).

№ 14.

Пушшу́ пта́шку—канарі̆е́йкю
Ва зелёнай са́д гуля́ть.
Ся́ть на я́бланку кудря́ву
И на ві̆е́тку зеляну́,
Спўо́й ты пі̆есинку нўо́вую
Пра дере́вню — слабаду́.
Как ва на́шай ва дере́вни,—
Ва весёлай слабаді̆е́
Лі̆е́т семна́дцати мальчо́нка
Хади́л хо́ласт,— не жана́т.
Во́т заду́мал он жани́тца,
Пазвале́нья ста́л праси́ть:
«Пазвўо́ль, ба́тюшка, жани́тца,
«Каво́ люблю́, таво́ ўзя́ть».
Ате́ц сыну не паві̆е́рил,
Што на сві̆е́ти есть любўо́вь.
Атвярну́лси сы́нъ, запла́кал,
Сам пашёл ва зелёнай са́д.
Ўзя́л он ша́шку—са́блю вўо́стру
И зарі̆е́зал са́м себе́.
Его бў́йная галў́бвка
Пакати́лась по траві̆е́,
Его шше́чки румяны́я
Прати́в со́лнушка блестя́ть,
Его гля́зки галубы́я
На сві̆е́т Бо́жій не гледя́ть.

(с. Калинино).

№ 15.

Што ж ты, Ва́ня, разуда́лая галава́,
Скўо́й дале́ча атъежжа́ишь ат меня́,
На каво́ ж ты, Ва́ня, спакида́ишь меня́?
С кі̆е́м я бу́ду э́ту зи́му зимава́ть,

С кіе́м прика́жишь лі́ета тю́бплаю гуля́ть?
Гуляй, гуля́й, мая́ ду́шинькя адна́,
Я ж паі́е́ду с иную́й ва да́льней гарадо́к.

(с. Ивово).

№ 16. (Сказч.—Аксинья Васильевна Гаршина).

(Комическая, поется на веселыхъ пирушкахъ).

Из Пи́тера кума́
Из решета́ плыла́,
По До́ну плыла́,
Веретено́м гребла́,
А до́нцу, гре́бень[1]) везла́.
Чі́е́м жа я куму́ сваю
Бу́ду пу́о́тчивать[2])?
Е́сть варабе́й у саду́,—
То́т без за́ду,
Да пшо́ без пе́реду.
Сабрала́ паварўо́в
Со двена́дцати гарадўо́в,
Навари́ли из варабья́
На двѣна́дцать катлўо́в,
И станави́ли варабья́
На двена́дцать блю́д.
Іе́шь, кума́, не заса́ливай уса́.

(с. Старое Дубовое).

№ 17. (Васильевна-Пожидаева).

(Старинная величальная пѣсня, теперь вышедшая изъ употребленія).

Ні́е́т у нас бу́о́льша багача́,
Как Ива́на Микала́ича.
Он ты́щими на ты́щи наступа́л

1) Т. е. принадлежности пряхи.
2) Т. е. угощать.

Миліёны па гораду рассыпал
Бума́шками сара́и накрыва́л,
А рублю́бвками вару́ты запира́л.

(с. Хлѣвное).

№ 18. (Наталья Тимофеевна). *Протяжная.*

Ше́л Ва́ня да дару́ожкай,
Дару́ожкаю сталбаву́ой,
А за ни́м следо́чкям я бежа́ла.
Бягу́, бягу́ я, дї́евушка
И го́ласам кричу́.
Го́лас му́ой ды ня слы́шна,
Плато́чкям я маха́ла.
Плато́чик,—му́ой а́линькей твето́чик,
Зачї́ем так ра́на апа́л?
Ми́линькей дружо́чик,
Зачї́ем ты мене бро́сил?
Бро́сил ты мене́,
Любі́ть переста́л.
С э́тай ды любу́овію
У тямницу жи́ть напа́лъ.
У тямни́цы жи́ть ня ску́шна
Разбу́ойничкю аднаму́.
Две́ри заскрыпї́ели,
Серде́чкя мая́ упа́ла.
Пала́ч гро́знай ка мнї́е идё́ть.
Ни ате́ц, ни мать
Не пла́чьтя аба мнї́е.

(с. Старое Дубовое).

№ 19. (Васильевна). *Протяжная.*

Ску́ой далёка, му́ой ми́лай, атъежжа́ишь,
Куды́ атъежжа́ишь, на кого́ мене́
Бещя́стнаю спакида́ишь?

Пайду́ я с го́ря ды ва чи́стая по́ля,
Вы́раю я та́м ку́стик кали́нки,
Пасажу́ я ту кали́нку ды ва ба́тюшкин са́дик.
Расти́, расти́, мая кали́нушка,
Расти́ и зеляні̆е́йси,
Живи́, живи́, мая́ суда́рушка,
Живи́ и не печа́льси.
Как заску́чисси без мене́,
Пайди и разгуля́йси.

(с. Старое Дубовое).

№ 20. (Васильевна).

Девчо́начкя лі̆е́сам шла́,
Усі̆е́ дарўо́жки испрашла́.
Сваёво́ дружка́ не нашла́,
Запла́кала ды и пашла́.
Прислу́халася ді̆е́вушка,—
У лясу́ ли́стики шумя́ть,
У лясу́ ли́стики шумя́ть,
Сё пра берёзу гаваря́ть.
Бі̆е́лая берёзушка
Наклани́лась к зямлі̆е́, стаи́ть.
На э́тай на берёзушки
Сляті̆е́лися пта́шечки,
Пта́шечки—салаве́й с куку́шкаю.
Куку́я куку́шичкя
У́трам ра́на на зарі̆е́,
Весяли́ть сваи́х дите́й.
Кали́нка с мали́нкай
Не в по́ру твела́.
Ради́мая ма́мушка
Мене́ радила́.
Не сабра́мшись с ра́зумам,
Мене́ за́ муж атдала́,
Атдала́ на чужу́я сто́рану.

На чужу́ой стару́онушки
Непріютная семья́:
Свёкар ды свекро́вьюшка
Ды распасты́лай му́ш-дура́к,
Н'юмі́ея рабу́отать,
Че́рнай па́шиньки паха́ти.
А я са́м н'юспа́шу,
Батрачкя́ сабі́е найму́.

(с. Старое Дубовое).

№ 21. (Иванъ).

Ты Расі́ея, ты Расі́ея,
Ой да́ ты Расі́ейская земля́.
Ой пра тебе́-ли Ма́ть ды Расі́ея
Бальша́я сла́ва пралегла́.
Бальша́я сла́ва пралегла́
Пра Плату́ова казака́.
У Плату́ова казака́
Ня стри́жиная галава́,
Ня стри́жиная галава́
И ня бри́тая барада́.
Плату́ов через заку́он ступи́л
Усы,—бо́раду абри́л,
Усы́,—бо́раду абри́л,
У хранцу́за у гастя́х бы́л.
Хранцу́з его не вазна́л,
За купца́ его́ приня́л.
За купца́ его́ приня́л,
За дубу́овай сту́ол сажа́л.
За дубу́овай сту́ол сажа́л,
Рю́мку ву́одки налива́л.
«Вы́пей рю́мку, вы́пей дві́е,
«Скажи пра́вду усю́ мні́е!
—«А на шту́о табі́е пра́вду каза́ть,

«Ее́ та́к мо́жна вазна́ть.
«Ты варўо́на, ты варўо́на[1]),
«Загумё́нная сава́,
«Не магла́ да ты варўо́на
«У рука́х держа́ть я́сна сакала́,
«Пагляді́ ва слі́е́д Платўо́ва казака́».

(с. Хлѣвное).

№ 22. (Екатерина Тарасьевна).

Рўо́шша, мая рўо́шша, рўо́шша зелё́ная,
Атчего́ ты, зелё́ная рўо́шша засо́хла?
Засыха́ла зелё́ная рўо́шша ат бў́йнава віе́тру,
Ат жа́ркава со́нца, ат люты́х марўо́зав.
Без пары́, без вре́мя ста́ли твяты́ со́хнуть,
Без прилу́ки[2]) у иную́ улюби́лси,
У иную́ улюби́лси, вўо́ли сваей́ лиши́лси.
Вўо́ля, мая вўо́ля, вўо́ля дарага́я,
Вўо́ля дарага́я,—девчо́начкя маладая́.
У саду́ с ни́м гуля́ла, красату́ теря́ла,
Красату́ теря́ла, у в астрўо́г жи́ть папа́ла.
То́шна мні́е́, гру́сна у в астрўо́гя сидіе́ть,
У в астрўо́гя сидіе́ть, у в ако́шки глядіе́ть,
Ми́ма ако́шка пралегла́ дарўо́жка.
Па э́тай па дарўо́жки мнўо́га хўо́дють—іе́здють,
Мнўо́га праежжа́ють, а пра ми́лава сё ка́жуть.
Живе́ мўо́й милой́ за рякўо́й,
Гуля́я с инўо́ю са купе́цкай до́чкей;
Купе́цкая до́чкя—ана́ лу́ччи и живе́ пабли́жа.

(с. Старое Дубовое).

№ 23. (Екатерина Тарасьевна).

Загада́ю я зага́дку, загада́ю табіе́ другу́я.
Извўо́ль атгада́ть, мўо́й ми́лай.

---

1) Сказчикъ добавляетъ, что Платовъ козакъ бросилъ тутъ же записку о своей личности, а самъ будто бы уѣхалъ на лошади, у которой были прибиты подковы «задомъ напередъ» для того, чтобы скрыть свои слѣды...

2) Т. е. безъ ласки.

Атчего́ ку́дри вьютца, атчего́ сяку́тца?
Сы ра́дасти ку́дри вьютца, с печа́ли сяку́тца.
Твя́ли, твяли́ а́лы твяты̀, ста́ли апада́ть.
Люби́л мене́ любе́знай дру́г, ста́л спакина́ть,
Ину́ю,—размилу́ю ста́л узлюба́ть.
Ина́я,—размила́я, чїе́м ана́ палу́ччи?
Живе́ть пабли́жа, перела́з пани́жа.
Перела́зушки ни́ски, соба́ки ня ли́хи.
Семе́йкя смирне́нькя, а я весе́ле́нькя.
Ў вяздїе́ звóн, звóн ва всїе́ калакŷблы.
Пра нас, с табŷóй, суда́рушка, усїе́ лю́ди гута́рють.
Пуска́й ба́ють и гута́рють, авŷось переста́нуть,
А мы с табŷóй, суда́рушка, у любŷóви наживе́мси,
У любŷóви наживе́мси и урóсь разайде́мси.
Ни ты́ ка мнїе́, ни я х табїе́ ня бу́дим хади́ти,
Ни ты мене́, ни я тебе́ ня бу́дим люби́ти.

(с. Старое Дубовое).

№ 24. (Николай Петровъ Кочетовъ).

Капа́ю черёмушку ва дряму́чам лясу́.
Пасажу́ я черёмушку ва зелёнам саду́.
Нельзя́ черёмушку ды нязрїе́лаю рва́ти,
Нельзя́, нельзя́ кра́снаю дїе́вку не сва́тамши бра́ти.
Па тŷóм баку́ за рїе́чкею стая́л нŷóвай дóм.
Ва тŷóм дварцїе́ стаи́ть крыльцŷó вазру́блиная.
С тавó крыльца́ вяду́ть маладца́ с кра́снай дїе́вушкай.
Ади́н веде́ть за ру́ченькю, другóй—за рука́в,
А тре́тей стаи́ть — гавари́ть:
Успаи́л, ускарми́л ду́шинькю, гада́л за себе́.
Аста́лась суда́рушка, сгрустни́ла мене́.

(с. Маланьино).

№ 25. (Наталья Тимофеевна). *Протяжная.*

Шел ми́лап из нявŷóлюшки,
И нихтó маладца́ сустреча́ть нейде́:

Ни атéц, ни мáть, ни сестрá, ни брáт.
Сустречáла маладцá мáть-мáчиха.
Ни́ска клáнилася, сы́ну жáлилася:
«Уж ты, сы́н мŷóй, ты сы́н, сын вазлю́блинай,
Как твая́, сыночик, жанá у распу́т пашлá,
Усïé мяды́ папилá, усïé параску́барила
И дитю́б своегó изруби́ла».
Как узя́л маладéц шáшку вŷóстраю,
Сруби́л он жанïé бŷйну гóлаву.
Пакати́лась галавá за нŷóваи варатá.
А тепéрь пашёл маладéц у висŷóк тéрям,
У висŷóкам тéреми калубïéль виси́ть и дитю́б кричи́ть.

(с. Старое Дубовое).

№ 26. (Васильевна). *Плясовая.*

Не хади́, ми́лай, ка мнïé, не хади́ на у́лицу,
Ты ня стŷóй прати́в менé, не гля́ди ты на менé.
Я бы рáд бы не глядïéть, маи́ глáзки гледя́ть,
Маи́ глáзки гледя́ть, гавари́ть с табŷóй хатя́ть.
Гавари́л мŷóй ми́лой, гавари́л мŷóй дарагóй,
Пáрень дïéвушку угавáривая, на сваю старŷóнушку пере-
бáивая,
На маей старŷóнушки усïé забáвушки тваи́,
Усïé забáвы, усïé разслáвы, усïé зелёнаи сады́.
Ва зелёнам ва саду́ твяту́ть áлаи твяты́.
Мы падём ва зелёнай сад гуля́ть,
Завяжу́ эти тветóчки у гарниту́равай платóчик,
Палажу́ эти тветóчки у гŷóрницу в угалóк.
Три́ дни, двá дни пагажу́, узалóчик развяжу́,
Не сóхня-ли, не вя́ня мŷóй лазŷóривай тветóк,
Ня ту́жа-ли не гарю́я мŷóй ми́линькей дружóк?
Хŷóть патŷжа пагарю́я на чужŷóй на старанïé,
На чужŷóй на старанïé ды ня бли́зка ка мнïé!

(с. Старое Дубовое).

№ 27. (Екатерина Тарасьевна). *Протяжная.*

Ва лясочку была́, гришкі́—я́гатки рвала́,
Ахвиціе́ру прадала́, с ахвиціе́ра за ту ціе́ну рупь с палти́най
узяла́,
Ру́пь с палти́най сы мали́най,
Мніе́ мали́на насали́ла, пиру́бг се́рца зaже́г.
Не пиру́бг се́рца зaже́г, заже́г ми́лай дружо́к.
На круту́ом бережо́чкю сабира́лася калпа́нья.
Діе́вушки ду́мали,—гада́ли, каво віе́рна палюби́ть:
Лебо́ Ти́шу, али Ми́шу, аль Алёшу шшо́галя,
У Алёши шшагаля́ есть ба́рыня хараша́.
Есть ба́рыня-суда́рыня, зову́ть ее О́люшка.
Уж ты, О́люшка душа́, сабу́ой о́чень хараша́.
(с. Старое Дубовое).

№ 28.

Свіе́тя міе́сяц, свіе́тя я́снай,
Свіе́тя біе́лая заря́.
Прасвяти́л усю́б міе́сяц я́снай
Спло́ть до Са́шина двара́.
И зашёл я к Са́ши у го́сти.
Мая Са́ша кріе́пка спи́ть.
Пастуча́л я аб ако́шка,
Са́ша со́нная бяжить.
(с. Старое Дубовое).

№ 29.

Как пайду́ я малу́динькія ва зелёнаю ру́бшу.
Срублю́ я маладе́нькя, тане́нькя, гладе́нькя кляну́баваю дре́ва,
Издіе́лаю я маладе́нькя зво́нчатаи гу́сли.
Пазаба́вьтя, гу́сли-мы́сли, пазаба́вьтя го́стя,
Го́стя маіво́ дарагу́ога,—ба́тюшку радну́ова.
Он не ча́сто у го́сти іе́здя, не до́лга гастю́я,
Адну́ но́чь начу́я,—тае́ пратаску́я.
Он лажи́тца спа́ть на ла́вки пад кра́сным ако́шкам,

Он ча́сто устава́я, усю́ё свіе́ту жела́я.
И што́ э́та свіе́ту ніе́ту, не ско́ра рассве́ня.

(с. Старое Дубовое).

№ 30. Протяжная.

Весё́лая бясіе́душка, игдіе́ ба́тюшка пьёть,
Он пье́ть, не пье́ть радимай му́ой,
За мну́ой младо́й шлёть.
А я—мӑлӑда́—мӑлӑдё́шунькя заме́шкалася
За у́тками, за гу́сями, за лебедя́ми
И за міе́лкай за пта́шкай за зо́рюшкай.
Зо́рюшка па беряжку́ паха́живала,
Кавы́лъ-тра́вку пашшипывала,
Ключаву́ою вади́цаю захлё́бывала.

(с. Маланьино).

№ 31. Воробей[1]*.*

(Яковъ Θедот. Бунинъ).

Запѣвъ: До́ма-ли, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ он діе́лаить, кума́? Бо́лян ляжи́ть.
А што́ ж у нево́ ды бали́ть? Галу́овка.
Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть галу́овка.
Схади́, кума́ в агару́од,
Сарви́ тра́вки—гару́ошку,
Припа́рь яму́ галу́овку.
Па́рила, ку́мушка, па́рила галу́бушка.
Ево́ па́р да ни бирё́ть,
Пу́шша к се́рцу пристаё́ть,
Лихама́нка[2]) берё́ть.
Запѣвъ: Дома-ли, кума, варабе́й? До́ма. и т. д.
. . . .
А што ж у нево́ бали́ть? Ше́ичкя.
Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть ше́ичкя.
Схади́, кума́, в агару́од, сарви́ тра́вки—шве́ички,
Припа́рь яму́ ше́ички и т. д.

---

1) Другая варіація.
2) Т. е. лихорадка.

Запѣвъ: До́ма-ли, кума́, варабе́й? До́ма.

. . . .

А што́ у нево́ бали́ть? Паперёкъ.

Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть паперёк.
Схади́, кума́, в агару́од, сарви́ тра́вки-репеёкъ,
Припа́рь яму́ паперёкъ и т. д.

Запѣвъ: До́ма-ли, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ он дїе́лаить, кума́? Бо́лян ляжи́ть.
А што ж у него балить? Пупо́чик.

Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть пупо́чик.
Схади́, кума́ в агару́од, сарви́ тра́вки снапо́чик,
Припа́рь яму́ пупо́чик.
Па́рила, ку́мушка, па́рила, галу́бушка.
Ево́ па́р не берёть, пу́шша к се́рцу пристаёть;
Лихама́нка берёть.

(с. Елецкая Лазовка).

№ 32. Утушка.

(Яковъ Ѳедот. Бунинъ).

Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Карту́з яму купи́ла,
И каса́тава хвали́ла
И камзу́бл яму́ сши́ла.

Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь,
Люли́, люли́, маладо́й,
Чернабро́вай селезе́нь
Чернагла́зай селезе́нь,
Ва камзу́бли селезе́нь
И у партка́х селезе́нь.

Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Кахта́н яму́ купи́ла.

Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь и т. д.

Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Шарава́ры яму купи́ла.

Припѣвъ: Люли́, люли, селезе́нь и т. д.

Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Кушаче́к яму́ купи́ла.
Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь и т. д.
Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Перча́тачки яму́ купи́ла.
Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь,
Люли́, люли́, маладо́й,
Чернабро́вай селезе́нь,
Чернагла́зай селезе́нь...

(с. Елецкая Лазовка).

№ 33. Заинка.

(Яковъ Өедот. Бунинъ).

Запѣвъ: За́инка,—сі́еринькей му́ой дру́г!
Не люби́ли-ли тебе́, се́рце му́ой,
Не вади́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Ву́от вади́ли се́рце му́ой:
Ву́от Варю́ша за ру́ку,
А Катю́ша за другу́я,
А Дуняша удала́
Падхвати́ла,—павела́.
Запѣвъ: За́инка,—сі́еринькей му́ой дру́г!
Не сажа́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Пасади́ли, па́рень му́ой,
Пасади́ли се́рце му́ой,
Ву́от Варю́ша на ла́вку,
А Катю́ша на скаме́йкю,
А Ду́нюшка удала́
Мні́е сту́лица падала́.
Запѣвъ: За́инка,—сі́еринькей му́ой дру́г!
Не карми́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Ву́от карми́ли, па́рень му́ой,
Ву́от карми́ли се́рце му́ой:
Ка́к Варю́ша пираго́м,
А Катю́ша-та блино́м,

А как Дўóня удалá
Кáшу с мáслам падалá.

Запѣвъ: Зáинка,— сïéринькей мўóй друг!
Не пайли-ли тебé?

Припѣвъ: Вўóт пайли пáрень мўóй,
Вўóт пайли, сéрце мўóй:
Кáк Варю́ша-та винóм.
А Катю́ша—чихарóм [1]),
А как Дўóня удалá
Стакáн мёду падалá.

Запѣвъ: Зáинка,—сïéринькей мўóй друг!
Да не клáли-ли тебé?

Припѣвъ: Клáли, клáли, пáрень мўóй,
Клáли, клáли, сéрце мўóй:
Кáк Варю́ша нá руку,
А Катю́ша на другўя,
А кáк Дўóня удалá
Крïéпко к сéрцу прижмалá.

Запѣвъ: Зáинка,—сïéринькей мўóй друг!
Да ня би́ли-ли тебé?

Припѣвъ: Би́ли, би́ли, пáрень мўóй,
Би́ли, би́ли, сéрце мўóй:
Как Варю́ша—рагачéм [2]),
А Катю́ша—дергачéм [3]),
А Дуня́ша удалá
Пад заты́лак паддалá.

Запѣвъ: Зáинка,—сïéринькей мўóй друг!
Не дражни́ли-ли тебé?

Припѣвъ: Вўот дражни́ли, пáрень мўóй,
Вўот дражни́ли, сéрце мўóй:

---

1) Т. е. *табакомъ, «чихáръ»* — отъ слова чихать. Отъ употребленія табаку чихаютъ.

2) Т. е. ухватомъ.

3) Т. е. кочергой.

Как Катю́ша за́йнкай,
А Варю́ша—сі́ёриньким,
А Дуня́ша удала́
Касы́м чёртам назвала́.

(с. Елецкая Лазовка).

№ 34. Здравица[1]):

(Яковъ Өедот. Бунинъ).

Ой Илья́ Бо́жій свіе́т наделя́шшай,
А Мико́ла умаля́шшай!
Надяли́ть их хлі́ебам-со́лію,
И ската́ми—живата́ми,
Навараждёнными дитя́ми.
Мну́гая, мну́гая лі́ета!

(с. Елецкая Лазовка).

Духовные стихи.

Духовные стихи представляютъ для мѣстныхъ крестьянъ, особенно болѣе религіозно-настроенныхъ и любящихъ духовное пѣніе, особое развлеченіе или даже духовное наслажденіе. Вотъ почему нищіе-слѣпцы,—какъ любители и знатоки духовнаго пѣнія,—пользуются среди мѣстнаго населенія особымъ почетомъ и покровительствомъ. Во время храмовыхъ празднованій церковный хоръ охотно принимаетъ ихъ въ свою среду, а богатые крестьяне-хлѣбосолы предоставляютъ имъ на своихъ пирушкахъ самое почетное мѣсто «подъ святыми иконами».

Духовное пѣніе слѣпцовъ чаще всего можно слышать у храмовыхъ воротъ, на ярмаркахъ, въ домахъ духовной братіи,—мѣстныхъ богачей—хлѣбосоловъ и т. д.

Духовные стихи большей частью поются подъ акомпаниментъ старинной трехструнной бандуры, переходящей преемственно отъ

---

1) «Здра́вицы» — или особыя заздравные полусвѣтскіе стихи, которые, обыкновенно, распѣваетъ «нища братія» во время храмовыхъ празднествъ въ домахъ духовныхъ лицъ, купцовъ, богатыхъ крестьянъ, а также—на ярмаркахъ. За свое пѣніе эта «братія» получаетъ въ награду посильную лепту отъ своихъ почитателей и любителей пѣнія.

одного поколѣнія слѣпцовъ-нищихъ къ слѣдующему ихъ поколѣнію.

Въ заключеніе, слѣдуетъ отмѣтить, что «нища-братія» своимъ умилительно-стройнымъ и подчасъ неподдѣльно-воодушевленнымъ пѣніемъ сильно способствуетъ прочной религіозно-нравственной настроенности и вообще имѣетъ сильное вліяніе на духовно-нравственный складъ крестьянъ; въ этомъ смыслѣ, по признанію многихъ духовныхъ отцевъ, пѣвцы-нищіе являются ихъ ближайшими «помощниками» на духовно-просвѣтительной нивѣ среди мѣстнаго населенія.

№ 35. Плачъ Богородицы.

(Иванъ).

Ва и́же Христо́с Бо́г на́ш Ісу́се.
Яди́най, лука́вай был Ю́да (вм. Іуда).
Запрада́л Христа́ Бо́га на распя́тія.
А распя́ли его́ на святӯо́м дре́вя купаріе́снам.
Распла́читца Ма́терь Бо́жія Маре́я:
«Прелюби́май сы́н мӯо́й, Бог Ца́рь нибе́сная.
«Бязви́нную му́ку, Ча́до, принима́ишь,
«Ды за мі́р святу́я кро́вь праліва́ишь».
—«Не пла́чь, не рыда́й, ты Ма́ть-Маре́я.
«Эта мая́ му́ка—живӯо́т віе́чпай».
Христӯо́с дару́я віе́рным душа́м на спасе́ніе,
Бязвіе́рным, нявіе́рным—злу́ю, віе́чнаю му́ку.
А сла́ва, Христе́ Бо́жи нашъ.

(с. Отскочное Задонск. у.).

№ 36. Плачъ Богородицы-вторая варіація.

(Иванъ).

Васпла́читца ма́ть сыра́ земля,
Васпла́читца Мать причисна́я Багарӯо́дица.
Не магу́ ж малча́ть пред Го́спадам.
Сам Ісу́с на не́ба вазнӯо́ситца,
Ей рече́т: «патерпи́, причисна́я Багару́одица,
«Патярпи́, мать-сыра́ земля!

«Мўожуть,—грïешники-спакáютца,
«Не спакáютца, не минýють судá стрáшнава,
«Судá стрáшнава, втарўова пришéствiя,
«Ну за и́х сагришéнiя,
«Ну за и́х беззакўóнiя
«На втарўóм Христўóвам судý».
Ва слáву Христé Бóжи наш.

(с. Отскочное Задонск. у.).

№ 37. О смерти.

(Марiя Васильева).

Кóль лютáя смéрть гнявли́ва
Дли нáс грïешных челавïек.
Кóль лютáя смéрть гнявли́ва.
При канцý течёть нáш вïек.
Дéнь и нóчь смерть хўóдя,
Не гатўóвыми нас застаёть.
На калïени припадáю,
Я прашý у тебе, смéрть.
Вдрýг нечáинна смéрть застáнить
Мене́ ва храмине худўóй.
На калïени припадáю,
Я прашу у тебе, смерть:
Обажди́ хўоть мáла врéмя
На сïем свïетя мнïе пажи́ть
И маи́ грехи́ няснўóсны
С пакаянiям слажи́ть.
Я и ви́жу ты не зряща
На прашенiе маё.
И усïе члéны расслаблéны,
Знáть нам пўóзна памышлять.
Мўóжа, зáвтря я зарюóю
Я усну таки́м жа снóм.

(с. Старое Дубовое).

№ 38. *Вторая варіація о смерти.*

(Марія Васильевна).

Памышляйтя, христіяня,
Ап сваих дялубв усіе дни.
Далжнуб усякаму челавіеку
Страшнава дня памышлять.
Усіе утіехи, усіе забавы—
Далжнуо пра них забувать,
Судяржитиля Тварца Бога
В помачь призывать.
Как нам гріешным беззакубнным
Ка спасенію идить.
За спинуою смерть с касуою
Хубдя бодренна, ня спить.
Ана хубдя н'юзирая,
Штоб узять голаву с каго.
Ана біедных дажидая
И багатых не щадить.
Так на штубж я суячуся,
Када участь мая такава.
Суета суетствій прида мнубю
Завсягда, как тіень бяжить.

(с. Новое Дубовое).

№ 39. *О страшномъ судѣ.*

(Марія Васильевна).

Прабудися ты ат сна, нявіеста,
Як грядет сы палуначи Жаних
Судити живых с мертвыми.
И блажен раб, его же обрящет бдяща,
И настануть для сих дни златыи.
Он введёть их ва свуой чертог.
Недастуойны паки будуть судимы.
От усего ата сна прабудить
Страшная Его труба,

Усїе́ ру́ци его и но́зи свя́жуть
И вве́ргнуть в гїе́нскій ро́д,
Вве́ргнуть их, игдїе́ няспўо́сны му́ки,
Кри́к и пла́ч, и скре́жет зубўо́в.
Убега́й гряхўо́в, убега́й, душа́ мая,
Што́ бы ты не дашла́ да а́ду
И што́ б ты не лиши́лась кра́сна ра́ю,
Васпря́ни Тварцу́, душа́ мая́.
Игдїе́ вы, рабы́, вадзрема́ли,
И паштўо́б не был у ва́с елей?
Не затїе́м ани́ аста́лись
У Гаспўо́дних у двере́й.
Беряги́сь, наскўо́лькя можна,
Будь трезва́, душа мая!
Мўожа быть, сы сей палу́начи
Пазаву́ть ду́шу на су́д.

(с. Новое Дубовое).

№ 40. Предательство Іуды.

(Марія Егорова).

Царю́ Христе́—Спа́се мїра!
И ты, А́гнец, не зло́бен бы́л.
Та́йным ве́черам жиды́ савїе́т сатвари́ли.
Ста́ли жиды́ гада́ти, как им Христа́ наймати.
Он им закўо́н приставля́я,
Царе̂м себе́ велича́я.
Не и́мам царя́, кроме кесаря еди́нава.
Ю́да к ним прите́кше
И да́л им рїе́чи:
Што мнїе́ да́сте,
Преда́м Его за сере́бреники.
А Ю́да разгарїе́лси,
Се́рцам сваи́м распали́лси,
За сере́бриник преда́л им Христа́.
Тагда он нзбїе́х сваё́во ца́рства,

Бы́вше учени́к Его.
Христо́с мо́лвил ко ученику́—
Ко Іоа́нну напе́рснику:
«Мали́тесся и ня спи́тя
«Жди́тя маи́х страсте́й и дажида́йтя.
«Прихўбдя час мўо́й умре́ти.
«Устава́йтя вї́ерніи,
«Да иду́ я ат ва́с».

(с. Воробьевка).

№ 41. *О крестныхъ страданіяхъ Іисуса Христа.*

(Марія Егорова).

Ро́д жидўбвскай научёный
И ат Христа́ атречёный.
Сабира́лись жиды́ би́ти,
Су́са Христа́ умяртви́ти.
Пила́т ру́ки умыва́я,
На крястї́е́ Христа́ распина́я.
И Его Ма́ти жа́ласливая
Пред кресто́м стаи́ть пла́читца,
На сваего Сына взира́я:
«Сын ты, мўой Сын, прилюбезнай,
«Се́рцу маяму́ бале́знай!
«Атчего́ ты ничего́ не прамо́лвиши
«И се́рце мае̑ не утали́ши?»
— «Табї́е́, Ма́терь, спавї́е́даю,
«Не на вї́еки я умира́ю»...
Васпла́чим мы са слеза́ми.
Принима́л Христо́с му́ки — ра́ны
За на́с грї́ешных христія́н,
Кро́вь часну́ю праливáл,
Принима́л Христо́с му́ки, — стра́сти,
Да избáвить на́с ат напа́сти.

(с. Воробьевка).

№ 42. Великомученицѣ Варварѣ.

(Марія Егорова).

Хва́лим мы святу́я Варва́ру.
Хади́, весяли́ся Бо́жью да́ру.
Как ана́ млада́ прикра́сна
Спазна́лася Бо́гу.
Ту́т ей атёц саздáл сто́лп вису̃бкай,
Што́бы не пазна́ть ей тайнасти глубу̃боки,
Што́бы весяли́лась, за́-муж вы́тить сагласи́лась,—
—Спазна́лась са вью́нашай прикра́сным.
Тут Варва́ра на нéбо узира́ла,
Ана́ умо́м сваи́м размышля́ла,
А вїéря пра́вай и святу̃ой.
Мы́сли ее благї́и ня здїéшнива свїéту.
Атéц не знал ее умышлéнія,
Са сталба́ сайти́ть он дал пазвалéнья,
Са́м уї̈́ехал ва да́льни стра́ны.
А до́ма вялїéл стро́ить ба́ню
Са двумя́ лишь акна́ми.
Палучи́ла ана́ слабу̃бду,
Вазна́ла ана́ не ма́ла Христу̃ова нару̃бду.
Бо́га зна́ть у̃сегда́ жала́ла,—
При себé имїéть дяви́ц христїя́нских.
Тут ей тайны абъяви́лись,—аткры́лись,
И вїéря святу̃би ее научи́ли.
Тут Варва́ра акрясти́лась,
Усéй душу̃ой ана́ прасвяти́лась.
Он ей да́л па пра́ву
Ту́т ну̃оваю ба́ню.
Ба́ню ана́ пасматрїéла,
Три акна́ сазда́ть ана́ вялїéла.
Бо́га — Тру̃ойцу пазна́ла,
Крéст на ка́миню начерта́ла,
Атца́ раздражи́ла.

Он на до́чь сваю́ гнїе́вна распали́лси,
Нача́л му́чить ее немиласе́рдна,
Патѣша́ть ее му́ками сваю се́рца,
И тїе́м Тварца́ прагневля́ти.
Вы́рвалась ана́ из рук его тира́нских.
Ту́т пешше́ра ее скры́ла,
Ка́мень на́ двое раздяли́ла
Гаспў́днія си́ла.
Бежа́л ате́ц за не́й у я́расти ужа́снай.
Не дагна́мши до́черь прикра́сну,
Пастухў́в он вапраша́я:
«Не видали-ли вы бягу́щію дяви́цу?»
Адн́н пасту́х Тварца́ убая́лси:
«Хў́оть бы я и вида́л»... он у тўо́м заппра́лси.
А друго́й не сажалїе́мши,
Указа́л персто́м, насмїя́вшись,
Игдїе́ укры́лась свята́я Варва́ра.
Зато́ он ста́л сто́лп непакалябн́май...
Наказа́л его Гаспў́дь и справядли́ва.
И о́вцы у сталбы́ абрати́лись.
И усїе́ лю́ди удиви́лися,
Зря сіе́ чу́да присла́вная.
Тут пайма́л ате́ц Варва́ру святу́я,
Сня́л с ней аде́жду дарагу́я,
Нача́л му́чить ее немиласе́рдна,—
Тварца́ прагневля́ти.
Ту́т пад ме́чъ ана́ главу́ прикланя́ла,
Атца́ сваего́ гнїе́вам Бо́жьим пристыжа́ла.
«Пагиба́ишь ты, дїе́ман,
Пахи́тить тебе́ дїе́ман и ад преиспў́дней».
При канчи́ни Варва́ра мали́лась,
Штоб напра́снай сме́рти ча́с не насти́г.

. . . .

. . . .

Пачитáть ее хто бýдить,
И хтó страдáнія ее не забýдить,
Тóт судá Бóжьевó минýить.
Приди́ ка мнїé, Варвáра,
Ў чáс смéрти маéй!

(с. Воробьевка).

№ 43. О св. Макаріи.

(Марія Егорова).

Из пусты́ни, из вяртїéпа идёть, грядёть младой вью́-
ноша,
А нустрїéч ямý Сáм Ісýс Христóс.
Аб чўóм ты, вью́ноша, гýрькя плáчишь?
«О Гóсподи, — Спаси́тель мўóй!
«Как мнїé не плáкати, как не рыдáти:
«Патеря́л я кни́гу Евáнгелья, урани́л я у мóря залаты́и
ключи́».
— «Не плáч, не рыдáй, младóй вью́ноша!
«Кни́гу Евáнгелья сáми вы́пишим,
«Чéрнаго мóря сáми вы́сушим,
«Дастáним мы залаты́и ключи́,
«Атамкнéм мы, атапрéм залаты́и вратá».
— «Ох, Гóспади, Спаси́тель мўóй!
«Асквярни́лась душá мая́
«Ат вся́ких бїéд нечасти́вых
«Гряхўóв сваи́х нестярпи́мых».

(с. Воробьевка).

№ 44. О св. Николаѣ-Чудотворцѣ.

(Марія Егорова).

Ой хто Микалáя лю́бя
И хто ямý вїéрна слýжа,
Тамý святóй Микалáй
На вся́кай час памагáя.
И хто к няму прибегáя

И на пóмачь его призывáя,
Тóт ат гряхўбв аслабани́тца
И пакўбям насладитца.
Хтó дéржа его óбраз у дóми,
Таму́ он памўбшник на зямлїé и на мóри.
Рáдуйся, Микóлае, вяли́кай и прислáвнай Чудатвўбрче!

(с. Воробьевка).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ заключеніе, для большей полноты этнографическаго матеріала, считаемъ не лишнимъ привести еще текстъ записанныхъ нами народныхъ мѣстныхъ молитвъ и заговоровъ.

№ 45. Заговоръ отъ жабы.

(Осипова).

У баля́шшага (имя) жáба, жáба.
Ты ступáй, жáба, на канюбвскаю бáбу
И ступáй на зелёнай лужóк (дýнуть-плю́нуть),
Іéшь зелёнаю трáву, пей ключавýю вóду.
Безъимённа напáл, безъимённа прапáл.

(с. Маланьино).

№ 46. Отъ сухого кашля.

(Аввакумовна).

Ат сіéрава глáза, ат чéрнава глáза,
Віéтрам надýло, віéтрам сдýло.
Дубаглóт, дубаглóт! вазьми́ мўбй глóт (до трехъ разъ).

(с. Маланьино).

(Во время чтенія этого заговора надо потереться горломъ о лавочку опечика до трехъ разъ).

№ 47. *Заговоръ отъ кровотеченія.*

(Александръ).

На мо́ри — акія́ни, на бальшу́ом курга́ни
Стаи́ть даска́, на даскі́е Бо́жья Ма́тушка.
Ко́сы заплета́я, кавры́ вышива́я,
Па́льцами перебира́я.
Па́льчик асмыгну́лси, кро́вью зали́лси.
. . . .
И ты, кро́вь заткни́ся, кро́вь-руда́ астанави́ся.
(дунуть—плюнуть).

(с. Карачунъ).

№ 48. *Заговоръ отъ ячменя.*

(Тимофеевна).

Ячме́нь, ячме́нь! на табі́е ку́куш,
Чего́ ху́бчишь,—то ку́пишь.
Купи́ сабі́е тапаро́к,
И сруби́ себе́ паперё́к.

(с. Старое Дубовое).

№ 49. *Заговоръ отъ коликовъ.*

(Абрамъ Рудаковъ).

Ва и́мя Отца́. Ами́н.
Аста́лси ади́н.
Тьфу! Ни 'днаго́ (т. е. ни одного «ко́лика»).

(с. Старое Дубовое).

№ 50. *Заговоръ отъ кровотеченія* (другая варіація).

(Тарасьевна).

На мо́ри-акія́ни, на о́страви буя́ни
Стаи́ть прясту́бл, на прясту́бли сиди́ть дяви́ца,
Дяви́ца преде́ куде́лицу [1]).
И ни́тачкя абарви́ся, руда-кро́вь угамани́ся

1) Т. е. рогатка, принадлежность пряхи.

Лятїёл вбран черяз мо́ря,

Во́ран кра́кия,— руда́ ка̀пня (до 3-хъ разъ).

(с. Старое Дубовое).

№ 51. *Заговоръ отъ укушенія змѣи.*

(Абрамъ Рудаковъ).

На мо́ри акія́ни, — на бстрави буя́ни

Стаи́ть дуб пирками́д.

Пад тїе́м ду́бам земля ляжи́ть.

Кричи́ть, савыва́я, сваи́х казюля́т падклика́я

Ня ты-ли сблагава́ла, ня ты-ли сшельмава́ла?

Вынь сваю́ жа́ла из рук, из ну́бг, из жил, из па́жилак.

(с. Старое Дубовое).

№ 52. *Мѣстная молитва передъ сномъ (вечерняя).*

(Тарасьевна).

Хресто́м хряшшу́сь,

Хресто́м гаражу́сь.

Ма́тушка — Карми́лица!

Сахрани́ мене́ да по́лначи!

А́нгаль Гаспу́дней да свїе́ту,

А Гаспу́дь да вїе́ку.

(с. Старое Дубовое).

Записалъ **Владимиръ Тростянскій.**